

ЮЛИЯ
ЦЫПЛЕНКОВА

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ
ФАВОРИТКА

Литрес

Солнечный луч

Юлия Цыпленкова

Солнечный луч. Фаворитка

«Автор»

2023

Цыпленкова Ю.

Солнечный луч. Фаворитка / Ю. Цыпленкова — «Автор»,
2023 — (Солнечный луч)

Если ступить на лестницу, то она непременно приведет наверх. Нужно только, поднимаясь, внимательно смотреть себе под ноги, иначе можно оступиться или не заметить подножки, и тогда падение будет болезненным. Но если есть тот, кто предложит руку и поможет преодолеть препятствия, то подъем превратится в головокружительный полет. Вопрос только – насколько надежна эта рука, и не скрывается ли подвоха за необходимой поддержкой? Узнать это можно лишь достигнув самого верха, и Шанриз Тенерис уже уверенно шагает по ступеням...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	49
Глава 6	60
Глава 7	70
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Юлия Цыпленкова

Солнечный луч. Фаворитка

Глава 1

Ветер шуршал кронами. Яркое летнее солнце щедро заливало ласковым светом благословенную землю Камерата. Королевство продолжало жить своей жизнью, пока его монарх наслаждался стремительным бегом своего жеребца в лесах Лакаса. Бедное животное, которое он гнал со своей свитой, назвать счастливым было сложно, несмотря на то, что зверю выпала честь доставить удовольствие государю своей безвременной кончиной.

И пока король ломился в лесную чашобу, а его дичь изо всех сил старалось не попасться охотнику, я прогуливалась по поляне для пикников и ждала момента, когда вернутся душегубы, а вместе с ними и их трофеи, к которым я не подойду даже на расстояние пистолетного выстрела. Да, это была Большая королевская охота, когда мне было позволено оставаться вдалеке от творившегося кровопролития.

На малые охоты я ездила, но оставалась в охотничьем домике, пока король со свитой ломали кусты и пугали живность в своей неуемной жажде крови. Я гуляла там, где не было слышно ружейных выстрелов. Меня сопровождали гвардейцы и дамы, прибывшие на охоту вместе с мужьями. Теперь считалось дурным тоном участие женщин в загоне. А как иначе, если королевская фаворитка терпеть не может охоты? Мода – вещь беспощадная, а придворная – еще и обязательная.

Меня тяготил этот хвост поначалу, но вскоре привыкла и даже начала получать удовольствие от его наличия, потому что дам было немного, а среди них и моя подруга – графиня Энкетт и баронесса Гард, прибывшая к мужу, как только он сменил должность и покинул Двор. Однако во дворце осталась я, и потому Фьер принимал живейшее участие в придворной жизни. А если учесть наличие его супруги, то и государь начал воспринимать наше общение с большей благосклонностью. Особенно после истории с моим похищением, в которой его милость сыграл немалую роль, с первых же минут заставив монарха засомневаться.

Баронессу я взяла под свое покровительство. Она была низкого происхождения, и уже поэтому на нее поглядывали с предубеждением, и я помогла ей избавиться от излишнего высокомерия окружающих. Внимание и радушие с моей стороны быстро изменили положение ее милости, и высшее общество приняло ее в свой круг. Фьер, улучив минуту, шепнул мне, глядя на жену, смеявшуюся вместе с другими дамами:

– Вы – волшебница, Шанриз. Никогда бы не подумал, что подобное возможно. Не знаю, как мне вас отблагодарить за всё, что вы сделали для нашей семьи.

– Пустое, – отмахнулась я. – Просто оставайтесь моим другом. И в печали, и в радости – большего не прошу.

– Об этом и просить не стоило, – улыбнулся барон, на том разговор о благодарности и закончили.

Так вот, пока государь с другими охотниками пугал животных в лесу, мы, их дамы, предавались забавам, так развлекаая самих себя. Однажды даже сыграли в совсем уж детскую игру – в прятки. Но меня сразу же выдали гвардейцы, исправно исполнявшие свои обязанности. И как бы я на них ни шипела, мои телохранители не сдвинулись с места, потому меня нашли первой, и я интерес к пряткам потеряла. Впрочем, могли и просто беседовать. Да и не только. Занятий находилось немало. И потому, когда наши мужчины возвращались, мы не всегда успевали по ним соскучиться, но общество, конечно, оживало, и вечера проходили под бахвальство охотников и щебет их женщин. В общем, малые охоты я даже любила уже за то, что можно было

отдохнуть от многолюдного Двора и за некую интимность. Но если бы еще можно было обойтись без самой охоты, то и вовсе начала бы обожать. Однако о таком оставалось лишь мечтать.

А вот на большой охоте даже разговора не заходило о том, чтобы брать меня с собой. Я оставалась на поляне и изнывала от вынужденного ожидания, порой затягивавшегося до позднего вечера, когда уже не хотелось ни пикника, ни традиционных развлечений. И потому, чтобы скрасить часы бестолкового времяпрепровождения, я потребовала непременно участия актеров и музыкантов. На поляне разворачивался театр под открытым небом, который пришелся по душе всем без исключения. Между актами придворные имели возможность перекусить, а после окончания обсудить постановку.

Потом кто-то слушал музыкантов и певцов, кто-то отходил, чтобы немного посплетничать. Заводились игры, в которых с удовольствием участвовали и седовласые министры. Слушались и скачки, которые прижились и даже вошли в моду. Если оставалось время, затевались танцы. И день пролетал так быстро и весело, что к возвращению охотников измученных ожиданием найти было сложно. Ну а дальше уже вступала в силу традиция: показать добычу, пострелять, пока ее готовят, похвастаться удачью – и за стол. Невероятно насыщенный день.

И этот был такой же. Сегодня давали балет, и он как раз закончился, скрасив нам целых четыре часа. Звуков приближающейся кавалькады слышно не было, а значит, можно было развлекаться дальше.

– Ваше сиятельство.

Я обернулась и встретилась взглядом с графом Атленгом. Министр был хмур, как обычно, но губы в учтивой улыбке все-таки растянул. Не желая отказывать ему в любезности, я ответила дружелюбной улыбкой и направилась к его сиятельству... Ах, да. Вас, должно быть, удивило обращение ко мне? Нет, ошибки не было. Теперь я и вправду носила графский титул, получив его в подарок от государя на свой девятнадцатый день рождения. Мне досталось графство, которым некогда владела тетка короля и которое было конфисковано у нее перед изгнанием в Аритан, дабы ее светлости не взбрело в голову засесть в одной из своих нор на земле Камерата.

Теперь ко мне обращались «ваше сиятельство», а имя мое полностью звучало: графиня Тибад-Стренхетт, урожденная баронесса Генерис-Доло. Стренхетт в данном случае означало лишь то, что Тибад находится в королевском владении, где и останется, если я вздумаю выйти замуж. То есть титул, как и графство, достались только мне, но не моему роду. Поминания титула баронесса, как и имени рода, говорило, что я не замужем.

Заполучить подобного не доводилось ни одной из фавориток государя, какие были до меня. Да и фаворитам тоже. Впрочем, любимцам мужского пола все-таки везло больше, если говорить с практической точки зрения. Тот же Олив Дренг имел земли, подаренные ему государем, в личной собственности. И никто не смог бы оспорить его право на владение и отобрать дар, если, конечно, его сиятельство не сотворит нечто такое, что приведет к конфискации имущества. Но Дренг был слишком умен и предан Его Величеству, чтобы совершать подобные глупости.

Меня одаривали иначе, и дары были более чем щедрые, но ни один из них не давал мне самостоятельности. Так или иначе я оставалась привязана к монарху: будь это земли или поддержка в моих делах. Впрочем, главное, она у меня была.

– Доброго дня, господин министр, – поздоровалась я с Атленгом.

– Доброго дня, ваше сиятельство, – ответил граф. – Пройдемся.

– Извольте, – склонила я голову и, воспользовавшись предложенной рукой, направилась прочь от придворных, время от времени бросая на своего спутника любопытные взгляды.

Он вел меня подальше от лишних ушей, это я прекрасно понимала, только вот цели для разговора наедине не улавливала. Мы практически не общались за прошедшие два с неболь-

шим года. Разве что раскланивались и только. Признав Атленга за человека бесполезного, я не пыталась поддерживать дружбу, которая так и не успела когда-то начаться.

– У вас до меня дело, – сказала я, остановившись первой. – Думаю, нет смысла идти до границы с Самменом, нас уже не слышат. Что вы хотели, ваше сиятельство.

Он развернулся ко мне, окинул задумчивым взглядом, нисколько не смутив, и усмехнулся:

– А вы повзростели, маленькая баронесса. Сильно повзростели, будто вам и не девятнадцать, а все двадцать пять. Разумеется, не внешне, не сочтите за оскорбление. Я говорю об уверенности в себе.

Приподняв брови в ироничном изумлении, я полюбопытствовала:

– Вы только заметили мое взросление, ваше сиятельство? Впрочем, вы все эти годы старались держаться от меня подальше, так что ваше открытие не удивительно.

– Теперь решился подойти, – ответил министр. – Когда-то вы дали мне слово, что уговорите короля жениться, но пока только пользуетесь его милостями...

– Постойте! – воскликнула я. – Богов ради, ваше сиятельство, о чем вы?! Уж не о том ли, что обещали свою дружбу и помощь? Так ведь, как вы сами сознались, за эти два года не нашли и минуты на то, чтобы сдержать обещание. Так чего же вы требуете от меня? Неужто ожидали, что я извернусь, чтобы угодить вам, не получив ни разу поддержки в те тяжелые дни, которых у меня было в избытке? Либо уж дружба, либо каждый сам по себе. Я ведь не требую у вас отчета в вашем бездействии, почему же вы считаете возможным пенять мне?

Атленг фыркнул и отвернулся. Я наблюдала за ним и ждала, что ответит на мою тираду министр. Наконец граф посмотрел на меня и надменно произнес:

– Вы толкуете о личных интересах, а я говорю о Камерате. Тут не может быть торговли.

– Полноте, ваше сиятельство, – отмахнулась я. – Начнем с того, что государю тридцать два года, и у него достаточно ума, чтобы понимать всю важность женитьбы и рождения наследника. Мне же девятнадцать, да и кто я такая, чтобы указывать королю?

– Мы оба знаем, кто вы такая, – едко ответил граф, не смутив и буркнув в своей излюбленной манере: – Псисе.

– Прощены, ваше сиятельство, – не стала я вредничать.

Мы немного помолчали. Атленг вновь отвернулся, поковырял землю носком сапога для верховой езды, после покосился на меня и продолжил:

– Вы можете повлиять на Его Величество, и я прошу вас исполнить данное когда-то слово. Вы правы, время идет, король не становится моложе, а у Камерата всё еще нет наследника.

Я подняла глаза к небу, полюбовалась на облачко, напомнившее собачью голову, коротко вздохнула и вновь обратила взор на министра.

– Кто нынче у вас в фаворе, ваше сиятельство? – спросила я прямо. – Прежде вы настаивали на кандидатуре Аннен Йорденс-Квелинской, но Ее Высочество уже выдана замуж, и кого же теперь вы прочтите нам в королевы?

– Дочь герцога Мэйта, – живо откликнулся министр. – Чудесная девушка.

Я задумалась. Мэйт – небольшой остров в Тихом море, восточный берег и прилегающие воды которого принадлежали Камерату. Особой политической выгоды от этого союза не было. Наши корабли заходили туда на стоянку, пополняли запасы пресной воды, но зато и выходили на защиту острова, если герцогу была необходима помощь. Союзнический договор был заключен еще три столетия назад и не нарушался ни разу. Камерат мог обойтись без Мэйта, а Мэйту без нашего королевства пришлось бы туго.

А еще у герцога было пять дочерей, которых надо было пристроить. И значит, этот брак был нужен только герцогу, ну и Атленгу. Наверняка ему пообещали немалое вознаграждение, если он протолкнет одну из девиц в королевы. Любопытно, которую?

– Какая из пяти? – спросила я, не став терзаться догадками.

– Флоринс, – с готовностью ответил министр. – Старшая уже просватана. Однако Его Высочество не настаивает на кандидатуре второй дочери и готов предоставить портреты оставшихся четырех. Все девушки образованы и хорошо воспитаны. Каждая из них станет достойной супругой. Но вам опасаться нечего, ваше сиятельство, – неожиданно поспешил заверить меня граф. – Герцогини милы, но в красоте вам уступают. Государь любит вас, и это видно каждому, однако ему необходима супруга, а вы ею стать не можете, сами понимаете.

– Скажу больше, ваше сиятельство, – усмехнулась я. – Я не только не могу стать королевой, но и не желаю быть ею.

– Это верная позиция, – улыбнулся граф. – Так что же вы мне ответите?

– А вы мне? – спросила я в ответ.

– Чего же вы от меня ожидаете? – изумился Атленг.

– Того, что обещали когда-то, – сказала я: – Дружбы. Но уже не той скрытной, которую невозможно разглядеть даже в увеличительное стекло, а самой настоящей. Мне нужна ваша поддержка в Совете, – откинув игры, сказала я. – К тому же вы должны учитывать, что король сам принимает решения. Я передам ему, что вы сказали о герцогинях, но ответ будет принадлежать только ему. Однако даже если ваши чаяния и не сбудутся, мы сможем с вами поладить и в иных вопросах. Так что же вы мне ответите? – вернула я министру его же вопрос. – Я могу рассчитывать на вашу дружбу?

Он смерил меня взглядом, помолчал еще несколько минут, а после вдруг усмехнулся и покачал головой:

– А вы хищница, ваше сиятельство. Хорошо, я согласен. Но вы уж постарайтесь сказать о герцогинях так, чтобы государь хотя бы задумался.

– Можете на меня рассчитывать, – заверила я графа с улыбкой. – Вернемся к остальным?

– Да, пожалуй, – не стал он спорить. А когда до придворных осталось немного, произнес: – Позвольте сделать вам комплимент, госпожа графиня. С тех пор, как устройством охот стали ведать вы, время проходит быстрее и приятней. Прежде я едва выносил известие о большой охоте, теперь же еду со спокойной душой, зная, что не придется бесцельно слоняться между другими придворными и выслушивать всякую чушь.

– Кто-то должен нарушать традиции, – пожалала я плечами. – Почему бы и не я.

После рассмеялась и удостоилась еще одной улыбки министра иностранных дел. Мы раскланялись, и я вернулась к Айлид Энкетт. Она отходила к столу с закусками и упустила момент, когда Атленг перехватил меня. Впрочем, свою пропажу графиня быстро обнаружила и теперь, дождавшись моего появления, спросила, бросив взгляд в спину министра:

– Чего хотел от вас этот мрачный и ужасный тип?

– Милейший человек, дорогая, – улыбнулась я, забрав у нее бокал с легким вином.

Теперь я позволяла себе хмельные напитки, легкие и в небольших количествах. Этикет велел мне не употреблять вина как девице, но таковой я уже не являлась. И пусть замужество тоже меня коснулось, но факт оставался фактом, и изображать из себя непорочную деву спустя почти два года проживания рядом с государем было бы лицемерием. Однако я любила свой чистый разум, а потому затуманила его только раз, если не считать тот случай, когда король опоил меня возбуждающим снадобьем. И хоть было весело, но после я ощущала себя глупо, а потому пришла к выводу, что даже одобренная порция спиртного для меня излишняя.

– Скажете тоже – милейший, – фыркнула графиня. – У него всегда такое лицо, будто он с самого утра обнаружил в мыльнице таракана и не может отойти от своей находки весь день.

– Теперь мне ясно, отчего во дворце невозможно встретить тараканов. Они все собрались у его сиятельства, чтобы портить ему настроение день ото дня, – ответила я.

– Вам бы только насмешничать, Шанриз, – с легкой укоризной ответила Айлид. После стрельнула взглядом в сторону Атленга и произнесла: – Должно быть, это заговор против его сиятельства.

– Тараканий, – важно кивнула я. – Не иначе.

Мы переглянулись и рассмеялись, и интерес к министру иссяк. Ее сиятельство взяла меня под руку. Мы прошли до музыкантов немного послушали исполнение произведения набравшего популярность композитора. Мне он нравился, но как-то выборочно. На мой взгляд были композиторы и поинтересней. Айлид скосила на меня глаза:

– Как-то напыщенно, – тихо сказала она.

Я кивнула, дав понять, что разделяю мнение подруги, и мы покинули музыкальный уголок, где и без нас хватало слушателей. Мы неспешно побрели по кромке поляны, не стремясь присоединиться ни к одному из образовавшихся кружков. И к нам никто не спешил присоединиться. Придворные знали, когда я готова вести беседы, а когда мне хватает общества одного-двух человек, чьи имена были прекрасно известны. И сейчас, видя, что мы с графиней удаляемся от всех, несложно было сделать вывод – компания нам не нужна.

– Вам удалось получить разрешение на поездку? – спросила меня ее сиятельство.

– Не спрашивайте, Айлид, – покривилась я. – Пока упорствует.

– Государь не любит отпускать вас, – улыбнулась графиня.

– И дел у него набралось немало, – проворчала я. – Вот и выходит, что сам сопровождать меня он не может, а выпустить из своих когтей одну не желает.

– Но вы сказали, что я готова сопровождать вас в поездке?

– Сказала, разумеется, но ему необходимо не терять меня из виду.

Все-таки тяжело с ревнивцами. Это я знала по собственному опыту. О нет, государь не изводил меня подозрениями, но, чтобы чувствовать себя спокойно, желал сам наблюдать за тем, что я делаю. Ему даже не хватало того, что два гвардейца постоянно и неотступно следуют за мной, охраняя от новых неожиданных приключений, а заодно от тех, кто мог увидеть во мне женщину.

– Ты расцветаешь всё ярче, и я вижу, какими взглядами тебя провожают. Меня это раздражает.

– Но я-то ни на кого не смотрю, – справедливо заметила я.

Действия это не возымело. Я даже пыталась выведать причину, отчего он полон недоверия, хотя я ни разу не дала повода в себе усомниться. Даже в ту пору, когда приходилось превозмогать неприязнь, возникшую после того, что он со мной сотворил после моего похищения. Однако прошло время, и я успокоилась, чему немало способствовали мои занятия с преподавателями, выделенными мне государем (милейшие старички, когда-то учившие и его самого). Да и не только они, но и прочие дела, которыми я теперь занималась. Но об этом чуть позже.

Так вот, я пыталась понять, чем вызвано его недоверие, и государь мне ответил:

– Ненавижу терять то, что мне дорого. Да и что ты хочешь, душа моя? Все Стренхетты ревнивы до безумия. Мой дед держал фаворитку в закрытых покоях, отец не заводил постоянных любовниц, чтобы ни к кому не привязываться. Я же позволяю тебе делать, что вздумается. И единственное, чего не позволяю, это покидать меня с кем-то, кроме твоих родственников, и дольше, чем на один день. Я очень даже доверчивый и милый. Согласна?

– Нет, – фыркнула я, и пока иных действий для доказательств утверждений короля не последовало, поспешила добавить: – Но милым порой бываешь.

В общем, я пришла к выводу, что причиной его постоянных сомнений служат кровь и следствие смерти матушки, которая была для государя отдушиной. Он когда-то рассказывал, что отец пестовал его, готовя в правители, а мать давала тепло, необходимое ребенку. С ее потерей Ив лишился необходимой ему ласки. Тогда его ненависть досталась сестре, которая впоследствии все-таки сумела растрогать его. А вот с женщинами выходило иначе. Измену

он воспринимал не просто болезненно и наказывал беспощадно. Плохо только, что ему для этого хватало одних подозрений. И чтобы не мучиться домыслами и слухами, Его Величество решил проблему, как ему было удобней. Только меня этот поводок раздражал. Однако пока Ивер держался данной мне когда-то клятвы, держалась своего обещания и я. Да и он находил, чем смягчить мое неудобство.

– Как же жаль, – огорчилась Айлид. – Мне бы хотелось взглянуть на ваше графство. Пока я служила у ее светлости, она ни разу там не бывала. А я слышала, что архитектура Тибада невероятно хороша, особо примечателен графский дворец и его убранство.

– Однажды я приглашу вас туда, дорогая, – приобняв ее за плечи, заверила я.

Признаться, я была счастлива, когда графиня отказалась следовать за своей госпожой в изгнание. Ее сиятельство была верна мужу больше, чем герцогине Аританской, что было естественным. Королевская тетка, должно быть, желая сделать напоследок хоть какую-то гадость, вцепилась в барона Гарда и графиню Энкетт, в слезах умоляя не оставлять ее в тяжкую минуту. Взывала к верности и чувству благодарности, что столько времени покровительствовала им.

Гард не стал долго слушать.

– Я благодарен вам, ваша светлость, – сказал барон, – за всё, что вы для меня сделали. И, разумеется, я последовал бы за вами и в Аритан, если бы государь не приказал мне явиться в полицейский департамент, где отныне будет проходить моя служба Камерату. Как же я могу послушаться короля? Прошу меня простить, – сказал он, поклонился и пожелал: – Легкой дороги, ваша светлость.

После чего оставил герцогиню и направил графа Энкетта спасти его супругу. Его сиятельство сделал прощ. Он не стал расшаркиваться, а только покачал головой и произнес:

– Как же вам не совестно чужую семью рушить, ваша светлость? – и увел жену, глядевшую с обожанием на затылок мужа.

– Будьте вы все прокляты, предатели, – прошипела им вслед королевская тетка.

Уезжала она в сопровождении тех, кто прибыл с госпожой из Аритана, или же не имел иных привязанностей и обязательств, да и вообще готов был следовать за опальной герцогиней, так и не признавшей ни своего поражения, ни вины. Уезжала ее светлость с гордо поднятой головой и видом мученицы, которая идет на казнь, презрев своего палача и несправедливость. Я сама этого не видела, но Гард, как всегда, рассказал мне всё в подробностях и в красках.

Теперь уже никто не мешал мне наслаждаться людьми, которые были мне приятны, разве что государь, но эту проблему я решила просто – пригласила их в королевские покои. Возвращать Ивер не стал, понимая, что мои друзья мне необходимы, особенно в ту тяжелую пору. И с того момента мы с Айлид особенно сблизились. Пока она не разочаровала меня ни разу. Эта женщина ничего не ожидала от меня, зато давала отдых душе и сердцу. Она была близка мне и чем-то схожа, а оттого стала дорога.

– Быть может, государь позволит мне сопровождать вас обоих? – спросила графиня, возвращая меня из воспоминаний на поляну для пикников.

Я не стала давать обещаний, которых, скорей всего, не сдержу.

– Вряд ли, дорогая, – отрицательно покачав головой, сказала я. – Когда-нибудь я устрою во дворце Тибада званый вечер, куда вы будете приглашены первой. Вот это я могу обещать вам в точности, – закончила я с улыбкой.

– Тогда скорей знакомьтесь с тибадским обществом и созывайте гостей, – велела мне ее сиятельство, и я рассмеялась.

От дороги донеслись звук охотничьего рожка и конский топот. Возвращались охотники, и пока они не достигли поляны, мы с графиней поспешили подойти к придворным. Здесь и остановились, ожидая когда кавалькада ворвется на поляну. И, как обычно, первым появился Буран – королевский жеребец. Рядом с государем скакали его камердинер и Олив Дренг. Где-то позади оставался граф Энкетт, и его супруга фыркнула:

– Да что же он за человек? Я каждый раз трепещу в ожидании триумфального явления, а его сиятельство только и делает, что измывается над моей трепетной душой и тащится в хвосте.

– Вы не справедливы, Айлид, – улыбнулась я. – Его сиятельство оттягивает момент вашей встречи, чтобы дать вам возможность соскучиться по нему еще больше. Но вы так много ворчите, что старания бедного графа Энкетта разбиваются о ваше недовольство.

– Я много ворчу? – искренне изумилась графиня.

– Думается мне, что тараканы потому и избрали покои любезного графа Атленга, – заметила я, наблюдая за тем, как король спешил, бросил поводья подоспевшему конюху и направился в нашу с графиней сторону.

– Значит, буду ворчать еще громче, – приняла решение графиня Энкетт.

– Тогда к Атленгу однажды сбежит и ваш муж, – усмехнулась я и пожала ей руку: – Прошу прощения, дорогая. Традиция...

– Разумеется, – заговорщическим тоном ответила она.

Я обернулась, лакей с подносом, на котором находился стакан с водой, уже стоял за моей спиной. Забрав у него поднос, я шагнула к Его Величеству. На его губах расцвела широкая улыбка. Кивнув на приветствие придворных, он приблизился ко мне. Я протянула руки с подносом, государь забрал стакан, жадно выпил воду, и лакей унес уже не нужную посуду.

Король уместил руку на моей талии, и мы отошли в сторону от придворных. Оказавшись за спинами благородного собрания, уже приученного в такие минуты не глазеть на нас, я оказалась в объятиях государя. Он склонился ко мне, чтобы поцеловать уже более обстоятельно, но я уперлась ему в грудь ладонями, однако тут же их и отдернула:

– Ив, кровь, – покривилась я. – Я не стану обниматься с тобой, пока ты пахнешь порохом и на твоей одежде кровавые брызги.

– Разве я так не выгляжу диким и необузданным? – полюбопытствовал он.

– Ты выглядишь жутко, – ответила я. – Фу.

– Ваше сиятельство! – возмутился король, но я окончательно отстранилась и отрицательно покачала пальцем перед его носом:

– Вот уж нет, Ваше Величество. Полагаю, что теперь и ночью я буду думать об этих пятнах крови и вскрикивать от кошмаров. Мне даже думается, что я буду помнить об этом еще не меньше месяца, а то и до конца лета.

– Я же с охоты!

– А я смотрела балет, – возразила я. – Ваши животные инстинкты оскорбляют во мне чувство прекрасного. И потом, я вовсе не шучу. Опасаюсь, что и вправду не смогу выносить спокойно ваших прикосновений не меньше месяца.

– Ты бываешь невыносима, – фыркнул монарх. – Это пошлый шантаж.

– И тем не менее.

Отойдя от него еще на шаг, я скрестила на груди руки и ответила упрямым взглядом. У меня была причина вредничать, и он о ней был прекрасно осведомлен – поездка в Тибад. Поглядев на меня исподлобья, король вздохнул и объявил:

– Завтра, – я умиrotворенно вздохнула.

Вернувшись к нему, я улыбнулась, подалась вперед и поцеловала его в уголок губ, однако от объятий опять уклонилась:

– Ив, ты в крови, – напомнила я. – Сделай с этим что-нибудь. Мне и вправду неприятно, ты же знаешь.

Взмахнув руками, государь тихо зарычал, но куртку снял и отбросил в сторону.

– Довольна?

– Не совсем, – ответила я и указала на лакея с кувшином воды, мылом и полотенцем, висевшем на плече.

– Полагаешь, я сам бы не додумался? – надменно спросил король.

– Хорошо, – пожалала я плечами. – Если моя забота вам неприятна, государь, то я более не стану докучать. Буду вести себя, как все остальные.

– Иногда я об этом мечтаю, – усмехнулся Его Величество и направился к лакею.

– Лжете, государь, – уверенно опровергла я.

– От вас, ваше сиятельство, сложно что-то утаить, – полуобернувшись, ответил монарх и подставил руки под струю воды.

Я подошла следом и некоторое время смотрела на то, как он смывает мыльную пену, ополаскивает лицо и руки.

– Вы сегодня необычайно быстро, – заметила я, пока король вытирался.

Он повесил полотенце на плечо лакея, обернулся ко мне и ответил:

– Хэлл был с нами. Ты ему помолилась, я помню.

– Я просила Хэлла за несчастных животных, чтобы он подарил им больше прыти. Но, должно быть, вмешались псы Аденфора, раз удача не помогла моим бедным зверушкам.

– А я его любимец, – ухмыльнулся Ивер.

– Разумеется, – склонила я голову, но тон был наполнен скептицизмом и иронией.

Камерат не вел войн уже продолжительное время. Королевство было обширным и сильным. Да и Саммен – наш извечный противник, вроде как успокоился, заполучив в приданое одной из камератских принцесс прошедших поколений тот кусок земли, за который столько воевал. Впрочем, серебряные рудники давно оскудели, а потому Камерату расстаться со спорными землями оказалось несложно. Самменцы пилюлю проглотили, но довольствовались хотя бы тем, что их собственная территория расширилась. В любом случае, крупных споров давно не случалось.

Король понял мою насмешку. Он смерил меня высокомерным взглядом и подвел осмотру итог:

– Что женщина способна понять в симпатиях Аденфора?

– О, – отмахнулась я. – На это поприще я ни ногой.

– И хвала богам, – с чувством ответил Его Величество и, наконец, заключил меня в объятия.

Однако я быстро отстранилась, а он не возражал. Я не любила этой демонстрации наших близких отношений, да и король помнил о приличиях.

– Вас ждут ваши придворные, государь, – сказала я с легким поклоном.

– И я иду к ним, – ответил монарх и отправился принимать поздравления с удачной охотой.

Я последовала за ним, но осталась за спиной, считая лишним равнять себя с государем и лишней раз дразнить тех, кому мой фавор был не по душе. Я не опасалась завистников, потому что оставалась для них сейчас недостижимой, однако новые заговоры были ни к чему. Теперь ничего не должно было помешать началу того, к чему я готовилась прошедший год. Да и не только я.

Весь мой род ожидал, когда я призову его в помощь. Дядюшка немало постарался за прошедшее время, навещая, увещевая, убеждая и объединяя родственников. Впрочем, даже сомневающиеся не могли опротестовать повеление главы рода. Теперь наше общее благополучие было поставлено на кон, и я не имела права подвести свою семью.

– Нам нужны сторонники, Шанни, – сказал граф Доло в одну из наших встреч, – и они у нас уже есть. Наш род не так мал, как кажется. Доло, Тенерис, Фристен, Мадести – это основные ветви, но мы забываем о тех, кто носит иные фамилии, менее знатны, но все-таки связаны с нами кровью. Дальние родственники не всегда напоминают о себе. Но когда нуждаются в помощи рода, они ее получают. А теперь род нуждается в них. А потому они станут вашими соратниками и первыми помощниками. И не забывайте о других родах, связанных с нами узами брака. Мы и среди них найдем поддержку, потому что за вашей спиной стоит

король. И пусть он не одобряет открыто вашей затеи, но и не мешает ее воплощению, а это значит, что у него имеется свой интерес. Какой – мы пока не знаем, однако не можем не воспользоваться этим молчаливым нейтралитетом.

– Это уже партия, – заметила я с улыбкой.

– Именно, Шанриз, партия, – кивнул его сиятельство. – И она будет шириться и расти, если наши начинания окажутся удачны. Единомышленники сыщутся, когда придет время. А пока заложим фундамент. От него зависит наше общее будущее.

Так что злить кого-то, нарочито подчеркивая свое положение, я не хотела. Пока в моих недоброжелателях значились те, кому мешала моя близость к монарху. Король оставался увлечен только мной, и это не давало надежд кому бы то ни было заручиться его милостью самым простым способом. Позже появятся возмущенные моей деятельностью, и для этого не надо было становиться ясновидящим. Недовольства нам еще хватит, а потому стоило подольше сохранить тот баланс, в котором можно было заниматься делом без помех.

– Ваше сиятельство, – я обернулась и приветливо улыбнулась Дренгу, остановившемуся за моей спиной.

– Ваше сиятельство, – склонила я голову. – Довольны ли вы охотой?

– Вполне, – кивнул граф. – А вы нет, судя по тому, как государь поступил со своей курткой. А между тем он пошел на кабана...

– Увольте, – подняла я руку. – Не желаю знать, как и кого зарезал Его Величество.

– Но он ведь сам мог погибнуть, – возразил Олив и усмехнулся: – Однако вы не спешите заломить руки. – Я ответила молчанием. – Стало быть, я вам рассказываю, как государь в одиночку пошел на кабана, а вы едва не зеваете. – Я вопросительно приподняла брови, и Дренг хмыкнул: – Ну, конечно, вы не видите доблести в схватке с кабаном. Чтобы вы ощутили потрясение, нужно было бы рассказать, как король бросился на штыки противника. Вы – ужасная женщина, – резюмировал фаворит.

– Отнюдь, – не согласилась я. – Но вы правы, я вижу доблесть в сражении за честь своего государства, а в убийстве кабана – лишь жестокую забаву, оценить которую смогла бы, оказавшись в шаге от голодной смерти. А потому прихоть, ставшую причиной схватки с загнанным животным и неуместной игры со смертью, назову недальновидной и безответственной. И вам бы сейчас не рассказывать мне об этом, а остановить монарха перед тем, как он решится на непростительное легкомыслие и убьется, не оставив наследника. Стыдно, ваше сиятельство.

– Опять переживаете мне кости?

К нам приблизился сам монарх. Он перевел взгляд с меня на Дренга, и тот охотно пояснил:

– Я пытался рассказать ее сиятельству о вашей схватке с кабаном, государь.

– И что же? – полюбопытствовал Ивер. – Хотя постой, я сама отгадаю. Нас отчитали?

– Возили носом, государь, будто глупых щенков, – согласно кивнул Олив. – Теперь я хочу к матушке, и чтоб непременно взяла на колени и защитила от этой злой женщины, не способной оценить отчаянной смелости.

– Пожалуй, я не стану уточнять ответа графини, – подвел итог государь.

– Я вам после всё выскажу, – разочаровала его я.

Государь взял меня под локоть и отвел в сторону. Я ответила вопросительным взглядом, и он произнес:

– Сначала поведайте, о чем вы шептались с Атленгом?

– О, сколько угодно, – усмехнулась я. – Его сиятельство ратовал за будущее Камерата.

– А, – монарх отмахнулся, – тогда неинтересно. Мне он тоже ратовал с неделю назад. Хотя любопытно... За кого ратовал? Вдруг у него уже новая кандидатура?

– Герцогини Мэйтские, – ответила я. – Его Высочество готов одарить вас любой из своих дочерей, кого выберете. На мой взгляд выбор недурен. Девушки известны своей скромностью. Для каждой из них будет великой честью заручиться поддержкой Камерата.

Король с интересом поглядел на меня, а затем отметил:

– А ведь ты не сказала – стать королевой. Считаешь, никто из них мне не подходит?

– Богов ради, Ив, – возмутилась я, – не мне же выбирать тебе жену. Тебе и вправду нужна королева, а Камерату – наследный принц, но я полагаю, что тебе достаточно лет, чтобы осознать это и сделать выбор самостоятельно.

– Верная мысль, душа моя, – улыбнулся монарх. – Я сам сделаю выбор и объявлю о нем, но пока о женитьбе говорить рано. Мне нравится моя жизнь, а наследника я сумею зачать и в шестьдесят.

– Тогда тебе не следует кидаться на диких зверей и идти с ними в рукопашную, – ответила я.

– Дренг несколько преувеличил, – отмахнулся государь. – Я был не один, только добил зверюгу. – Я покривилась, но в этот раз монарх оставил мою гримасу без внимания. – Ты так и не пояснила, какая мысль тебя посетила в отношении герцогинь? И не говори, что ее не было, иначе бы ты построила фразу иначе.

Я улыбнулась и взяла его под руку:

– Уже поставили мишени, нам нужно подойти, – заметила я. – А скучные разговоры можем оставить на завтра, пока будем ехать в Тибад.

– Разжигаешь мое любопытство? – полюбопытствовал Ив.

– Не позволяю переменить решение насчет поездки, – пояснила я. – Постель и любопытство – твои слабые места, мой дорогой монарх. Теперь ты у меня на поводке.

– Этот поводок ты сжимаешь в руке уже два года, – усмехнулся он. После поцеловал мне руку, и мы направились к придворным, уже готовым начать состязание. Оставалось лишь дожидаться короля, и он появился.

Глава 2

Аметист гордо вышагивал по дороге, полный значимости от носа до последнего гвоздя в подковах. В его гриве поблескивало на солнце украшение, подаренное когда-то магистром Элькосом. И то ли оно придавало вес коню в его собственных глазах, то ли кавалькада гвардейцев, следовавших позади, то ли он просто возомнил о себе невесть что, но мой скакун был нынче высокомерен и полон самолюбования.

– Может, все-таки перейдем на рысь? – обреченно спросила я жеребца, устав от неспешного шага.

– Пфр, – ответил мерзавец.

– Я его ударю, – тихо зверея от упрямства коня и моего ему потворства, сообщил государь. – Хлыстом. Сию же минуту. Видят Боги, ударю и получу от этого невероятное удовольствие. Еще ни одно животное так упорно не выводило меня из себя.

– Вот еще, – передернула я плечами. – Этот круп не создан для битья.

Аметист согласно тряхнул головой.

– А тебя... – недобро прищурился монарх и закончил под моим внимательным взглядом: – С тобой я тоже что-нибудь сделаю.

– И что же? – полюбопытствовала я.

– Хотя бы пересажу к себе на Бурана и дам ему шпор. И если твой спесивец не одумается, то привяжу его к дереву и оставлю волкам на съедение. – Я возмущенно округлила глаза, и монарх злорадно продолжил: – И разве же я не искупаю грех за охоту, поднося твоим обожаемым зверям эту жирную конину? Ты слышишь меня, негодяй?! – рявкнул Ив.

Аметист был в корне не согласен. Он выразил свое мнение фырканием, даже отрицательно потряс большой умной головой, а после смиловившись и прекратил дурить. Послушный мне, он перешел на рысь, а после и на галоп.

– Хвала богам! – возликовал государь и, подстегнув своего Бурана, догнал меня, поравнялся и погрозил моему жеребцу кулаком. Тот сей неуважительный жест решил не замечать.

Вскоре мы снова перешли на рысь. За нами ехала карета, чтобы была возможность пересесть, когда я устану от верховой езды. Такое могло случиться, потому что наш путь был не близким. Тибад, хоть и граничил с Лакасом, но добраться до моих земель мы должны были только к вечеру. И чтобы не ехать ночью, государь решил остановиться на ночлег в одном из домов, который окажется ближе по дороге. А утром уже отправиться в мое поместье, где мы и должны были провести несколько дней, чтобы я успела оглядеться и познакомиться с обитателями графства.

А пока мы даже не выехали на тракт. Наш путь пролегал через сельскую дорогу, спокойную и почти безлюдную. А те несколько путников, которые встретились нам, были уже испуганы видом гвардейцев, ехавших впереди на некотором отдалении, чтобы расчищать дорогу и не оказаться случайными слушателями наших разговоров с государем. Никого из своей свиты он брать не стал, чему я даже была рада. И от болтуна Дренга иногда требовался отдых.

– Теперь, когда твой конь образумился, мой гнев уже не столь пылок, а дорога впереди длинная, быть может, поделишься соображениями о герцогинях Мэйтских? – спросил монарх. – В конце концов, поворачивать обратно я не стану, когда выехал за ворота.

– Быть может, ты и сам подумал о том же, о чем и я, – ответила я.

– Мне больше думать было не о чем, как о бедолаге Мэйте, который не может сбыть с рук свои сокровища, – фыркнул Ив. – Жениться ни на одной из них я не собираюсь, новой выгоды от герцога уже не получить, потому что мы и так имеем все возможные выгоды от нашего союза. Наши отношения вполне дружественные, а потому забивать голову всякой чушью я не намерен. Говори.

Я не спешила нарушить молчание. Раздражать короля мне нравилось. И его сурово насупленные брови, и взгляд исподлобья и эти его вечные обещания лично задушить меня и жить дальше спокойно – всё это неизменно доставляло мне удовольствие, потому что в такие минуты монарх становился забавным и даже милым. На мой взгляд, конечно. Кто-то другой при виде его недовольства бледнел и хватался за сердце. Я же государя не боялась, и оттого позлить его было одним из моих любимых занятий. Впрочем, он это знал, потому не упускал возможности отомстить, доводя до того, что я могла и ногой притопнуть с досады. Однако такие развлечения у нас случались, когда мы были наедине. При людях же споры были коротки и беззлобны.

– Шанриз Тибад-Стренхетт-Тенерис-Доло, или ты сейчас же откроешь рот, или я вытрясу из тебя всё, о чем ты так загадочно умалчиваешь, – предупредил меня Ив.

Рот я открыла, показала ему язык и хмыкнула, когда король мрачно изрек:

– Восхитительно.

И вот уже после этого, ощутив полное умиротворение, я вздохнула и произнесла:

– Кантор.

– Даже слышать не желаю об этом... – начал было Его Величество, но оборвал себя и велел: – Продолжай.

– Уже понял? – спросила я, усмехнувшись. Король изломил бровь, и я продолжила: – Канторийцы не могут простить Камерату разрыв помолвки и то, что ты предпочел Его Высочеству герцога Ришемского. – Государь скривился, будто съел кислого, однако я внимания на его гримасу не обратила и продолжила: – Они портят тебе кровь, но могут только кусать...

– Однако и эти укусы меня уже бесят, – мрачно изрек Ив.

– Так давай вырвем им зубы. Пусть им не досталась Селия, зато ты можешь сосватать им свою дальнюю родственницу. – Государь расширил глаза в изумлении. – Разумеется, родственницу. Разве же не принцесса Камерата связала королевство и остров тем самым договором, который существует и по сей день?

– Но она была не Стренхетт. Тогда царствовала другая династия...

– Но пращур-то с прежней династией у вас один, – отмахнулась я. – Иначе Стренхетты не получили бы трона. Стренхетт – младшая ветвь Фореттов. Форетты в прямом родстве с Гамлингами. А та принцесса была – Гамлинг. А стало быть, юная герцогиня Мэйтская приходится тебе дальней родней. Канторийцы кричат о том, что Камерат не держит слово, что ты пренебрег соглашением и отдал сестру за Ришема. Так отдай им еще одну сестру. Ты сможешь успокоить змея, который жалит тебя на протяжении всего времени после того, как им было отправлено известие о свадьбе принцессы с герцогом Ришемским. Соглашения останутся в силе. Можно даже пойти им на уступки в мелочах, чтобы канторийцы посчитали ущерб возмещенным. Разумеется, с выполнением всех прежних обязательств с их стороны. В то же время ты польстишь Мэйту тем, что назовешь его дочь сестрой и сам займешься обустройством ее счастья. И за это посредничество, если хорошо подумать, то и с этой стороны можно найти выгоду. В результате, ты соединишь два одиноких сердца и ощутишь умиротворение, получив всю возможную пользу от этого союза.

Ивер прищурился, разглядывая меня, а после откинул голову и рассмеялся.

– Ах, ты ж маленькая пройдоха! – воскликнул он, отсмеявшись. – Мне нравится! Нет, правда. Мы действительно можем заткнуть пасть злопамятным негодьям, а заодно снискать благодарность и пользу с Мэйта. Я даже готов сам встретить и сопроводить «сестрицу» ко двору жениха. А то и подготовить ей приданое и сыграть свадьбу. Мэйт уж точно возражать не станет. Однако, – король снова нахмурился, – дурь Селии приходится расхлебывать и по сей день. Не была бы сестрой...

Он не договорил, но и без того было понятно, что своей сестрице он мечтал оторвать голову раз сто за прошедшие полтора года. Она и вправду доставила немало хлопот брату проступком, который перечеркнул не только его веру в добродетель принцессы, но и добрые

отношения с соседями, союз с которыми был важен Камерату. И когда Селия прислала государю письмо с жалобой на мужа, не слишком-то баловавшего супругу своим вниманием, Ивер только злорадно ухмыльнулся и ответил, что не смеет вмешиваться в отношения мужа и жены, чей брак освятили сами боги.

Именно эту фразу произнесла сама Селия в день своей свадьбы. И сказала она ее столь напыщенно, что даже ее супруг закатил глаза. Что до брата, то он только поджал губы и одарил сестру мрачным взглядом. Но, наверное, вам бы хотелось узнать про свадьбу принцессы и Нибо Ришема побольше? Что ж, расскажу.

Я не стану углубляться в ненужные подробности. Скажу лишь, что поженились они вскоре после наступления нового года, то есть, когда сошел снег и земля покрылась ростками свежей зелени. Воздух был наполнен ароматом надежды и возрождающейся жизни. В те дни и моя душа ощутила успокоение.

Страхнув с плеч груз обиды, еще лежавший на них, я устремила взор в будущее и пришла к выводу, что пережить можно всё, кроме смерти. А я, хвала богам, была живой, и значит, надо было жить и получать от жизни всё, что она готова мне дать. И потому на свадьбу Ее Высочества и его светлости я шла с легким сердцем, не простив короля за его низость, но более и не перемалывая в себе затаенную обиду.

Не скажу, что и до этого только и делала, что жалела себя. О нет! Для того чтобы сетовать на богов, виня их в том, что стала жертвой королевского коварства, я была слишком сильна духом. Да и жизнь всегда мерила иной мерой, чем все остальные. В конце концов, где-то в глубине души я, наверное, была готова к тому, что однажды монарх перейдет ту грань, которая пролегалa между моим девичеством и зрелостью. Просто было до крика обидно, что он избрал путь подлости, лишив меня права самой решать свою участь. Однако сделанного было уже не изменить, а потому и лелеять утерянное смысла не было.

Да и он после того раза не спешил предьявлять свои права, сдержав данное мне обещание. Даже поначалу не притрагивался, не клал голову на колени и не лез с поцелуями, разве что мог, прощаясь на ночь, поцеловать руку. А еще, как уже говорила, не мешал мне приблизить тех, кто был мне приятен и в чьем обществе я расслаблялась и отдыхала душой. И, наверное, был прав, когда отказался оставить меня одну. Его присутствие, вызывавшее поначалу протест и неприязнь, вскоре вновь стало привычным и чем-то обыденным.

А к моменту, когда пришло время заканчивать спектакль с ухаживаниями герцога Ришема за принцессой Камерата, я сама взяла государя за руку, показав, что снова готова к сближению.

– Как же я по тебе соскучился, – сказал он тогда. Я лишь учтиво улыбнулась, но от какого-либо ответа воздержалась.

Однако на свадьбу шла, держа его под руку и слепя придворных драгоценностями, которые преподнес мне государь, и улыбкой. По богатству и красоте наряда я могла бы соперничать с невестой, если бы не зеленый цвет платья. В тот раз я отступила от правила «скромно – не значит бедно». Кто-то из придворных даже брызнул ядом мне в спину:

– Будто не фаворитка, а королева, – но об этом мне донесли после, чем позабавили.

Однако вернемся к Селии и Нибо. Принцесса была хороша, ее платье создавали лучшие портные столицы... как и мое. Но более всего ее украшало не сияние драгоценностей или роскошный наряд, а свет, искрившийся в глазах. Она была по-настоящему счастлива, потому что сбылась ее мечта.

Ее жених казался более сдержанным. Его улыбка была скорей учтиво-вежливой. И в глазах не было и блика того сияния, которым светилась невеста. Как всегда, невероятно красив, подтянут, в мундире цветов своей гвардии и с герцогским венцом на голове, Нибо Ришем сорвал в тот день ни один вздох восхищения с женских уст. Признаться, даже я наконец увидела в его светлости мужественность. Впрочем, тому способствовало наше с ним похищение,

когда герцог показал себя защитником и воином, а не тем наглым и настойчивым сердцеедом, каким я знала его до этого.

Соединяли их в храме Сотворения. Обряд провел сам государь, как глава рода. Впрочем, обычно это делал глава рода жениха, принимая в свое лоно невесту. Но Ришем сам был главой своего рода, а потому не мог венчать себя и Селию, и в этом случае сыграло роль то, что король – отец своих подданных, и потому вручил Нибо свою сестру под благословение патриарха – проводника воли богов. Однако окажись они в равном положении, то обрядом бы заведовал священнослужитель. Вот такие правила... Но продолжим.

После храма герцоги Ришемские проехали по столице, выслушивая поздравительные выкрики толпы, а затем вернулись во дворец, где был приготовлен пышный праздник, который помогал готовить магистр Элькос, что, в общем-то, и так понятно. Чудес и развлечений было немало. Не говоря уже о яствах и винах. Да и о гостях. Послы, придворные, ришемский двор, прибывший на свадьбу своего господина.

Не было только Серпины Хальт. Она отсутствовала и в особняке герцога. Он отослал ее прочь сразу после истории с похищением, и не просто отослал. Ришем поступил подобно королю в отношении его тетки. Своей властью Нибо забрал у вдовы родственника ее имущество, имя и запретил ступать на землю Ришема. Это был позор, потому что теперь Серпине пришлось вернуться к своему роду, но не как вдова законного супруга. Имени мужа ее лишили, и теперь она становилась женщиной, которая вынуждена просить защиты рода после того, как покинула его ради сожительства с мужчиной, более не являвшегося ее супругом даже при его жизни.

К счастью для бывшей графини Хальт, ее приняли, но надеяться теперь на новое замужество не приходилось. Серпина была обещана. Государь оказался прав – Ришемы не уступали в мстительности Стренхеттам. Впрочем, Нибо оплатил бывшей невестке равноценно ее преступлению. Она, пусть по глупости или недальновидности, помогла приготовить ловушку для нас с его светлостью, после которой нам не оставалось ни чести, ни жизни. Теперь пожинала плоды своей же подлости.

И вот когда музыканты уже не могли играть, а гости стоптали туфли в танцах, когда лакеи сбили ноги и отгремели последние фейерверки, близкие родственники, как велит традиция, проводили молодоженов до брачных покоев. Уже перед дверью герцогиня Ришемская обернулась к королю и произнесла:

– Вы поступили мудро, мой дорогой брат, соединив нас. Теперь вы должны понять, что иного мужа у меня быть не могло. Ведь наш союз был предначертан и освящен богами. Я рада, что вы наконец уразумели это.

– Вот как, – в излюбленной манере произнес монарх. – Я учел это, ваша светлость, и запомнил.

Герцог, услышав слова супруги, поднял глаза к потолку, а когда прозвучал ответ, и вовсе поспешил увести ее, пока Селия не сказала нечто и вовсе опасное. А потом, когда герцогская чета прибыла в Ришем, ее светлости открылась ужасная правда – муж ее не любил, не любит и любить, в общем-то, не собирается. Да и внимание свое предпочитал дарить кому угодно, но не своей жене. И всякая прежняя любезность его растворилась без следа, оставив между ними холод равнодушия с его стороны, ревность и отчаяние с ее.

Тогда-то ее светлость и написала брату, моля о помощи, но получила в ответ то, что получила. Монарх не стал лезть меж супругами, союз которых был «освящен богами». Он не простил сестру за то, что предала его доверие и принесла разлад с Кантором, последствия которого приходилось расхлебывать до сегодняшних дней. Так что моя идея с женитьбой принца Канторийского и герцогини Мэйтской пришлась кстати.

– Обожаю тебя, – сказав это, Ив послал мне воздушный поцелуй.

– Вот тебе очередное доказательство, дорогой, что женщинам стоит изучать много больше того, что им позволено, – ответила я. – Если бы я когда-то не перечитала хроники, то сейчас попросту не вспомнила бы о той капле камератской крови, какая есть в Мэйтах.

– Твоя любознательность и вправду оказалась полезна, как и женское коварство, – усмехнулся государь. – Недаром я тебя выбрал, мой дорогой лучик.

– Теперь понимаю, отчего ты так часто менял привязанности, – невозмутимо произнесла я. – Я считала тебя непостоянным, а оказывается, ты просто перебирал.

– Ядовитая ты моя, – едко ответил король, и я, широко улыбнувшись, отсалютовала ему.

Меж тем дорога вывела нас к широкому тракту, где уже можно было увидеть указательный столб, на одной из деревянных стрел которого было начертано «Графство Тибад». Впрочем, до него еще было далеко, и у нас была предусмотрена остановка в Байе – небольшом городке, располагавшемся на нашем пути. Там мы собирались подкрепиться, передохнуть и отправиться дальше, чтобы еще до темноты добраться до моего графства.

Тракт был заполнен путниками. Пешие шли по кромке, чтобы избежать копыт лошадей торопливых всадников. Торговые повозки и крестьянские телеги тоже старались не лезть на середину, где могла проехать карета какого-нибудь спесивого аристократа. И чтобы не попасть под плети, которые будет щедро раздавать охрана дворянина, простолюдины предпочитали лучше задержаться, чем выслушивать гневные речи.

Мы, разумеется, выехали на середину. Гвардейцы, скакавшие впереди, сейчас не выкрикивали о приближении короля, это было его собственное желание, чтобы не привлекать к себе внимание. По опыту зная, насколько становятся изобретательны некоторые дворяне, узнав, что поблизости государь, Ив пожелал избежать ненужного преследования и неприятной настойчивости, с которой его пытались заманить в гости, услужить или выпросить милости: будь то покровительство или защита. Для таких обращений у него имелись канцелярия и секретарь, а в дороге Его Величество желал отдохнуть в приятной ему компании.

Гвардейцы сегодня были одеты в неприметные серые костюмы для верховой езды, карета принадлежала мне, потому не имела королевского герба, а самого короля мог узнать только тот, кто хорошо его знал. Остальные же попросту не ожидали увидеть монарха посреди прочих путников, потому нас приняли за обычных аристократов. Поглядывали, конечно, с любопытством, но больше из-за меня, все-таки благородные дамы предпочитали передвигаться по дорогам в карете, а не верхом. А я еще и сидела по-мужски. Так что вывод можно было сделать только один: какой-то дворянин балует свою супругу, а судя по обилию вооруженного сопровождения, дворянин из знатных. А раз высокого рода, то и нечего долго задерживать взгляд, чтобы не навлечь на себя неприятности.

– Не устала, душа моя? – спросил меня Ив, когда мы проехали уже немалое расстояние.

Солнце поднялось высоко, пыль и обилие путников действительно утомляли, но в карету я еще не готова была перебраться.

– Нет, – ответила я. – Всё хорошо. Что там впереди?

Король поглядел вперед и пожал плечами. На некотором расстоянии от нас в тракт вливалась одна из боковых дорог, и вот там появилось пыльное облако – кто-то спешил. А еще через некоторое время послышалась брань и хлесткие удары плетей.

– Кому-то не терпится проехать, – ответила я сама себе.

– Но тут едем мы, – усмехнулся государь, – и этому кому-то придется потерпеть.

А еще через пару минут мы разглядели богато украшенную карету с баронской короной на крыше.

– Ого, – хмыкнул монарх, – экая важная птица. Ты погляди, Шанни, отряд стражи не уступает моему, а еще всадники, явно дворяне из мелких. Кто же это у нас? Вроде бы герб Литена... Стало быть, городская стража... Городская стража в сопровождении какого-то барона?

Он поднял руку и махнул ладонью вперед. Часть гвардейцев сорвалась с места. Они обехали нас и, присоединившись к тем, кто был впереди, и растянулись, закрыв дорогу торопыге. Наши попутчики приостановились, явно испытывая любопытство. Не так много развлечений на дороге, а тут знать решила потягаться, кто кого главнее. Признаться, я чувствовала то же самое, разве что точно знала, кто проедет первым, но было интересно, кто же столь обнаглел, что использует городскую стражу как сопровождение.

– Пошли прочь, псы! – рявкнули гвардейцам.

Телохранители государя остались равнодушны, и если уж говорить правду, то псами выглядели те, кто пытался им угрожать. Этакие шавки перед суровыми волками. Я уже была хорошо знакома с охраной короля, и потому знала, что вывести их из себя непросто, как запугать и уж тем более заставить слушаться кого-то, кроме своего господина.

– Что там? – вперед к рящимся стражникам приблизился один из дворян, ехавших рядом с каретой. Он подбоченился, окинул неприязненным взглядом гвардейцев и спросил надменно: – По какому праву вы преграждаете дорогу баронессе Говмонд?

Мы с королем уже успели подъехать к оцеплению и теперь с интересом наблюдали, что последует дальше. И пока дворянин и его приятели пыжились, я пыталась вспомнить, что за род нам встретился, но пока ничего в голову не приходило. Славных деяний за ними точно не числилось, иначе бы я поняла, хотя бы чей потомок сидит в карете, запряженной вороной четверкой.

– Прочь с дороги! – гаркнул дворянин, не дождавшийся от гвардейцев никакой реакции. – Кому служите?!

И вновь ответом ему была тишина. Дворянин криво ухмыльнулся и кивнул стражникам:

– Убрать их.

Я видела, как руки служивых потянулись к оружию, и бросила на короля беспокойный взгляд. Он, в отличие от меня, не испытывал и капли волнения, как, впрочем, и гвардейцы. Они свое оружие достали быстрее и нацелили на стражей и дворянина.

– Вперед, – негромко велел государь, и цепочка сдвинулась навстречу преграде.

– Ив... – негромко позвала я.

– М? – монарх скосил на меня глаза.

– Может, растерзаешь ее милость и сопровождение без кровопролития?

– Они пятятся, лучик, какое кровопролитие? – изломил бровь государь. Я поджала губы, и он насупился: – Никакого с тобой веселья.

– О, – взмахнула я рукой, задела поводья, и Аметист деловито зашагал вперед. Я спешно снова его остановила, пока мой жеребец не сунул нос в чужие игры. Мы сегодня были зрителями.

Однако и король далее медлить не стал, тем более дверь кареты приоткрылась, и оттуда выглянула прелестная женская головка.

– Что происходит, братец? – капризно спросила она. – Немедленно разберись с невежами и расчисти мне путь.

– Пошли вон! – снова гаркнул дворянин. – Где ваш хозяин?

– Я здесь, – отозвался король, и гвардейцы остановились. – Желаете на меня полюбоваться?

– Покажись, негодяй, или я назову тебя трусом, – надменно объявил дворянин. – Как смеешь ты не уступить дорогу, даме?

– У меня тоже рядом дама, – не спеша выехать вперед, ответил монарх. – Отчего вы не уступите ей дорогу? Уберите вашу карету, мы желаем ехать первыми.

– Кем бы ни была твоя дама, я сопровождаю невесту градоначальника Литена, – заносчивости в голосе дурня прибавилось.

– Вот как, – отметил государь.

– Покажись, – продолжал требовать самоубийца. – Или ты опасешься?
– Опасаюсь, – не стал спорить Его Величество. – Опасаюсь, что мое появление доставит вам немало огорчений, ваша милость. Вы продолжаете настаивать?
– Убери их, я сказала, – рассердилась прелестная баронесса.
– Настаиваю, – ответил дворянин.
– Да будет так, – наконец смиростивился король и выехал из-за спин своих гвардейцев. – Вам легче, ваша милость?

И знаете что? Его не узнали. Даже невеста городского начальника, дом и кабинет которого должны быть увешаны портретами правителя, осмотрев своего сюзерена, фыркнула и устремила скучающий взгляд в сторону. Если честно, я испытала прилив негодования. Мало того, что они не узнали своего государя, так еще и выказали пренебрежение моему мужчине. Как бы там ни было – он был мне почти мужем. И это фыркание пигалицы-баронессы, и высокомерный взгляд ее братца меня рассердили не на шутку.

Более не став ждать, я тронула поводья, и Аметист вышел вперед. Подъехав к государю, я, минуя взглядом дворянчика и его сестрицу, с неменьшим пренебрежением кивнула на досадную помеху и спросила:

– Отчего мы стоим?

– Должно быть, от того, что нам мешают проехать, – любезно пояснил монарх.

– Кто? – с искренним изумлением спросила я. – Дорога пуста. Я вижу лишь, как плавится воздух от жаркого солнца.

– Вы никого не видите, ваше сиятельство? – включился в игру король.

– Отчего же, – устремила взор в сторону, – вокруг полно путников, но они все в стороне. Перед нами же пусто. Разве найдется глупец, который посмеет встать на пути короля?

– На подобное решится только дурак, моя дорогая графиня Тибад, – ответил Ив, и вот теперь мы одновременно поглядели на молодого барона Говмонда.

Над трактом разлилась тишина, нарушаемая лошадиным фырканием и позвякиванием сбруи. Владелица графства превосходила по важности даже самого градоначальника, не то что его невесту. А если уж говорить о монархе...

– Боги, – гулко сглотнул барон.

Он впился взглядом в Его Величество, и тот даже помог ему: повернулся в профиль, снова поглядел в глаза, и его милость сполз с коня и упал на колени:

– Государь...

– Молчать, – отрывисто велел король, утратив всякое видимое благодушие. – Сестрицу в карету, сами в седло и все за мной. – После поглядел на меня и пояснил: – Пообедаем в Литене, ваше сиятельство.

– Великая честь... – попытался исправить положение юноша, но его никто не стал слушать.

Король поднял руку, и гвардейцы, до этого ехавшие впереди, вернулись на свою позицию. И раз инкогнито государя было раскрыто, то они более не стали отмалчиваться.

– Дорогу королю! Государь Камерата!

И путники, до того стоявшие в ошеломлении, спешно согнули спины, приветствуя своего сюзерена. И эта картина теперь сопровождала нас весь путь до Литена, а после и там тоже. Это не добавило доброго расположения духа. Мне нравилось ехать без всякой нарочитости, рассматривать людей, а не их спины.

– Я немного побушую, ты не против? – спросил меня Ив, когда мы въезжали в ворота Литена.

– Сколько угодно, – пожала я плечами. – Ты в своем праве.

– Благодарю, душа моя, – чуть насмешливо ответил государь.

А бушевать ему поводов дали немало. Начать с того, что градоначальник использовал стражу Литена как личную охрану, отрядив в сопровождение своей невесте. Их задачей было беречь и охранять город наряду с полицией, а не разгонять путников по пути следования взбалмошной девицы, возмнившей себя едва ли не королевой. Выходит, что ее жених или вовсе не соответствовал своей должности, идя на поводу у юной баронессы, или же считал себя государем... Литена и его окрестностей. В любом случае одно только это породило множество вопросов и поводов к недовольству монарха.

И это не считая попытки угрозы оружием против соотечественников. Это уже было пострашней спеси – это было преступление, попадавшее под весьма тяжелую статью в «Законе Камерата». Подобное можно было толковать: от разбоя на дороге до государственной измены, а если учесть, против кого собирались применить оружие, то легко понять, какую часть статьи уготовил себе молодой барон Говмонд.

Ну и напоследок – грубость. Самая примитивная и пошлая. Виной тому было отсутствие должного воспитания или просто врожденная глупость и дерзость, но невежество среди дворян считалось недостойным. И даже не столь важным было, что его милость нагрубил самому королю, потому как не осознавал, с кем разговаривает, но он попросту позволил себе недопустимое поведение. А это тоже не могло остаться без внимания. Так что для негодования у государя были все основания, а я не собиралась вмешиваться. Да и не позволила бы себе сделать это, и не в случае баронов Говмонд.

Провинившиеся аристократы не посмели ослушаться. Они следовали за нами, более не позволяя себе не брани, ни спеси, ни взмахов плетью. Зато насмешки, летевшие им в спины от тех, кто стал свидетелем безобразной сцены, были явственно слышны, что дало понять – подобное творится не впервые, иначе бы зеваки просто наблюдали, а обсудили, когда король удалится. Но издевка была отчетливой, а значит, люди неплохо знали Говмондов.

Государь не стал просить кого-либо из задержанных указать дорогу к дому градоначальника. Нас проводил полицейский, встреченный недалеко от въезда в город. Он боязливо косился на гвардейцев, озирался на карету баронессы и ее сопровождение, иногда бросал любопытные взгляды на меня, когда оборачивался, чтобы в очередной раз поклониться и произнести:

– Прошу сюда, Ваше Величество, – но ни разу не поглядел на короля. Кажется, полицейский попросту побаивался своего монарха.

Впрочем, государя это не трогало. Он поглядывал по сторонам вроде с праздным интересом, но я понимала, что Ив осматривает город, его состояние и составляет свое мнение о работе градоначальника. Не скажу, что Литен выглядел хуже любого другого города Камерата. Не отличался он ни построением кварталов, ни домами, ни горожанами. Небольшой провинциальный городишко со своим укладом и порядком. Улицы, чем ближе к центру, тем были чище и ухоженней. Свиньи между домов не бегали, разбойничьи ватаги из-за углов не выскакивали. И если бы не встреча на дороге, то, заехав сюда, король не нашел бы, к чему придраться. Но...

– Вот, Ваше Величество, тут, – в очередной раз поклонился полицейский, избегая смотреть прямо на монарха.

– Благодарю, голубчик, – ответил государь и натянул поводья.

Он спешил, помог мне, а после подозвал хранителя порядка Литена. Полицейский приблизился, поклонился, уже боги знают в какой раз, и вытянулся в струнку, глядя куда-то поверх головы короля.

– Как вас зовут, любезный? – спросил Ив.

– Капрал Штоль, – отчеканил тот и переступил с ноги на ногу. Бедняга волновался столь сильно, что лицо его вдруг побагровело и на лбу выступила испарина.

– Вы опасаетесь меня, господин капрал? – мягко спросил государь.

– Есть маленько, – как-то жалобно признался полицейский, но тут же пророкотал: – И почитаю, государь.

– Это не может не радовать, – усмехнулся монарх.

Я тронула его за плечо, и Ивер обернулся. Я указала ему взглядом на дом градоначальника, предлагая отправиться бушевать, а капрала Штоля оставить мне, его мне было жалко. Уж больно страдал полицейский от усердия и страха. Как бы ни хватил удар... Наш сюзерен хмыкнул, но кивнул и велел, топтавшемуся за нашими спинами барону Говмонду:

– Ваша милость, следуйте за мной и не забудьте прихватить вашу сестру.

– Я следую за вами, государь, – проворковала баронесса, именно проворковала!

Неспешно обернувшись, я оглядела нахалку с ног до головы и, приподняв брови, усмехнулась. Девушка была не промах. Она присела в глубоком реверансе, чуть склонила голову, но глядела на короля из-под ресниц до того кокетливо, что в ее девичестве я усомнилась. Передо мной была или прирожденная кокетка, или же особа, уже постигшая науку обольщать.

– Сколько вам лет, баронесса? – полюбопытствовала я.

– Восемнадцать, – распрямившись, ответила она, разом сменив тон на учтиво-вежливый.

– Да? – задумчиво спросила я. – А манеры... опытные.

Девушка вспыхнула, но вновь перевела взгляд на короля и... улыбнулась, кажется, сразу же забыв обо мне.

– Манерам здесь явно обучают дурно, – констатировал король и чеканно велел: – Следуйте за мной.

Баронесса, подхватив юбки, поспешила за королем, успев на ходу мазнуть по мне пренебрежительным взглядом.

– Уму непостижимо, – удрученно покачала я головой, глядя вслед королю и провинившимся Говмондам. – Невероятная наглость, не находите, господин капрал?

– А... м... ну-у... – промывчал он, всё еще потев от волнения.

– Я вам не представилась, простите, – улыбнулась я. – Графиня Тибад.

– О-о, – протянул полицейский. Он резко склонил голову: – Прошу простить, ваше сиятельство, я не знал.

Взяв его за руку, я накрыла ее второй ладонью и произнесла с легкой укоризной:

– Ну что же вы так переживаете, господин Штоль, успокойтесь. Поверьте, я вовсе не кусаюсь. – Полицейский скосил взгляд на собственную руку, мученически скривился, а затем шумно вздохнул. – Вы уроженец Литена?

– Д-да, – с запинкой ответил капрал. – Отец тоже местный, а матушку из деревни привез, там его брат... Ой, простите, – едва выдохнув, он снова покраснел.

– За что? – удивилась я. – Я ведь вас о том и спрашиваю, господин Штоль. Стало быть, ваш дядя из той же деревни, что и ваша матушка? И как же так вышло, что ваш батюшка родился здесь, а его брат в деревне? Или же он уехал туда из Литена?

– Да, – кивнул капрал и тут же отрицательно замотал головой: – Н-нет, никак нет, ваше сиятельство. Дядька не родной, то есть родной, но не совсем...

– Кузен вашего батюшки? – догадалась я.

– Он самый, ваше сиятельство, – кивнул Штоль и утер ладонью пот.

Скользнув взглядом в сторону, я поняла причину его скованности. Не только громкий титул собеседника вводил полицейского в ступор, но и взгляды стражников, спешившихся, но не спешивших уйти. Они наблюдали за нами, и капрал опасался открыть рот. Сделав этот вывод, я взяла Штоля под руку, развернула в сторону от наблюдателей и вынудила сойти с места. Он некоторое время шел деревянной походкой, с неестественно прямой спиной, однако, когда мы свернули за угол дома градоначальника, немного расслабился и на мои вопросы начал отвечать охотней.

Вскоре я знала о том, что прадед капрала родом из той же деревни, что и его матушка. Что у деда было семеро детей, из которых три сына и четыре дочери. Два брата подались попытать судьбу в Литен, чтобы облегчить жизнь своей семье. Один из них вскоре ушел искать счастье дальше, а дед капрала удачно устроился в обувную лавку, женился на дочери хозяина и получил эту самую лавку во владение по наследству. Но связи с родней не потерял, потому отец капрала часто бывал у своего деда и там приглядел себе невесту – матушку младшего Штоля.

И вот так, слово за слово, я постепенно разговорила полицейского. И когда посчитала разговор исчерпанным, выудила из своего кошелька золотой и дала его капралу.

– Вашей супруге на новое платье, а детям на сладости, – пояснила я.

– Ох, как-то и неловко, – зарумянился полицейский, но уже без испарины. Золотой он в карман спрятал, кокетничать не стал. Я сделала новый вывод: взятки – дело привычное, но не Штоль был целью для королевского гнева, и его пороки трогать никто не собирался.

– Всего доброго, господин капрал, – улыбнулась я и направилась в дом градоначальника.

Куда идти, я поняла сразу – меня встретил гвардеец, стоявший у лестницы. А когда мы почти достигли второго этажа, я услышала вой. Самый настоящий вой, нечеловеческий, надрывный и леденящий кровь.

– Боги, кто это? – спросила я.

– Ее милость, – ответил мне гвардеец. – Она вела себя слишком вольно, государь рассердился.

– Что он с ней сделал? – озадачилась я.

– Приказал выпороть, – пояснил мне телохранитель.

Я прибавила шаг. Не скажу, что я нашла приказ жестоким или ощутила сочувствие, но решила поскорей оказаться подле государя. Уже хорошо его зная, я представляла, каким он может быть, когда выходит из себя. Не хотелось, чтобы его ярость видели подданные, далекие от Двора. Это было лишним.

Он обнаружился в гостиной и был, к моему облегчению, спокоен. Увидев, как я вошла в дверь, Ив едва заметно кивнул мне. Кроме него там находился нескладный лысоватый человек, возраст которого я определить не сумела. Мне подумалось, что это и есть градоправитель – граф Иклинг. Его сиятельство стоял, понуро опустив голову, но взгляд то и дело устремлялся к двери, и потому меня он увидел одновременно с государем.

Впрочем, монархом и градоначальником присутствовавшие в гостиной не ограничивались. Молодой Говмонд тоже был здесь. Он стоял на коленях рядом с мужчиной, в котором я без труда опознала его отца – старшего барона Говмонда. Об их родстве говорила схожесть, а разница в возрасте, хорошо приметная, указывала на степень родства.

Глава семейства мне не понравился. Если в его отпрысках было много спеси, то в чертах отца читалось неприятное высокомерие, порочность и алчность. Совершенно неприятная личность. Когда я появилась, его милость, сложив пальцы щепотью, разглагольствовал, явно рисуясь, а то и вовсе наслаждаясь собой. Молчание короля, сидевшего в кресле в расслабленной позе, кажется, толковалось им как одобрение и желание слушать.

– Государь, – говорил старший Говмонд, едва ли не видя в монархе равного себе человека, – вам как никому другому известно, что простолюдинов и всякое быдло стоит постоянно держать в повиновении и напоминании об их месте...

Мое появление прервало его милость. Обернувшись, он чуть приподнял брови в удивлении. После оглядел меня с ног до головы, изобразил галантный поклон и как-то искушающе улыбнулся:

– Доброго дня, прелестная дама. Не имею чести знать вас, но уже покорён...

– Доброго дня, господа, – произнесла я учтиво, игнорируя нежданного поклонника, и подошла к государю. Представлять себя я не спешила.

– Ее сиятельство – графиня Тибад, – негромко произнес младший Говмонд, улучив момент, пока на него не обращали внимания.

– О-о, – донеслось негромкое восклицание старшего барона. – Хороша...

Государь, успевший подняться мне навстречу и усадить в кресло, с которого встал, обернулся и окинул старшего Говмонда непроницаемым взглядом. После занял другое кресло, стоявшее рядом с моим, закинул ногу на ногу и велел с обманчивой любезностью:

– Продолжайте, ваша милость, очень познавательно.

Не поняв подвоха, его милость благодарно склонил голову и продолжил навлекать на себя неприятности.

– Я и говорю, Ваше Величество, разве же мы заслужили высочайший гнев, коли стремимся удержать ваш народ в повиновении и страхе перед вашей властью? – его на мгновение прервал усилившийся вой, и отец скорбно вздохнул.

– Экзекуция уже идет? – спросила я Ива, без всяких извинений прервав барона.

– Еще нет, – ответил государь.

– Что ж она так воет? – изумилась я.

– Ее милость, должно быть, полагает, что чем громче, тем жалобней ее страдания, – усмехнулся государь. – Вам ее жалко?

– Мне жалко времени, которое у нас отняли, – ответила я. – А еще мне жаль литенцев, вынужденных терпеть ежедневно то, что мы наблюдали на тракте. И пока я сочувствовала всему городу, моя жалость иссякла. Похоже, она не беспредельна.

– Но Сурди – девица! – не выдержал жених баронессы. – Она нежна и невинна! Молю, государь...

– Так о чем вы там говорили, ваша милость? – не обращая внимания на графа, спросил монарх. – Вы продолжайте-продолжайте, у вас недурно получается. Так что там с моим народом и вашим радением за мою власть?

Барон открыл рот, но отчего-то не решился исполнить повеление короля. Должно быть, до него наконец дошло, что происходит. Его милость невразумительно хмыкнул, одернул рукава сюртука и вдруг переспросил с неожиданным подобострастием:

– Что продолжать, Ваше Величество?

– Ваше сиятельство! – градоначальник шагнул вперед. Его взор был устремлен на меня: – Вы ведь женщина, вы же понимаете, как ей, бедняжке, сейчас страшно. Прошу, замолвите слово за баронессу. Она не выдержит истязаний!

Я промолчала. В гостиной находился государь, и он принимал решение о чье-либо участии, как и раздавал право, кому спросить, а кому ответить. Нарушать этикет в доме градоначальника Литена я не собиралась.

– Госпожа графиня, молю!

– Ваше сиятельство, вас в хлеву воспитывали? – не глядя на графа, спросил монарх, после устремил на него взор и уже не сводил, продолжая чеканить: – Или вы почитаете себя превыше всех законов?

– Позвольте высказаться, государь, – наконец заговорила я. Король кивнул, и я развернулась к нему, так показав, что отвечать градоначальнику я не собираюсь, но желаю говорить с самим монархом, и Ив поглядел на меня: – Смеем заметить, Ваше Величество, что его сиятельство законы почитает, и первый из них – требования будущего тестя и его взбалмошного семейства. Так что если уж у кого-то и спрашивать отчета, то у хозяина его сиятельства – барона Говмонда. И желание, чтобы городские стражи сопровождали баронессу, принадлежало именно ее отцу, а будущий зять не сумел возразить. Он души не чает в своей невесте.

– Это ложь! – округлил глаза барон. – Мы...

Я повернула голову и окинула его милость взглядом, будто впервые обнаружила его присутствие. После приподняла брови, хмыкнула и отвернулась, так ничего и не ответив на обви-

нение во лжи. Капрал Штоль немало выболтал в нашей дружеской беседе, а ему я верила. Что же до слов зарвавшегося барона, то я была выше их. Меня не задело.

– Как жаль, что невеста не отвечает жениху взаимностью, – усмехнулся государь. – Стало быть, мой дорогой граф, вы бросили свою жизнь и свою честь к ногам легкомысленной особы?

Градоначальник, вдруг вспомнив о правилах, опустил на одно колено и склонил голову:

– Позвольте возразить, государь, Сурди любит...

– Не стоит стараний, ваше сиятельство, – отмахнулся Ивер, – я верю своим глазам, а они мне ясно показали, что из себя представляет девица, готовая предлагать себя первому встречному, даже если этот встречный король. Порка вашей невесте необходима, и будем надеяться, что она извлечет из нее хоть какой-то урок. И оставим это, дело баронессы закрыто...

– Но она не...

– Довольно, – с ноткой металла в голосе ответил монарх. – Вам бы не о юной куртизанке заботиться, а о себе. Если баронесса Говмонд виновна лишь в собственной глупости и распущенности, то с вас спрос будет иным.

Старший барон Говмонд неожиданно ожил. Он кашлянул, привлекая к себе внимание, а после, поклонившись, произнес:

– Ваше Величество, мы с сыном не смеем вмешиваться в дела государственной важности. Позвольте нам откланяться...

– Стоять! – резко произнес государь.

Он поднялся на ноги и неспешно направился к наглецу. Я наблюдала за тем, как король приблизился к старшему барону, превышавшему короля в росте на голову, заложил руки за спину и полюбопытствовал:

– Куда же вы торопитесь, ваша милость? У нас с вами была столь увлекательная беседа, что расставаться с вами я пока не намерен. Впрочем... – он склонил голову к плечу, и я ясно представила кривую ухмылочку, хорошо знакомую мне в минуты, когда государь над кем-то издевался, – я, пожалуй, все-таки отпущу вас ненадолго.

– Ваше Величество, – барон прижал ладонь к груди и галантно поклонился, – благодарю за милость...

– Ко мне! – не слушая его милость, повысил голос король, и в гостиную вошел гвардеец. – Отца и сына Говмонд на рыночную площадь, – приказал монарх, – к позорному столбу, и по двадцать плетей каждому. После отвезете в острог и закроете каждого в отдельную камеру. Исполнять, – и, потеряв интерес к барону, чье лицо вытянулось, развернулся и направился обратно к градоначальнику.

Я видела, как побагровел старший Говмонд. Он судорожно вздохнул и кинулся за королем.

– Государь! – гвардеец оказался проворней. Он нагнал барона в двух шагах от короля, ударил его милость по затылку, и когда тот упал, скрутил руки за спиной.

Младший Говмонд дернулся было, но благоразумно удержался от еще одной глупости, ему и без того уже хватало обвинений. А то, что монарх не намерен ни шутить, ни просто журить, ему хватило ума понять. И потому молодой барон послушно поднялся с колен, когда другой гвардеец сжал его плечо, и направился на выход.

– Мы будем опозорены-ы! – взвыл родитель не хуже своей дочери.

– Вы так долго пестовали моих подданных, – мазнув по нему взглядом, произнес государь, – что народ заслужил посмотреть, как будут пестовать вас. – Он вернулся к градоначальнику, по-прежнему стоявшему на одном колене, и склонился над ним: – Вернемся к вам, господин граф. – Ухватив его сиятельство за подбородок, монарх задрал голову градоначальника и заглянул тому в глаза: – Вы хотя бы осознаете, что ждет вас?

– Пощадите Сурди, государь, – ответил граф, и король, отдернув руку, выпрямился.

Из глубин особняка доносился вой девицы Говмонд, если она, конечно, всё еще была девицей. Слишком уж развязано она вела себя, слишком нарочито строила глазки королю. Впрочем, ее жених был ослеплен любовью и не видел того, что было заметно даже тем, кто впервые видел Сурди Говмонд.

– Эй, кто там, – позвал Ив, и в дверях появился один из оставшихся телохранителей. – Пора прекратить страдания нашей пары. Баронессе всыпать пять плетей поверх одежды, ей и страха хватит с лихвой. После выпроводить прочь. Графа в острог. Узнали, что я велел? – Гвардеец кивнул. – Уже ждет? – последовал второй кивок. – Пусть войдет, когда велю. Исполнять.

– Это жестоко, – прошептал градоначальник и выкрикнул: – Жестоко!

Монарх развернулся к нему и сухо полюбопытствовал:

– Что именно?

– Нельзя пороть девицу...

– Жестоко было бы приказать ее осмотреть, а после опозорить на всю округу, объявив результат осмотра, – отмахнулся Ив. Он нагнулся над графом, взгляделся в лицо страдальца, кажется, не желавшего понимать того, что говорил ему сюзерен, и рявкнул:

– Очнись, дурак! Тебя ждет каторга!

– Сурди...

– Распущенная особа, – выплюнул государь, и градоначальник, ослепленный злостью, указал на меня и воскликнул:

– А кто тогда она?! С чего бы ей получить графство, если не за любезность...

Ответ последовал так быстро, что я едва успела выдохнуть, когда Ив наотмашь ударил графа. Перстень государя порвал его сиятельству губу, и кровь потекла по подбородку. Монарх сжал щеки градоначальника пальцами и прошипел:

– Не смей равнять шлюху с благородной женщиной...

Я поспешила покинуть кресло и подойти к королю. Иклинг сделал то, чего я опасалась – разжег в короле ярость. Не дожидаясь, когда монарх распалится еще больше, я накрыла его плечо ладонью. Ив порывисто обернулся. Его глаза полыхнули бешенством, и я сжала его кулак между ладоней. Государь замер, пойманный в ловушку моего взгляда. Я отрицательно покачала головой и мягко произнесла:

– Не надо. Он уже наказан слепотой, не стоит бить калеку.

Монарх медленно выдохнул, а после повел плечами, кулак его расслабился, и пальцы переплелись с моими пальцами. По-прежнему глядя только на меня, Ив велел:

– Увести. Без церемоний.

Мы не смотрели, как гвардеец утащил градоначальника. Не слушали, как вой баронессы перешел в визг, когда приговор короля привели в исполнение. Я подняла руку и провела ладонью по щеке Ива, продолжая успокаивать зверя, пробужденного опрометчивыми словами графа.

– Я с тобой, – негромко сказала я. – Я рядом.

Он притянул меня к себе, мягко сжал подбородок и повторил то, что говорил уже много раз:

– Не отпущу. Я тебя не потеряю, – и накрыл мои губы своими губами.

Глава 3

Темнота сковала землю, когда мы еще не доехали до границы Лакаса и Тибада. В Литене мы задержались дольше, чем рассчитывали. Учинив первую расправу над виновными, государь призвал того, кого отыскиали для него гвардейцы – врага графа Иклинга. Он был необходим, чтобы сохранить в неприкосновенности все бумаги бывшего градоначальника до прибытия барона Сейкка – главного королевского ревизора, и его людей, за которыми был отправлен один из телохранителей еще в тот момент, когда мы поехали в Литен. Город ждала большая проверка, результаты которой можно было предсказать уже сейчас: растрата городской казны, злоупотребление положением и прочие сопутствующие прегрешения. Но власть на то и власть, чтобы опираться не на досужие суждения, а на неоспоримые факты. Их-то и должен был собрать Сейкк.

И пока барон со своими служащими доберется до Литена, другой барон – Айевенн, тот самый недруг графа Иклинга, получив временно должность градоначальника, должен был уберечь от уничтожения документы, которые являлись свидетельствами вины Иклинга. И как только его милость получил должность, он начал действовать. Гвардейцы короля вместе с верными барону людьми устремились в город, чтобы произвести аресты тех, кто был назван Айевенном как пособники графа и семейки Говмондов.

Король в это время выслушал тех, кто спешил донести на бывшего градоначальника, всё равно без своих телохранителей он не мог двинуться дальше. То, что мне рассказал Штоль, я успела передать государю до того, как он пообщался с временным градоначальником. И когда я закончила, Ив усмехнулся:

– Как ты это вытащила из бедолаги? Он же боялся рот раскрыть.

– Мы просто поговорили о его семье, о том, как им живется, в общем, пообщались по душам. Ты же знаешь, когда есть хороший собеседник, готовый слушать с интересом всё, что ему рассказывают, желание говорить становится непреодолимым. А я хороший собеседник, – ответила я.

– Уж кому как не мне это знать, – хмыкнул государь. – Я сам столько раз попадался на эту уловку. Даже не знаю, остались ли у меня от тебя хоть какие-то тайны. Но то я, на меня твой взгляд производит поистине магнетическое воздействие. Впрочем, я рассчитывал на нечто подобное, потому и оставил тебя с капралом.

– Поэтому я попросила тебя оставить его мне, – поправила я монарха. – В общем, я спрашивала, он отвечал, потом говорил сам, уже не обращая внимания на то, что рассказывает. Хотя об Иклинге и Говмондах он напрямую и не рассказывал, но так как жизнь Литена плотно связана с ними, Штоль выдавал секреты графа, а я слушала и делала выводы. Теперь ты их знаешь.

В результате в дорогу мы отправились уже вечером. Можно было бы заночевать и в Литене, но не хотелось тратить на этот городишко драгоценное время, которое и без того было значительно упущено. Потому часть пути мы промчались в галопе, пока лошади, отдохнувшие за время стоянки, могли нас нести. Но потом пришлось опять плестись, и у дорожного указателя, сообщившего, что наконец добрались до моих земель, мы оказались далеко за полночь.

С того момента, как стемнело, гвардейцы и сам государь достали кристаллы-накопители, заряженные магистром, и над нами вспыхнули «светлячки». Их заряда хватило до границы Тибада, но вскоре они начали тускнеть, и пришлось спешно искать место для ночлега. Телохранителя государя, ускакавшие вперед, вернулись с сообщением, что неподалеку находится поместье Мерит, туда мы и направились. И успели добраться до усадьбы как раз в тот момент, когда последний «светлячок» погас.

Обитатели Мерита не имели титула, предок нынешнего владельца поместья получил дворянство и землю в награду от одного из государей за верную службу. Таких помещиков в Камерате было немало. И хоть они считались дворянами, высокородная знать роднилась с ними редко, но чаще, чем с коммерсантами. Все-таки полублагородная кровь в помещиках имелась. Впрочем, происходило это по той же причине, как и с дельцами: титул в обмен на деньги.

Помещики не гнушались коммерческих предприятий и зачастую сколачивали недурное состояние. Они наращивали капитал, скупали земли и дома, так что и без титула могли поспорить с иным аристократом в богатстве, да и род свой вели, может, и не от древних предков, но и поколений в дворянстве насчитывали немало.

Чета Мерит не была особо зажиточной, об этом ясно дало понять их ветшающая усадьба, однако и дыр в крыше не было. Государь посчитал, что эта усадьба величие короля Камерата вполне выдержит. Я была с ним совершенно согласна. Во-первых, усталость оказалась неимоверной, а во-вторых, хотелось поглядеть на тех, кто живет в моем графстве, и не только на высокородные семьи, но и на обитателей попроще, тем более именно на них я и собиралась делать ставку в своих деяниях. И потому улыбалась Меритам совершенно искренне.

Конечно же, появление короля на пороге дома, еще и в компании хозяйки графства, стало для помещиков глубочайшим потрясением. Они не понимали, как им вести себя и что предложить, чтобы не обидеть августейшую особу, ну и мое сиятельство заодно.

– Просто накормите нас чем-нибудь легким, прикажите подать горячей воды и подготовьте спальни, – устав от бестолковых метаний, сказал государь. – И пусть позаботятся о моих людях.

– Да, Ваше Величество, – заверил монарха господин Мерит, и направление заботам о неожиданных гостях было положено.

Чтобы не было лишних разговоров, мы с Ивом легли в разных спальнях. И это было впервые с того времени, как я добровольно разделила с ним не только его ложе, но и покои. Мы жили бок о бок уже так долго, что остаться одной в постели оказалось непривычно. Я не сразу смогла уснуть. Обнаружилось, что мне не хватает теплого тела, обычно прижавшегося к моей спине, и руки, обнимавшей меня, тяжесть которой раздражала, но сейчас без королевской длани сон не шел.

– Негодяй, и тут жизнь усложнил, – проворчала я и как-то сразу уснула, найдя в своем недовольстве умиротворение.

А вот утро принесло неожиданность. Открыв глаза, я потянулась, улыбнулась новому дню, раскинула руки и...

– Ты ударила короля, – проворчал справа до боли знакомый голос. – Если это покушение, то я буду вынужден подавить сей бунт в зародыше.

– Ив? – изумилась я. Развернувшись, я обнаружила Его Величество на привычном месте. – Что ты здесь делаешь?

– Сплю, – ответил он, приоткрыв глаз. – И собираюсь спать дальше, если мой покой, конечно, кого-то волнует, – изрек государь.

Он натянул одеяло, почти полностью скрывшись под ним, однако я была полна праведного возмущения, даже негодования, потому ткнула в монарший бок кулаком и спросила:

– Что ты тут делаешь, пожри тебя псы?

Монарх открыл оба глаза.

– Фу, как некрасиво, – поморщился Его Величество. – Такая хорошенькая, а бранишься, как какой-нибудь Дренг.

– Но ты в моей постели, – возмущенно прошипела я, стараясь не привлекать внимания хозяев к нашему пробуждению.

– А где мне быть? – искренне изумился венценосный наглец, приподнявшись на локте. – Я там, где мне лучше спится. Один я не смог уснуть и пришел сюда. А вот ты спала, – обвиня-

юще произнес король, нацелив на меня палец. – Это возмутительно, ваше сиятельство. Пока ваш государь страдает бессонницей на холодной простыне, вы сладко сопите в одиночестве, ни о чем не переживая. Теплая, милая и совершенно бессовестная. Я негодую.

– Это я негодую, – фыркнула я. – Я хочу, чтобы приличия соблюдались...

– Они и соблюдают, – отмахнулся король. – Гвардейцы стоят у дверей, они никого не пропустят ни к тебе, ни ко мне, а значит, никто не сможет открыть нашего совместного ночлега, если, конечно, ты не продолжишь сообщать об этом всему дому. – Я открыла рот, чтобы ответить, но государь поднял руку, остановив меня, и продолжил сам: – И знаешь еще что, дорогая моя бунтарка? Я не могу оставить без внимания всё, что ты успела сотворить с момента своего пробуждения. Итак, – он сел и поднял руку со сжатым кулаком: – Ты ударила своего короля – это раз, – Ивер начал поочередно отгибать пальцы. – После ты осмелилась диктовать свою волю и не дала мне уснуть – два. Потом ты вновь ударила повелителя – три. Еще ты повысила на меня тон и требовала отчета – четыре. Ты бранилась – пять. – Он поднял второй кулак, еще сжатый, в отличие от первого: – Усомнилась в моей порядочности и благородстве – шесть. И наконец, ты спала, когда я не мог уснуть в одиночестве – семь. Семь прегрешений, и это не может остаться безнаказанным. За сим повелеваю: означенную бунтовщицу – Шанриз Тибад-Стренхетт-Тенерис-Доло, признать виновной и наказать жесточайшим способом. Госпожа графиня, вы будете пронзены королевской шпагой. Прямо сейчас. Примите свою участь с достоинством.

– Вот еще, – фыркнула я. – Не желаю принимать ни вздорных обвинений, ни наказаний за них...

Однако встать мне не удалось. Едва я обозначила свои намерения, как была откинута обратно на подушку вероломным нападением монарха. Он навис сверху и ухмыльнулся:

– Пощады не будет. Приговор окончательный и обжаловать его невозможно, ибо судил вас сам государь. Клинок тверд и готов к воздаянию.

– Похабник! – возмутилась я, и рот мой был заткнут поцелуем...

Никто так и не понял, что мы ночевали в одной постели. Гвардейцы не только не подпустили к дверям ни слуг, ни хозяев, но даже в то крыло, где нам предоставили ночлег. Горничной позволили войти ко мне только после того, как государь удалился, чтобы привести себя в порядок и одеться. Вот тогда один из телохранителей крикнул прислугу, и нам принесли горячую воду, а после миленькая девушка, почти ребенок, по имени Сойли помогла мне одеться и уложить волосы.

Когда я пришла в столовую, куда меня сопровождала Сойли и два моих телохранителя, там уже находился посвежевший и довольный жизнью монарх, а также чета Мерит. За столом сидел один государь, а супруги стояли неподалеку, больше напоминая прислугу, чем хозяев дома. Помещики были смущены и скованы. Я приветливо улыбнулась им и направилась к столу.

– Однако вы заставляете себя ждать, ваше сиятельство, – невозмутимо изрек государь.

– Прошу простить меня, Ваше Величество, – я присела в реверансе. – Но так уж устроены женщины, нам требуется время, чтобы полностью подготовиться к выходу.

Он кивнул мне на стол, и я проследовала к приготовленному для меня месту. Присев, я расправила на коленях салфетку и любезно улыбнулась, глядя на монарха. Лакей поспешил обслужить меня, и пока мне наполняли тарелку, я хранила молчание. Однако к завтраку не приступила, вместо этого подняла взгляд на хозяев усадьбы.

– Государь, позволите ли обратиться к нашим гостеприимным хозяевам? – спросила я согласно этикету.

– Спрашивайте, ваше сиятельство, – кивнул Ив.

Я улыбнулась обоим Меритам сразу. Мой взгляд прошелся по хозяйке поместья. Она показалась мне внешне приятной женщиной. Красавицей я бы ее не назвала, но черты помещицы были мягки и гармоничны, пожалуй, немного портил лицо женщины тяжелый подбор-

док, но в остальном она была очаровательна. И короткие кудряшки светлых волос, не попавших в аккуратный пучок на затылке, и милый румянец смущения, игравший на щеках, и чистые васильковые глаза – всё это мне нравилось. А ее округлый живот, выдававший положение госпожи Мерит, вызвал даже умиление.

– Это ваш первенец? – спросила я.

Помещица накрыла живот ладонью и смущенно улыбнулась:

– Это наш третий ребенок, ваше сиятельство, – ответила женщина. – Нашему старшему сыну исполнилось десять, дочери – семь.

– Как мило, – ответила я искренне. – И кого же ожидаете в этот раз?

– Это решать богам, – сказал господин Мерит. – Кем бы он ни был, мы уже любим его, ваше сиятельство.

– Хорошо сказано, господин Мерит, – произнес король, промокнув уголки губ салфеткой. Он посмотрел на меня. – Ваше сиятельство, помнится, вам не терпелось добраться до поместья.

– Да, государь, – я покорно склонила голову, однако к завтраку так и не приступила. – Скажите, господин Мерит, как обучаются ваши дети?

– Сыну преподает приглашенный учитель, – ответил хозяин усадьбы. – А Глэди будет сама учить нашу дочь. Она прекрасно образована и потому даст девочке всё необходимое.

Я окинула госпожу Мерит задумчивым взглядом. Она была приятной женщиной, но отчего-то мне казалось, что ее прекрасное образование заканчивается на шитье и варке варений. Возможно, она знала какой-нибудь язык, а может, даже умела танцевать несколько танцев и музицировать, однако этого было явно недостаточно, чтобы назвать образование прекрасным.

Кивнув с улыбкой чете Мерит, я наконец взялась за столовые приборы. Сами они, должно быть, успели позавтракать, а может, попросту стеснялись садиться с нами за стол, и, чтобы не породить еще большей неловкости, неволивать их не стали. Дальше беседу вел Его Величество, пока я насыщалась. В разговор я не вмешивалась, потому как мой рот был сейчас занят, но слушала внимательно, чтобы составить о супругах мнение не только по их внешности, но и потому, как отвечали, как держались и какие темы готовы были поддержать. К окончанию разговора я утвердилась в том, что вывод о поверхностном образовании был верен.

Впрочем, это было вполне обычным делом. Чем дальше от столицы, тем меньше знаний было и в семьях аристократов, а от мелкопоместного дворянства никто и не требовал блестящего образования. Они были ближе к среднему классу, чем к благородному. Так что воспитаны Мериты были неплохо для помещиков, но недостаточно, и это не только на мой взгляд, но и по известным мне меркам.

После завтрака мы попрощались с гостеприимными хозяевами и отправились дальше. Впереди нас ожидало мое поместье, и я оставила на время реформаторские помыслы и позволила себе быть просто женщиной, коей свойственно любопытство.

– Ив, ты бывал здесь? – спросила я.

– Всего несколько раз, – ответил государь. – Проездом. Это было в детстве и юности. Один раз приезжал вместе с теткой, когда уже сел на трон. Она тогда устроила большой званый вечер, куда был приглашен весь высший свет Тибада. Я был нужен ей, чтобы лишний раз подчеркнуть, чьей родственницей она является. Впрочем, кроме того раза она сама в этом поместье не появлялась, несмотря на его близость к резиденции. Ей всегда было важно оставаться на виду. Иметь особый вес и важность. Тщеславие – тоже наша слабость, но мне оно досталось в меньшей мере. – Я скосила на короля глаза, и он повторил: – Именно так. По-моему, ее светлость успела перехватить сей грех в той мере, что можно было бы его раздать поровну мне и моим сестрам. – Я улыбнулась, но спорить не стала. Впрочем, государь и вправду был менее тщеславен, чем герцогиня Аританская. Хотя он и без того был в центре внимания. Мне даже

стало любопытно, что было бы, окажись он на вторых ролях. Однако озвучивать эту мысль я не стала. – Бедняга, как же она сейчас должна страдать, – закончил с усмешкой монарх.

Я посмотрела на него. На миг мне показалось, что король и вправду сочувствует своей тетушке, но увидела кривую ухмылку, лишённую всякого сострадания, и, отвернувшись, вновь устремила взгляд на дорогу. Он не сожалел, что отдал герцогиню аританцам, не простившим ей смерть их господина. Не жалела ее светлость и я. Не настолько я была добра, чтобы простить и забыть попытку избавиться от меня руками взбешенного короля. Он ведь не выпороть меня собирался, поверив в мираж, который ему показали после моего похищения, а убить. Нет, к убийцам у меня была стойкая неприязнь, даже к тем, кто не сам вонзил клинок в сердце. Хотя... если считать, что клинком должен был стать государь, то сжимала в руке этот «кинжал» именно герцогиня Аританская.

Сейчас она обитала во владениях, оставшихся ей после супруга, которого «любящая» жена своими руками вытолкнула из окна. Аританцы это знали и расправились бы с убийцей сразу, если бы она не была сестрой здравствовавшего тогда государя Камерата – отца Ивера. Не забыли они об этом грехе и теперь, когда племянник выдворил тетушку в ее герцогство.

Государь отправил с главой сопровождения письмо, в котором написал, что ее светлость выслана из Камерата и что более королевство ее судьба не интересует. Этим он дал понять, что аританцы вольны поступать со своей герцогиней так, как считают нужным. Попросту лишил ее своей защиты. Однако племянник покойного герцога, управлявший Аританом, все-таки не рискнул привести приговор, вынесенный убийце по всем традициям этого герцогства еще в ту пору, когда преступление свершилось, в исполнение.

Ее светлость здравствовала, но не во дворце, где прожила свою недолгую семейную жизнь, а в удаленном поместье. К ней была приставлена охрана, наблюдавшая за своей госпожой. Ей не запрещалось не только гулять и вести переписку, но и иметь свиту. Правда, при герцогине почти никого не осталось. Даже те, кто отправился с ней в ссылку, через некоторое время вернулись, объяснив это тем, что норы их госпожи стал вовсе невыносим. Впрочем, побушевав, королевская тетушка приняла новую данность. Однако мне не верилось в ее смирение, но Ив на мои сомнения ответил:

– Если она вздумает покинуть поместье, ее ждет приведение приговора в исполнение. Переписку проверяют, а значит, свести с кем-то сношения не удастся. Это темница, душа моя, и герцогиню оттуда не выпустят. Она осталась в изоляции, без возможности делать то, что так любит – блистать и интриговать. – Оставалось довериться аританцам, а они со своей задачей справлялись весьма недурно.

А вскоре мои мысли отпустили мою бывшую госпожу, потому что впереди показалась чугунная ограда с пиками, покрытыми позолотой. Я прикусила губу и даже приподнялась на стременах, желая получше рассмотреть то, что скрывалось за высокими деревьями. Заметив мое нетерпение, государь хмыкнул.

– Еще немного, лучик, имей терпение.

Терпение? Какое ужасное слово! Обернувшись к королю, я широко улыбнулась и пустила Аметиста в галоп. Сегодня мой скакун решил меня побаловать, потому сорвался с места без долгих уговоров. Вскоре Буран нагнал нас, и монарх ответил такой же широкой улыбкой. Гвардейцам оставалось лишь последовать нашему примеру. И к парадным воротам мы примчались в считанные минуты.

– Государь Камерата! – гаркнул один из телохранителей. – И с ним графиня Тибад!

Привратник, выглянувший из своей сторожки, округлил глаза и кинулся к воротам. Взгляд его был устремлен на меня, мужчину явно мучило любопытство и хотелось посмотреть на новую хозяйку. И как только ворота раскрылись, он согнулся пополам, приветствуя короля, ну и меня тоже.

– Доброго дня, любезный, – произнесла я, поравнявшись с привратником. – Как ваше имя?

– Гайт Киппер, госпожа, – ответил тот и вновь низко поклонился.

Я бросила ему серебрушку. Гайт ловко поймал ее и склонился в третий раз, не забыв произнести:

– Пусть хранят вас боги, госпожа.

Улыбнувшись ему, я направила Аметиста к дворцу, чьи белые стены виднелись среди ровно высаженных деревьев. Мы проехали по ухоженной аллее парка, и он привел меня в восторг.

– Ив, какая прелесть, поместье вовсе не заброшено, – отметила я, любуясь открывшимся видом парадной лестницы.

– Еще бы, все-таки королевское владение, и жалование соответственное, – усмехнулся государь.

– Боги, какой он красивый!

Это уже относилось к дворцу. Он был и вправду великолепен, с богатой и изящной отделкой, с большими чисто намытыми окнами. И мне подумалось, если в темноте зажечь все огни, наверное, дворец будет казаться хрустальным. Широкая парадная лестница венчалась высокими стеклянными дверями, за которыми скрывалась роскошное убранство. Я даже не нашла, что можно было бы переделать, до того мне здесь понравилось, а еще была полностью согласна с моей подругой – графиней Энкетт. Архитектура и вправду оказалась выше всяких похвал.

Прислуга, не ожидавшая нашего появления, не успела собраться, чтобы быть представленными новой хозяйке, но с этим можно было подождать. Сперва мне хотелось обойти всё-всё-всё! Прихватив дворецкого, мы переходили из помещения в помещение. Я осматривалась, иногда задерживаясь у какой-нибудь заинтересовавшей меня картины или скульптуры. Король шествовал со мной рядом, но чем больше проходило времени, тем сильнее он начинал скучать.

– Ваше сиятельство, мы проведем здесь несколько дней, – наконец, не выдержал он. – Вы еще успеете познакомиться с дворцом.

– Прошу великодушно простить, Ваше Величество, – ответила я, разглядывая чудесный подсвечник, сделанный в виде женщины, поднимавшей над головой прозрачную сферу, в которую помещалась свеча. – Она держит в руках солнце, – улыбнулась я.

– Подсвечник как подсвечник, – фыркнул государь, и я вспомнила, что так и не досказала то, что хотела. Обернувшись, я поглядела на него и узрела поджатые губы – верный признак зарождающегося раздражения. – Государь, вы устали с дороги, быть может, приказать принести вам что-нибудь?

– А и прикажите, ваше сиятельство, – вредничая, ответил он.

– Что же вы желаете?

– Пусть подадут лучшего вина, какое есть в вашем погребе, – с иронией ответил король.

– Лучшего вина Его Величеству, – приказала я.

Дворецкий поклонился и поспешил передать мое повеление. Воспользовавшись тем, что мы остались одни, монарх притянул меня к себе, потерся носом о висок и спросил:

– Долго ты еще собираешься изучать дворец?

– Пока не изучу, – ответила я.

– Я устал таскаться по этажам, – пожаловался государь.

– Если ты устал, то к чему ходить за мной? – изумилась я. – Уж здесь-то приглядывать излишне. Ни моей чести, ни безопасности, ни сердцу тут никто не угрожает.

– Мы с дороги...

– Ив! – возмутилась я. – Мне и так не бывать здесь чаще раза-двух за лето, так уж позволь мне насладиться твоим подарком сейчас. Или же ты и в этом мне откажешь?

– В чем я тебе отказывал? – изумился государь.

– Хотя бы в осмотре моего дома, – ответила я.

– Наслаждайтесь, ваше сиятельство, – несколько резко ответил король и отошел к креслу, уселся, закинул ногу на ногу и объявил: – А я буду сидеть здесь... нет, я найду местечко получше и буду там пить вино и отдыхать душой. А ты ползай по пыльным чердакам и охай на каждую завитушку.

– Благодарю, – деловито кивнула я, довольная тем, что никто не будет сопеть мне в ухо, жалить укусами и надоедать жалобами. Король умел становиться сущим ребенком, если приходилось ждать, когда я закончу то, что ему не нравилось, капризным и вредным.

Услышав мое согласие, он фыркнул и отвернулся. Так нас и застал вернувшийся дворецкий.

– Вино скоро подадут, Ваше Величество, – поклонился он.

После приблизился ко мне и застыл, ожидая новых приказаний. Улыбнувшись ему, я отошла к окну. Бросать короля было бы дурно, и потому я решила дожидаться, когда ему принесут вино, а после продолжить осмотр дворца. Вскоре послышались шаги, и в дверях появился лакей с подносом, на котором стоял графин с рубиновым содержимым, бокал и тарелка с легкой снедью.

Обернувшись к государю, я вопросительно приподняла брови. Он поднялся с кресла и прошествовал мимо меня.

– Неси, голубчик, на круглую террасу, – велел монарх. А затем объявил, не глядя на меня: – Я буду ждать вас там, ваше сиятельство. Надеюсь, вы не станете вызывать моего недовольства долгим отсутствием.

– Разумеется, Ваше Величество, – я присела в реверансе.

Государь ушел, а я потеряла руки и обратилась к дворецкому:

– Идемте, Тенар. – Он поклонился и прошел вперед, сделав приглашающий жест. Я последовала за ним. – На чем мы там остановились?

– На истории с пропавшими сокровищами, ваше сиятельство, – с готовностью откликнулся дворецкий. – Тогда на месте дворца еще стоял замок.

– Я готова вам внимать, – ответила я, и мы продолжили путешествие по моим владениям.

У моего дворца оказалась богатая и насыщенная история. В нынешнем виде он существовал около ста семидесяти лет, последнее изменение внесли шестьдесят лет назад. Оно было незначительным, так что Тибад был уже далеко не юн. А построен дворец был на фундаменте старого замка, который до первого графа Тибада принадлежал совсем другому роду и знал немало побед и поражений.

Когда-то, еще до становления Камерата, это была пограничная цитадель, которая со временем утратила свое значение и лишилась за ненадобностью множества фортификационных сооружений. Чуть позже исчез и ров вокруг замка. Теперь это было жилище, хранившее свою мрачноватую, но безумно интересную историю. Уж не знаю, сколько было правды, а сколько вымысла в том, что рассказал мне дворецкий, но слушала я его едва ли не с открытым ртом.

Тенар Отул, как звали моего дворецкого, оказался талантливым рассказчиком. Он был старше моего отца, но моложе дядюшки, подтянутый, с военной выправкой и добродушным лицом. Седеющие волосы окружали его голову, а венчала ее плешь, и это придавало дворецкому в облик нечто забавное. А еще у него был приятный бархатистый голос, как раз такой, чтобы слушатель распахнул глаза пошире и с упоением внимал всему, что ему рассказывают.

– Невероятно! – не выдержав, воскликнула я. – Откуда вы столько знаете об этом доме?

– Моя госпожа, – он с достоинством склонился, благодаря за скрытый комплимент. – Я родился здесь и вырос. Так как хозяев во дворце почти никогда не было, то никто не отказывал любознательному пареньку в посещении библиотеки. Сначала матушка, когда убиралась там, сажала меня в кресло и давала какую-нибудь книгу с картинками, а после, научившись читать, я сам пробирался тайком и читал взахлеб всё, что попадалось мне под руку.

– У вас военная выправка, – отметила я. – Кажется, вы имели честь служить Камерату в войсках Его Величества?

– Вы верно подметили, ваше сиятельство, – Тенар снова поклонился. – В семнадцать я ушел искать иной доли, польстился на рассказы вербовщика. Пятнадцать лет прослужил в кавалерийском полку под Флитом, а потом вернулся и стал прислуживать, пока мой отец не посчитал, что уже слишком стар для должности дворецкого. Управитель имения дозволил мне занять его место. Это случилось пять лет назад.

– Но вы до сих пор любите читать, не так ли? – улыбнулась я.

– Вы опять правы, госпожа, уж простите мне мою смелость...

– Пустое, – отмахнулась я. – Я уважаю людей, тяготеющих к чтению и знаниям. Теперь вы можете посещать библиотеку с моего согласия и одобрения.

– Благодарю, ваше сиятельство, – Тенар приложил ладонь к груди и склонился. А когда распрямился, продолжил: – Собрание «Истинная история и легенды графства Тибад» мне попало после возвращения со службы. В нем пять томов, два из которых посвящены сказаниям и легендам, какие ходили и по сию пору ходят в народе. Оттуда-то я и взял то, что рассказал вам, госпожа. Весьма примечательное собрание, осмелюсь заметить.

– Непременно покажите мне, где находится это собрание, – потребовала я.

– Как прикажете, ваше сиятельство.

– А теперь, Тенар, продолжим осмотр, и расскажите мне еще что-нибудь примечательное, – велела я.

Когда я вернулась, на круглой террасе уже никого не было. Озадаченно хмыкнув, я отправила моего гвардейца отыскать след короля. Он вернулся с сообщением, что Его Величество отправился в парк, после этого последовали за ним и мы. Поблуждав по аллеям, я вышла к искусственному пруду.

– Государь, ваше сиятельство, – произнес гвардеец и указал на своих собратьев, стоявших возле беседки.

Король и вправду нашелся там, куда указал мой телохранитель. Он вольготно устроился на скамеечке и глядел на двух лебедей, плывших по водной глади. На мое появление государь никак не отреагировал. Я устроилась рядом и вздохнула с умиротворением. Мне было хорошо. У меня имелся восхитительный дворец, роскошный парк, прекрасный дворецкий и даже пруд с лебедями.

– Ты обещала вернуться быстро, – не глядя на меня, произнес Ив.

– Я и вернулась быстро, – я пожалала плечами. – Как только закончила осмотр, так сразу и пришла на террасу. Нигде не задержалась, ни на что не отвлеклась. Не моя вина, что дворец огромен. Кстати, – я посмотрела на монарха, – а ты знал, что около трехсот лет назад здесь произошла весьма романтическая и печальная история?

Ивер скосил на меня взгляд, после протянул руку и придвинул меня ближе. Уместив голову у меня на плече, король произнес:

– Расскажи.

– Это случилось во времена правления Фореттов, – улыбнувшись, заговорила я. – Незадолго до их падения и воцарения Стренхеттов. Тогда еще Тибад не входил в королевские владения...

– Разумеется, – усмехнулся Ив. – Последний урожденный Тибад был приближенным Констанда Лаворейского и участвовал в покушении на моего прапрадеда. После казни графа его земли перешли короне, уже надетой на чело первого короля из династии Стренхеттов.

– Именно так, – не стала я спорить и продолжила: – Так вот, у отца того самого сиятельства, о котором ты упомянул, была сестрица. Девица прелестная и нежная, как вешняя заря. А еще у Тибада был камердинер – родственник, которого граф взял на службу из милости, потому что тот был беден, несмотря на то, что являлся потомком младшей ветви Тибадов.

– Он соблазнил юную графиню? – полюбопытствовал король.

– Угу, – промычала я, недовольная тем, что меня перебили. – Подлил ей возбуждающее снадобье в ягодный напиток. Обещал только целовать, а сам воспользовался...

– Я больше не стану выдвигать своих версий, – поспешил заверить государь.

– А какую еще версию ты можешь выдвинуть? – сухо спросила я. – Каждый судит по своим деяниям...

– Я не горжусь тем деянием, но и не сожалею о нем, – немного резко ответил Ив. – Продолжай, я больше не перебыю тебя.

Но теперь я не спешила возобновить повествование. Мне потребовалось время, чтобы справиться с раздражением, появлявшимся каждый раз, когда мы затрагивали эту тему. Поднявшись со скамейки, я покинула беседку и подошла к берегу. Лебеди, обнаружив человека, развернулись и поплыли в мою сторону, а я испытала неловкость от того, что мне нечего им предложить.

– Принесите что-нибудь, чтобы покормить птиц, – сказала я, и за моей спиной послышались шаги. Один из наших охранников отправился выполнять мое пожелание.

А затем мне на талию скользнули ладони короля, он устроил голову на моем плече и шепнул:

– Не дуйся. Лучше расскажи свою историю. Что произошло между юной графиней и ее бедным родственником?

– Они полюбили друг друга, – сказала я, глядя на лебедей. – Еще до того, как девушкам позволено являться пред мужскими взорами. Они жили в одном доме, встречались во время трапез, он видел ее, когда она бродила по парку, а она много раз смотрела, как он сопровождает брата.

Однажды камердинер решился и, воспользовавшись тем, что нянька оставила свою подопечную, подошел к ней и признался в своих чувствах. Девушка была смущена, но глаза ее осветились внутренним светом, и юноша понял, что любим также страстно, как любит сам. Молодые люди были счастливы. Омрачало их радость лишь осознание того, что граф не отдаст сестру за бедного родственника. И тогда юноша решился доказать, что достоин права называться мужем своей возлюбленной.

Он ушел искать удачи на военном поприще, пошел служить на флот и, как дворянин, получил офицерское звание. Девушка поклялась дожидаться его возвращения, когда бы это ни случилось.

– И как обернулась их затея? – спросил государь.

– Он не просто так выбрал путь военного моряка, – продолжила я, не спеша ответить на вопрос короля. – Шла война с Утландом, и наш герой стал ее участником. В одной из битв его корабль был потоплен. Моряки с другого корабля подобрали всего несколько матросов и офицеров, но среди них не было возлюбленного юной графини Тибад. Море поглотило его вместе с надеждами и верой в будущее счастье.

Девушка к тому времени достигла семнадцати лет и была представлена свету. К юной графине потянулись женихи. За ней ухаживали, присылали цветы, писали стихи и признания. Но она была верна своему слову и продолжала ждать. Боги знают, как ей удавалось избегать сватовства. Должно быть, брат любил ее, раз не спешил выдать замуж.

Монарх усмехнулся, явно вспомнив после этих слов о своей сестре и собственном потворстве. Впрочем, это были две совершенно разные истории. Я не стала их сравнивать и что-то говорить, просто продолжила рассказ:

– Известие о гибели возлюбленного настигло девушку спустя полгода после трагической битвы. Услышав о том, что он уже никогда не вернется, графиня лишилась чувств. Она дурно спала и часто просыпалась от кошмаров, с трудом ела и совсем не желала кого-либо видеть.

Брат призывал врачей и магов, но сестра продолжала чахнуть, и тогда ему посоветовали перевести бедняжку туда, где ее не будут мучить воспоминания.

– Брат узнал об их любви?

– Да, государь. Он понял. Сложно было не понять, когда в бреду она повторяла имя возлюбленного. Граф, ругая себя за слепоту, все-таки исполнил рекомендации и переехал вместе со своей семьей и сестрой в особняк в столице. Девушка там не была ни разу, и потому видения стали преследовать ее реже. А потом прошло еще некоторое время, и в доме графа появился его новый знакомец. Он был веселого нрава и сумел завоевать внимание девушки. А еще немного позже было объявлено об их помолвке. После свадьбы графиня переехала в дом супруга, а граф Тибад вернулся в свое имение.

С тех пор минуло еще какое-то время...

– Он не погиб?

– Терпение, Ив, мы уже близки к развязке, – ответила я. – Так вот минуло несколько лет. Графиня с мужем приехали к брату погостить. В ту пору в Тибаде проездом был герцог Канаторский со свитой. Он заехал к Тибадам, чтобы передохнуть перед дальнейшей дорогой. В свите его светлости был и его добрый друг и правая рука, получивший земли от своего покровителя. Он был изуродован и пугал дам своим видом, потому многие избегали его.

И вот вечером герцог Канаторский, услышав, как муж нашей героини высмеял уродство его друга, спросил: «Что вы знаете о кровопролитных битвах? Бывали ли вы на полях сражений? Поднимали свою шпагу во славу Камерата? Или же только язвили салонных завсегдатаев языком? И если кроме языка вам нечего противопоставить чужой доблести и благородству, то держите его за зубами, дабы не прослыть дураком».

Пристыженный аристократ промолчал, а граф Тибад попросил герцога рассказать о приближенном. Его светлость не стал отказывать. Он поведал, что его близкий друг когда-то отправился на флот, чтобы продвинуться по службе и стать достойным девушки, превосходившей его по богатству и положению. «Он был безумно влюблен и мечтал доказать старшему родственнику, что достоин стать ему зятем», – так говорил герцог, а сестра графа, слушавшая рассказ, с этого момента не сводила взгляда с его светлости, уж больно была похожа эта история на ее собственную.

Герцог рассказал, как был потоплен врагом корабль его друга, и как он, прежде чем потерял сознание, успел зацепиться за уцелевшую часть кормы. Волны отнесли бесчувственное тело, и те, кто спешил спасти его выживших товарищей, попросту не заметили беднягу. Но подобрали утландцы. Ногу юному офицеру пришлось ампутировать, да и руку уже было невозможно спасти. Она так и осталась искалеченной. Всё, что принесла ему война, – это шрамы и увечья. И еще плен.

Его светлость встретился с несчастным юношей, когда прибыл на переговоры с Утландом. Услышав его историю, герцог проникся к бедняге сочувствием и заплатил выкуп. Впрочем, сам молодой человек только горько усмехнулся и сказал, что отныне ему нечего ждать от жизни хорошего. Для него всё закончилось со взрывом корабля.

А спустя день закрыл его светлость своей грудью, когда на того напали заговорщики, не желавшие допустить мира между двумя государствами. Ни деревянная нога, ни увечья не помешали юноше оказаться быстрее наемного убийцы. Он принял нож в свою грудь, должно быть, надеясь наконец умереть, но его покровитель решил иначе и сделал всё, чтобы отчаянного моряка вывели.

Вскоре они сблизились, и его светлость оценил незаурядный разум и благородство своего спасителя. По возвращении в Камерат герцог одарил бывшего пленного графскими землями. «Он все-таки рискнул, несмотря на свои увечья, встретиться с возлюбленной. Хотя бы ради того, чтобы рассказать, что жив, – продолжал его светлость, – но узнал, что она вышла замуж и

счастлива в браке. К сожалению, ее муж не так благороден, как мой друг, но зато, как говорят, великий шутник и насмешник».

В это мгновение открылась дверь, и тот, о ком велся разговор, вошел в гостиную, где собрались хозяева и гости. Наша героиня, потрясенная рассказом высокородного гостя, наконец взглядела в человека, которого избегала до этого момента, и лишилась чувств. Она узнала его – своего погибшего возлюбленного. Узнал его и граф Тибад.

Наконец они были равны, и мужчина стал желанным зятем, только графиня уже принадлежала другому. Ее сложно упрекнуть, кто же знал, что юноша выжил? Однако потрясение оказалось сильным. Она проплакала весь вечер и ночь, так и не найдя в себе сил заговорить с ним. А утром герцог со свитой уехал. Женщина решилась подойти к дереву, где они когда-то прятали послания, и нашла там его письмо. Всего несколько слов: «Будьте счастливы, а я ни в чем Вас не виню».

– Так всё и закончилось?

Я улыбнулась и развернулась к королю.

– Она ушла к нему, – ответила я. – Сумела требовать с мужа согласие на развод и стала графиней Ламмет. Приняла и его протез, и искалеченную руку, и шрамы. И вместо сияния салонов получила бесконечные переживания, когда муж ее выходил в море, а после столь же бесконечную радость от встреч. Она дала ему сил, он подарил ей долгожданное счастье.

– Подожди, душа моя! – воскликнул король. – Адел Ламмет? Одноногий, с искалеченной рукой... приближенный герцога Канаторского и известный борец с пиратством?!

– Именно, дорогой, – улыбнулась я. – Адел Ламмет. Это правдивая история, а началась она в этих самых стенах. Это благодатная земля, государь. Адел Ламмет и его прелестная супруга Фрейда прошли нелегкий путь, но окончился он для них желанным счастьем.

В это мгновение вернулся телохранитель с подносом, на котором лежало несколько булочек, и я, отстранившись, взяла одну, так и не договорив, что лежало на душе. Я верила, что и мой путь, каким бы тяжелым он ни был, однажды приведет меня к желанному итогу. История моих свершений должна была начаться именно в этом графстве, и я видела в этом доброе предзнаменование.

– Надеюсь, однажды к легендам Тибада добавится еще одна, – произнес монарх, вновь вставший позади меня, пока я кормила лебедей. Полуобернувшись, я посмотрела на него, и Ив закончил: – О любви короля и девушки-солнца.

Теперь полностью развернувшись к нему, я ответила:

– Адел готов был на всё, ради своей возлюбленной, он заслужил свою легенду. А на что готов ради девушки-солнца король?

Он изломил бровь, посмотрел на меня с иронией, а после развел руки в стороны:

– Этого мало? – спросил Ивер, теперь промолчала я, продолжая ожидать ответа. – Ну, хорошо, – он взял с подноса две булочки, одну передал мне, а после, отломив кусочек от своей, кинул лебедям. – Я ведь отдал графство на твои забавы. И о деятельности, какую развернул твой глава рода, я знаю, но не вмешиваюсь.

– И мне любопытно – почему? – я тоже кинула кусочек булки. Теперь к лебедям присоединились утки, до того плававшие у другого берега. Я посмотрела на короля. – Нет, правда, Ив, почему ты потворствуешь нашим начинаниям своим невмешательством? Помнится, когда-то ты высказывался резко против и говорил, что их время не пришло.

– Но позже дал тебе должность помощника секретаря, – с намеком ответил монарх.

– Это была всего лишь взятка, – отмахнулась я. – Тебе нужно было заманить меня во дворец. К тому же эта должность была твоей блажью и прекратила свое существование после того, как мы стали любовниками.

– А преподаватели? А дозволение сунуть нос в университет? Ты ведь бывала на их занятиях...

– Еще одна взятка, – усмехнулась я. – Ты ведь опоил меня и обесчестил. Тебе надо было дать мне что-то взамен. То, что примирит меня с твоей низостью. И вновь тебе эта подачка ничего не стоила. Баловство и только. Ты балуешь свою сумасбродную фаворитку – так это воспринимают все вокруг. И я говорю не об этом. Я спрашиваю – почему ты позволяешь то, что может в будущем обернуться возмущением и столкновением с теми, кто не примет моих экспериментов? – Я подняла руку, не позволяя ему ответить сразу. – Не говори о любви. Дело слишком серьезное, чтобы бросать покой королевства к ногам женщины, пусть и любимой. Должен быть иной повод, и он есть. Какой?

Государь отряхнул руки и развернулся ко мне. Скрестив их на груди, он ответил насмешливым взглядом. Я поняла, что своих мыслей монарх не выдаст. Это был вызов, и я, бросив последний кусок булки, зеркально отобразила его позу.

– То есть ты не желаешь верить, что я проникся твоими идеями? – полюбопытствовал Ивер. Я отрицательно покачала головой. – А в то, что мне любопытно понаблюдать, чем обернется вся эта история? Нет, правда, Шанриз, мне любопытно. Ты и твой дядюшка подошли к делу весьма обстоятельно. Ты затягиваешь в сети моих советников и министров, он ведет переписку и посещает дома среднего класса и бедняков. Его сыновья осматривают здания и заключают сделки с подрядчиками, впрочем, все ветви славного древа Доло не теряют времени даром.

Его осведомленность меня не удивила. За мной смотрели в четыре глаза, да и шпионы государя работали исправно. Он был в курсе всего, что происходило вне поля его зрения. Я и мой род представляли для монарха живейший интерес. А так как я была с ним и не скрывала своих помыслов, то и наблюдали за нами с удвоенным вниманием. Оттого-то и было любопытно, отчего государь помалкивает, хоть заведомо и не одобрял направление моих мыслей.

– Если вам удастся заручиться поддержкой камератцев, если за вами пойдут люди, то и мне в будущем перепадет немного славы, – продолжал Ив, но теперь его губы кривила улыбка: – Ивер Второй Реформатор. Недурно, как считаешь? Разумеется, род Доло пополнит список своих славных деяний, но на вершине буду стоять именно я.

– Так что ты там говорил о тщеславии? – насмешливо спросила я. После вздохнула и направилась в сторону дворца, посчитав прогулку законченной. Государь нагнал меня и сам устроил мою ладонь на сгибе своего локтя. – И все-таки ты не сказал всей правды, – продолжила я едва прерванный разговор. – Я верю, что тебе любопытно, как далеко мы можем зайти, и если начнутся волнения, то запретишь нам заниматься нашим делом. В этом я уверена, но свои тайные помыслы ты все-таки не открыл. Это несправедливо, не находишь?

– Что именно?

– Ты рассматриваешь мой род под увеличительным стеклом, но оставляешь себе секреты.

– Зато позволяю продолжать изыскания, хоть и не одобряю их, как ты верно заметила. Разве же этого мало? Разве же это не достойно легенды, как история Ламмета и его супруги?

Я усмехнулась и отрицательно покачала головой.

– Мы не идем рука об руку, Ив, как шли они. Ты стоишь за моей спиной, но в твоей руке поводок, и пока ты распускаешь петли, позволяя мне видимость свободы. Но однажды можешь натянуть, и останутся только твои желания. Наша история любви вряд ли станет легендой... – я выпустила его руку и присела в глубоком реверансе, – мой господин.

Монарх покривился и вынудил меня распрямиться. После взял за руку и притянул к себе.

– Всё так, душа моя, – сказал он, глядя мне в глаза, – но ты забываешь об одном – в твоей руке мой поводок, и ты крепко держишь его.

– Мы говорим о путях, но не о любви, – заметила я.

– А разве любовь – не путь? – он провел костяшкой пальца по моей щеке, следя за ним взглядом. – Только кому-то они в кровь стирают кожу, а кому-то, стягивая, помогают стать

цельным. Я стал цельным, мой дорогой лучик. И я готов ради тебя на всё, даже пойти против своих убеждений.

Я улыбнулась ему и, обняв лицо ладонями, сама коснулась губ короля поцелуем. Свои мысли я оставила при себе, как и он. То, что король лукавит, я была уверена, но в чем, понять не могла. Однако настаивать на его признании не стала. Сейчас он был готов дать мне то, что я хотела, и лучше использовать этот момент, потому что измениться всё может слишком быстро.

– К сожалению, – отстранившись, произнесла я, – у меня нет ничего, что я могла бы дать тебе в ответ. Только сущую пустяковину – себя саму.

– А большего и не надо, – ответил он и прижался к моим губам.

– Государь, – прервал нас гвардеец, – сюда идут.

– Чтоб их пожрали псы Аденфора, – проворчал король, отстранившись.

Он выпустил меня из объятий, буркнув еще какое-то ругательство, теперь помянув приличия, которые я требовала соблюдать на людях. Не удержавшись, я хмыкнула и удостоилась непроницаемого взгляда – на берегу пруда вновь стоял государь Камерата. Что ж, это было верно, и графиня Тибад, вернув себе любезный вид, развернулась в сторону, откуда показался пока еще незнакомый мне мужчина.

Он был немолод, опрятен и недурно одет, из чего я сделала вывод, что перед нами не прислуга. Мужчина приблизился, поклонился королю, после, окинув меня быстрым взглядом, снова склонил голову и представился:

– Барон Одаман Стирр, ваше сиятельство. Имею честь быть управителем вашего имения.

– Весьма приятно с вами познакомиться, ваша милость, – ответила я с вежливой улыбкой.

И мы последовали за бароном знакомиться с делами поместья, со слугами и соседями, которые вскоре потянулись к Тибаду, чтобы засвидетельствовать свое почтение хозяйке графства...

Глава 4

– Какое замечательное место... Да, мне оно определенно нравится.

Я склонила голову к плечу и еще раз осмотрела дом из красного кирпича. И пусть он требовал ремонта, но я уже видела, что это именно то, что мне нужно.

– Так что это было, вы говорите? – я полуобернулась к управителю моего имения.

– Дом священника храма Великой Праматери, ваше сиятельство, – ответил барон Стирр. – Позволите ли задать вам вопрос?

– Разумеется, ваша милость, – кивнула я, любуясь ветшающей развалюхой.

– Зачем он вам нужен?

– Здесь будет пансион, мой дорогой управитель, – улыбнулась я. – Первый пансион для девочек, где их станут обучать не только складывать буквы в слова и считать на пальцах, но и иным наукам. Но школа будет доступна не только для пансионеров. По большей степени пансион нужен тем, кто живет слишком далеко отсюда или не имеет возможности содержать ребенка, а вот школу смогут посещать дети разных сословий.

– Но для чего вам это? – изумился барон.

Я обернулась к нему и вопросительно приподняла брови.

– А зачем вы получали образование?

– То я... – начал управитель, и я прервала его:

– В чем ваша исключительность? О, ваша милость, не почтите за оскорбление или унижение вашего достоинства, но мне любопытно, в чем вы видите свое превосходство над будущими пансионерками?

Барон несколько опешил, пытаясь понять, что я хочу услышать. Однако быстро откинул оторопь и уверенно произнес:

– Во-первых, я мужчина, а во-вторых, дворянин. Мне полагается быть образованным, да и дамы нашего с вами общества получают недурное образование. Однако вы говорите о разных сословиях, ваше сиятельство, но это означает, что вы желаете объединить в одном классе крестьянку и аристократку? Немыслимо!

– О нет, – усмехнулась я, – на аристократию я не покушаюсь. Обучайте своих дочерей, как считаете нужным, но не изумляйтесь, когда крестьянка окажется умней и разносторонне более развита, чем, к примеру, ваша племянница.

– Но это же чушь! – воскликнул его милость, но кашлянул, чтобы скрыть неловкость и склонил голову: – Простите великодушно, ваше сиятельство, я не желал вас оскорбить. Однако я считаю, что вы хотите вложить ненужные знания в головы девочек, удел которых следить за домом, ходить за скотом и взращивать урожай на огороде. К чему им знание истории и географии? А языки? С кем они будут говорить на них? А декламировать произведения великих поэтов?

– Вы совсем не оставляете им выбора, ваша милость, – заметила я и, взяв его за руку, направила к коляске, дожидавшейся нас. – Почему дочери пахаря не пойти дальше? Отчего вы решили, что она не может после продолжить свое образование и получить профессию, которая позволит ей вернуться в свою деревню и принести пользу несравнимо большую, чем мать семейства?

– К примеру? – озадачился барон.

– К примеру, ветеринар или доктор? А может быть, и учитель...

– Женщина?! – спросил его милость и весело рассмеялся. – Вот уж насмешили, ваше сиятельство!

– Чем же? – без тени улыбки спросила я.

Он помог мне сесть в коляску, устроился рядом и буркнул:

– Извините, я вовсе не потешаюсь, просто ваши слова мне кажутся шуткой. Ну кто в здравом уме пойдет лечиться к женщине?

– Однако к знахаркам не гнушаются ходить не только простолюдины, но и аристократы, причем, мужчины, – пожалала я плечами. – Люди верят в силу трав так же страстно, как и в силу магии. И в минуты немочи им не столь важно, кто даст им заветный мешочек со сбором, лишь бы помогло.

– Подождите, госпожа графиня, умоляю! – воскликнул Одаман Стирр. – Вы толкуете о совершенно разных вещах! Знахарство – это древние знания, основанные на сборах трав. Но врачевание... – он развел руками, – простите, но... Это же и хирургия в том числе. Что же вы хотите сказать, что кто-то ляжет женщине под нож? Это же верное самоубийство!

Теперь рассмеялась я. Его милость насупился и взглянул на меня исподлобья.

– Стало быть, вы не опасаетесь заполучить в сборе ядовитой травы? Или того, что снадобья попросту перепутают? Заметьте, это может сделать и мужчина, к тому же по злему умыслу. Он ведь знахарь и никакими законами не связан. Это лишь ваша вина, что воспользовались его услугами. Нет, его, конечно же, будут судить и накажут, если найдут отравителя. Только ведь его жертве от этого уже толку не будет. И, зная о таком риске, вы предпочтете сомнительные знания знахаря или же и вовсе шарлатана подготовленному специалисту лишь потому, что она женщина? Я ведь вам толкую об обучении, а это знание анатомии, признаков заболевания и способах лечения.

– Да кто их в университет пустит?!

– Думается мне, что пройдет не так много времени, когда их в университет не только пустят, но и примут и станут обучать. И можете мне поверить, что это будут великолепные знатоки своего дела, потому что им придется доказывать свою состоятельность, в отличие от студентов-мужчин, которые станут рассчитывать лишь на свой пол.

– Вы говорите что-то невероятное, – покачал головой барон.

– Почему? – искренне удивилась я. – Среди магов никто полов не различает. Важен лишь их дар и умение им пользоваться. – Его милость встрепенулся, но я отмахнулась: – Не надо говорить, что это магия. Ее тоже надо уметь использовать. А это обучение, мой дорогой управитель. Однако постигают магические премудрости и мужчины, и женщины. Пол нисколько не влияет на талант и возможности. Так отчего же вы так унижаете не одаренных женщин? Разве же мы неполноценны? Быть может, обделены разумом, волей и целеустремленностью?

– Нет! – возмутился его милость. – Ничего подобного я не говорил. Ваше сиятельство, я вовсе никого не унижаю, лишь трезво смотрю...

– Нет, господин барон, – вновь прервала его я. – Вы мыслите стандартами, которые диктуют вбитые всем нам в голову правила. Я же предлагаю вам взглянуть шире. И если вы позволите себе отойти от принятых устоев, то изумитесь, сколько обнаружите нового. Но, – я улыбнулась, – это всё разговоры о фантомах, которые парят в воздухе, однако плоти не имеют. Сейчас мы оставим споры, жизнь нас еще рассудит. А вот о пансионе поговорим уже со всей уверенностью. Кого вы порекомендуете взять подрядчиком?

Его милость ответил не сразу. Он еще пребывал в пылу едва окончившегося спора, я не стала торопить. Только поглядывала с любопытством и ждала, что последует далее.

– А как же мальчики? – вместо ответа на мой вопрос спросил Стирр. – Они останутся на прежнем уровне знаний, в то время когда девочки шагнут дальше и обретут перспективы, о которых вы толкуете? Вам не кажется, что это только разобьет их в будущем? О чем говорить читающей женщине с малообразованным мужчиной из своего сословия? Да они попросту не поймут друг друга!

Улыбнувшись, я похлопала кончиками пальцев по ладони, аплодируя мыслям управителя.

– Весьма недурные соображения, ваша милость, – произнесла я. – И они справедливы, а потому мы откроем и второй пансион со школой, но уже для мальчиков. А после и школу, которую будут посещать ученики обоего пола...

– Невозможно!

– Возможно, – отмахнулась я. – До десяти лет возможно. «Школа первых знаний», так мы ее назовем. А дальше ученики, кто захочет продолжить обучение, смогут перейти в женскую и мужскую школу соответственно. Но начнем с женского пансиона. Мне любопытно, сколько семей оценят возможности, которые появятся у их дочерей.

Барон отвернулся. Он некоторое время ехал, в молчании поглядывая на дорогу, а после произнес чуть ворчливо:

– И все-таки лучше разделить школы не только по полам, но и по сословиям, хотя бы отделить дворян... Но, – он обернулся ко мне, – кто же станет платить за всё это? Неужто государь готов субсидировать вашу затею?

Я усмехнулась. Король был готов только наблюдать за происходящим, но о выделении каких-либо денег ответил уклончиво, не отказав, но и не дав согласия. Впрочем, мы с дядюшкой на него и не надеялись. Для своих целей мы пошли путем благотворительности, и в этом деле нам помогали графы Гендрик, а точнее, Амберли и Элдер.

Его сиятельство с некоторых пор стал модным художником, чьи полотна охотно раскупались, а заказы на портреты сыпались на него со всех сторон. Граф даже однажды возмутился:

– За кого они меня принимают?! Я – аристократ, а не рисовальщик!

Однако ради моего фонда начал браться за заказы. А Амбер устроила настоящий аукцион, где распродала даже копии чужих картин, написанные ее мужем. Всю собранную сумму чета Гендрик торжественно вручила мне со словами:

– На твои затеи, сестрица.

Однако не только Гендрики внесли свой вклад в наше дело, но и все родственники. Правда, среди них не было талантливых художников, кому заказывал картины сам монарх, однако были лотереи и просто копилки, куда гости жертвовали деньги. Устраивала нечто подобное и я, в королевском дворце.

С тех пор, как принцесса Селия отправилась к мужу в Ришем, а герцогиня Аританская была выпровожена в Аритан, в королевском дворце полноправной хозяйкой стала я. Поначалу я оставалась в королевском крыле, и государя это вполне устраивало, пока разговор не зашел о фонде. Мне нужен был приток средств, а собрать сразу много можно было только на королевском балу. И я решила, что пора отбросить скромность и взять на себя роль хозяйки, пусть и временной, пока не появится постоянная.

– Ив, я хочу устроить благотворительный бал, – объявила я государю, войдя в кабинет.

Он оторвал взгляд от своих бумаг, потер переносицу и ответил:

– Не препятствую. Устроители, распорядители и все, кто потребуются, в твоём распоряжении. Пользуйся, душа моя, а я еще немного поработаю.

– Не препятствую, – сказала я, и он удивленно приподнял брови:

– А благодарность?

– Позже, дорогой, позже, – заверила я. – Тоже немного поработаю, а потом отблагодарю.

– И даже не поцелуешь? – я послала ему воздушный поцелуй и устремила к двери, но в спину мне понеслось возмущенное: – Скряга!

– Рассчитаюсь сполна, но позже, – не оглядываясь, пообещала я и выскользнула за дверь под многообещающее:

– Я вас услышал, ваша милость! – Тогда я еще не стала графиней.

На бал-маскарад собрался не только Двор. Были приглашены и представители столичной знати – я посчитала их полезными, а потому ослепляла своей улыбкой, когда встречала на

правах хозяйки. Я дала этим людям возможность быть представленными королю Камерата, свести полезные знакомства, да и просто поглядеть на колыбель власти изнутри.

Разумеется, они понимали, кому обязаны такой честью, и потому отблагодарили на славу. Копилка, сооруженная магистром Элькосом сверкала и переливалась почти не прекращая, когда в нее поступали всё новые и новые вложения. Такие балы и приемы для узкого круга лиц я устраивала периодически, а на большие праздники завела благотворительную продажу пригласительных. И аристократия не жалела денег, чтобы попасть в святая святых Камерата или хотя бы посмотреть вблизи на торжественные шествия, приуроченные к религиозным праздникам или историческим событиям.

– Если будешь держать собранные деньги только на свои затеи, найдутся недовольные, – сказал мне как-то Ивер.

– Я это понимаю, – ответила я. – Поэтому часть я пожертвую патриарху на храмы, часть потрачу на заведения, нуждающиеся в помощи, а вот третью часть оставлю нетронутой. Эти деньги будут скапливаться на мое дело.

– Кова-арная, – протянул государь. – Еще и церковников собираешься опутать паутиной.

– Не останавливаться же мне на короле, – пожалала я плечами. – Эта добыча уже в моих путах, настало время, продолжить охоту и загнать в ловушку старого вепря.

– Главное не спутай сети, – усмехнулся Его Величество. – Для вепря оставь только доброе слово, но в твоём огне продолжу сгорать только я.

– Фу, Ив, он же старый и святейший. Как можно ревновать к патриарху? – возмутилась я, встретилась с упрямым взглядом и усмехнулась: – Могу брать тебя с собой.

– Уволь, – отмахнулся монарх. – Отправлю с тобой... – он подумал и закончил: – Гвардейцев. Их вполне хватит.

Я сдержала слово и распределила приток финансов. Мне нужна была церковь и ее лояльность в будущем, когда время экспериментов закончится и начнется борьба за изменение законов и устоев. Патриарх как друг мог сыграть в этом деле немалую роль. И наша дружба понемногу укреплялась. Он принял мое подношение и благословил на доброе дело, коим назвал те деяния, которые я затеяла. Мы еще не разговаривали о будущих реформах, на которые я надеялась, только о школах, где будут обучать детей обоих полов, но одобрение главы церкви было необходимо для простого народа. И я его получила.

– Только бы стоило разделить школы на женскую и мужскую, – заметил святейший Менгет. – Не дело смешивать отроков и нарушать заповеди богов наших.

– Вы правы, святейший отец, – не стала я спорить. – Мы разделим учеников, когда они подойдут к поре взросления.

– Это дело угодно богам, – с благостной улыбкой кивнул святейший. На том и сошлись.

Слова патриарха были справедливы. И пусть бедняки не прятали дочерей, у них на это попросту не было возможности, да и средний класс не весь следовал традиции, которой придерживалась знать, но все они старались оберегать девиц от соблазнов, как велела богиня Левит. И хвала богам, что святейший оказался прозорливей светской власти. Даже удивительно, насколько последователь догм может видеть дальше тех, кто привык эти догмы нарушать. Но факт остается фактом, с патриархом мы нашли общий язык, в отличие от министра образования.

Хотя, признаться, разделять школы мне не хотелось по идейным соображениям, чтобы уже прекратить это затворничество благородных девиц до их совершеннолетия. Сам оплот чистоты – сестра короля, показала на собственном примере, что целомудрию затворничество не способствует. В то же время я и среди соблазнов Двора не собиралась расставаться со своим девством. И если бы король в свое время не опоил бы меня, возможно, мне удалось бы продержаться до того дня, когда он, перегорев, стал бы мне просто другом, как мечталось. Кто знает?

Как бы там ни было, я прислушалась к пожеланию святейшего, оно было более чем разумно. И, признаться, после нашей беседы я ощутила уважение к этому человеку, убеленному сединами. А его приглашение навещать его оказалось приятно, потому что беседовать с ним было интересно. После того, как я вышла от патриарха, мне подумалось, что он вполне мог бы стать душой общества и собирать вокруг себя большой круг слушателей, потому что в старике обнаружились легкость и чувство юмора. Я даже сговорила с ним на совместную прогулку, когда Двор вернется в столицу.

Но пока я находилась в Тибаде, и до отъезда оставалась пара дней. Я успела перезнакомиться со многими соседями, чьи визиты даже начали вызывать раздражение, потому что отвлекали от дел, а их было немало. Впрочем, вскоре в графство должны были приехать люди, которым я могла доверять как самой себе, – мои родители. И мне даже не пришлось их долго уговаривать покинуть столицу и перебраться в далекий Тибад.

Батюшка, внимательно выслушав, чего я жду от них с матушкой, недолго подумал и согласно кивнул. Старшая баронесса Тенерис, вздохнув, сказала:

– И что только не сделаешь, чтобы твое дитя было счастливо, – однако глаза ее блеснули, и я поняла, что затея ей неожиданно понравилась.

Моя родительница была человеком деятельным, она нуждалась в суете, а еще она обожала заботиться. А сейчас ее милость часто пребывала в меланхолии. Я жила во дворце, Амберли и вовсе вышла замуж. И даже ее первенец, который должен был родиться, пока я находилась в Лакасе, останется под опекой старшей графини Гендрик, а баронессе Тенерис придется лишь навещать названного внука. Этого, конечно же, было мало. Так что матушке достался лишь батюшка, то есть делать ей попросту оказалось нечего. Оживала она, когда занималась подготовкой званых вечеров и благотворительных балов, однако они проводились не ежедневно, а стало быть, и заботы эти были временными.

Я же предложила дорогой родительнице целую уйму дел, в которую входила и подготовка пансиона и школы, рекрутирование будущих учениц, а после и присмотр за ними. Для матушки и ее верной помощницы – девицы О, открывалось непаханое поле забот и тревог. Разумеется, баронесса возликовала!

Батюшке же я собиралась доверить дела графства и, главное, его казну. К тому же бароны Тенерис и в Тибаде должны были открыть благотворительный фонд, чтобы получить приток средств. Все-таки деньги графства использовать на мои затеи было недальновидно. Выделить некую сумму возможно, но отнюдь не оплачивать содержание учреждений, пока не признанных Министерством образования Камерата. А еще надо было назначить жалование учителям и обслуге, как и оплатить продукты, книги, тетради и прочие необходимые принадлежности. Так что пожертвования были вовсе не лишними.

– Ваше сиятельство, – вздрогнув, я очнулась от своих размышлений, и обернулась к барону Стирру, – государь. Государь встречает вас.

Теперь я посмотрела в сторону, куда кивнул его милость, и велела кучеру остановиться. Его Величество восседал на своем Буране, сопровождали короля верные гвардейцы. Барон первым сошел с коляски, помог спуститься мне и склонил голову. Я присела в реверансе, приветствуя своего сюзерена.

– Удачно ли прошла ваша поездка? – спросил государь, глядя на нас с его милость сверху вниз.

– Благодарю, Ваше Величество, – ответила я. – Мне показали примечательнейший дом. Думаю, мои поиски закончены, осталось подобрать подрядчиков...

– Прекрасная новость, – прервал меня Ив, и я взглянула на него с удивлением. – Дайте все необходимые указания его милости, мы возвращаемся в Лакас.

– Прошу великодушно простить, государь, но еще два дня...

– Мы возвращаемся в Лакас, – отчеканил король. – Ваши вещи уже собраны, Аметист стоит под седлом, а потому можем отправиться в путь уже сейчас.

Я ощутила острую обиду. Мне и без того пришлось эти несколько дней разрываться между венценосным эгоистом, визитерами и делами, на которые оставалось совсем немного времени, а теперь он и вовсе увозит меня? Разве же это справедливо?!

– Ваша милость, вы можете продолжить путь, – произнес король. После махнул рукой, и вперед вывели моего жеребца.

– Государь, – поклонился барон Стирр. После повернулся ко мне и склонил голову: – Ваше сиятельство, я подыщу подрядчиков и всё подготовлю к приезду ваших родителей.

– Благодарю, – ответила я церемонно, изо всех сил стараясь не показать своего отчаяния и огорчения.

– Был рад нашему знакомству, госпожа графиня, – барон улыбнулся как-то даже виновато. – Надеюсь, что скоро буду вновь иметь честь лицезреть хозяйку Тибада на ее землях.

Я выдавила ответную улыбку, кивнула и направилась к Аметисту, потому что сдерживать слезы становилось всё трудней. С каждой уходящей минутой моя обида росла, а вместе с ней и злость. Я погладила скакуна, надеясь, что это хотя бы немного меня успокоит. Не помогло. И потому в седло я села сама, избежав помощи монарха.

– Шанни, – позвал меня король.

Я тронула поводья, и Аметист, словно чувствуя, что мне сейчас не до игр, с готовностью послушался. Он быстро перешел на рысь, но мне этого было мало. Хотелось умчаться от человека, дававшего и уничтожавшего надежды одним своим словом. И в этот момент я как никогда понимала, насколько зависима от его капризов. Боги! Он даже не позволил мне оставаться в Тибаде всё обещанное время! И я послала коня в галоп.

– Шанриз! – крикнул мне вслед государь.

Я не слушала его. То, что он сделал, показалось мне пощечиной. Слезы, более не сдерживаемые, хлынули по моим щекам. Он не позволял мне отправиться в Тибад больше месяца, пока не нашел времени, чтобы ехать со мной, хоть графство и находится всего в дне пути от резиденции. Из каждого дня забирал по трети, требуя внимания к себе, а сейчас и вовсе увозит. Два дня! Всего два дня, и я бы покорно забралась в седло и улыбалась ему, счастливая тем, что смогла сделать всё, что хотела. А теперь меня раздирала горечь и негодование.

– Шанриз!

Буран настигал нас. Для этого большого и сильного коня было несложно догнать моего Аметиста. Король был уже рядом.

– Шанни, хватит! – крикнул монарх. – Это не моя блажь, слышишь? Меня призывают дела! Шанни!

Я натянула поводья, и Аметист, возмущенно заржав, встал на дыбы. Ив поравнялся с нами. Он остановил Бурана и посмотрел на меня с укоризной.

– К чему эта трагедия, лучик?

Не глядя на него, я спешила и отошла к деревьям, росшим у дороги, не желая показывать слезы. Нырнув за то, что оказалось ближе, я стерла со щек влагу и прижалась к стволу спиной. Король последовал за мной. Он остановился напротив.

– Ты плакала? – спросил монарх и сам себе ответил: – Плакала.

Я отвернулась и подняла лицо кверху, стараясь удержать новые слезы. Но подборок предательски задрожал. Ив мягко сжал мою голову ладонями и вынудил поглядеть на него. После провел по моей щеке пальцем, поймал слезинку и слизнул ее.

– Душа моя, ты ведешь себя, как маленькая капризная девочка, – и вправду будто с ребенком заговорил он. – К чему эта гонка? Зачем слезы и обида? Ты ведь понимаешь, кто я, и если говорю, что дело важное, значит, оно касается Камерата.

– Я не удерживаю тебя, – сипло ответила я. – Поезжай и делай, что должно.

– Тогда к чему эта обида?

Выдохнув, чтобы успокоиться, я снова отвела взгляд и, справившись с комком в горле, заговорила:

– У меня тоже было важное дело, может, не такое, как твое, но оно было важно для меня. Я ведь довольствовалась тем, что ты выделил мне всего неделю, не спорила. А теперь ты увозишь меня, хотя мог бы оставить...

– Нет, – резко ответил он, и я обернулась к нему. – Я не оставлю тебя одну. В этой поездке я твое сопровождение и охрана. И я не могу позволить себе бросить свою женщину в одиночестве.

– Боги, Ив! – воскликнула я. – С нами едет отряд гвардейцев! Оставь мне часть из них, и о моей безопасности можно не волноваться. Через два дня я отправлюсь в обратный путь...

– Я сказал – нет, – сухо произнес король. – Мы приехали вместе и уедем вместе. – Затем скривился и притянул меня к себе. Я попыталась вывернуться, но монарх удержал. – Перестань, Шанни, зачем эта борьба? – Он потерся кончиком носа о мой висок и ласково произнес: – Ты же знаешь, как я тебя люблю. Ты – мой лучик, Шанриз, и ты нужна мне. Зачем эти слезы? Зачем страдания? Обещаю, что искуплю этот грех и порадую тебя, когда вернемся. Чего ты хочешь?

Я скинула на него взгляд. Государь улыбнулся и провел по моей щеке тыльной стороной ладони. Затем склонился к губам, но я накрыла его рот кончиками пальцев и ответила:

– Я хочу лучшего архитектора. Пусть он отправляется в Тибад и обустроит пансион и школу. Хочу, чтобы ты выделил деньги на ремонт здания и закупку всего необходимого. Хочу, чтобы министр образования внес мои школы, какие будут открыты, в список учебных заведений Камерата. Хочу государственную субсидию на обучение в университетах детей из небогатых семейств...

– Стоп! – рявкнул Ивер. – Архитектора и деньги обещаю. Об остальном говорить еще рано.

– Тогда еще одну поездку в Тибад до конца лета. И если не сможешь поехать, я возьму Айлид Энкетт и ее супруга. Я хочу сюда вернуться еще в этом году.

– Я смогу поехать, – ответил король. – Хорошо. Архитектор, деньги, поездка.

– Айлид я всё равно возьму с собой, я ей обещала, – упрямо ответила я.

– Пусть едет, – кивнул государь.

– И мы проведем в Тибаде столько времени...

– Довольно, – остановил меня Ив. – С Тибадом и школой закончили, но я выполню еще одно твое желание, когда вернемся в столицу. Наверняка у тебя их уже припасено с десятков, выбери одно, но чтобы оно не касалось государственных интересов.

– Договорились, – азартно ответила я.

– Теперь прощен? – улыбнулся государь, и я честно ответила:

– Разумеется, нет. Пока это только слова...

– Которые сказал король...

– Про неделю тоже говорил король, – отмахнулась я.

– Ну, знаешь, – фыркнул Ив. – Не моя вина, что Саммен решил снова портить нам кровь.

– Что-то серьезное? – спросила я.

– Мое присутствие для решения проблемы обязательно, – ответил он.

– Тогда едем.

Я уже собралась вернуться к скакунам, оставленным на дороге, но король удержал меня. Он опять склонился к моим губам, но я вновь остановила его.

– Я тебя еще не простила. И всё еще злюсь.

– Я ведь тоже могу начать злиться, – проникновенно уведомил меня Его Величество.

Вздыхнув, я подставила губы. Он заглянул мне в глаза, все-таки поцеловал, но я не ответила. Раздражение было всё еще слишком сильным, и сейчас как никогда я ощущала давление

ошейника на свою шею. Государь было отстранился, но вновь склонился и прижался лбом к моему лбу. Так мы простояли с минуту, не произнеся ни слова, а затем наконец вернулись на дорогу.

В этот раз я позволила государю ухаживать за мной и рваться вперед уже не стала. Примирение состоялось, обида не прошла. Однако вскоре я тряхнула головой и заставила себя расслабиться. Всё хорошо, пусть и не так, как мне хочется. Я выбила финансовую помощь, у меня будет еще одна поездка, и в столице он сделает то, о чем я собиралась долго спорить и вырывать необходимое мне едва ли не силком. Еще одно мое дело не затрагивало государственных интересов, но было крайне важным для моего дела. Да, всё не так уж и плохо. А поводок... он останется.

Взглянув на короля, я увидела, что и он смотрит на меня. Я улыбнулась, после поглядела вперед и умиротворенно вздохнула. Как бы там ни было, но первый шаг в моих начинаниях уже был сделан. Я прикрыла глаза, ощутила прикосновение ветра к коже и улыбнулась уже совсем искренне. Хэлл по-прежнему был со мной.

Глава 5

Теплые губы коснулись моей щеки, скользнули вниз, задев уголок рта, проложили дорожку по шее и остановились на плече, после проделали обратный путь, и я улыбнулась, не открыв глаз.

– Доброе утро, любовь моя, – шепнул мне на ухо Ивер.

Я перевернулась с бока на спину, и теперь он коснулся моих губ легким поцелуем. До моего обоняния донесся аромат цветов, принесенных государем. Я открыла глаза и встретила с его улыбкой.

– До чего же ты хороша, – сказал он, разглядывая меня. – Обожаю встречать твоё пробуждение, лучик.

Он переложил букет с постели мне на грудь, и я подтянула его к лицу, вдохнула запах и поглядела на своего венценосного любовника поверх цветочных головок.

– Как странно, – произнесла я чуть хрипло со сна, – день рождения у тебя, а подарок получила я.

– Цветы – это не подарок, это подношение красоте, признание и преклонение перед ней, – назидательно ответил король. – А подарок – это вот, – и он поднял на уровень моих глаз бархатный футляр.

Я села, отложила цветы и приняла футляр, но сразу не открыла, а подняла на монарха удивленно-вопросительный взгляд. Он ответил таким же, и смысл такого ответа был понятен. Он дарил мне драгоценности, и часто. Впрочем, не только драгоценности. Государь исправно баловал меня, и я также исправно принимала его дары с благодарной улыбкой. Впрочем, он знал, что новая брошь или диадема порадуют мой взор, конечно, но особой надобности я в них не видела. И платья, которые мне шили по его заказу, я надевала редко, предпочитая наряды, которые продумывала и заказывала портным сама. А Ив редко настаивал, чтобы я надевала то, что придумал он, его вполне устраивало то, как я выгляжу.

Однажды мы даже поругались, когда я в шутку назвала его мальчиком, который любит наряжать кукол. Но иной аналогии у меня не было. И эта шутка обидела Его Величество.

– Разве я не могу заботиться о своей женщине? – сухо спросил он.

– Но, дорогой, ты же знаешь, что мне по душе иные платья, зачем же ты рядишь меня в тяжелые ткани и обвешиваешь драгоценностями? – ответила я с улыбкой, уже видя, что он разозлился. – Мне приятно твоё внимание, но большая часть твоих подарков лежит...

– Можешь продать, а вырученные деньги использовать на свои надобности, – резко прервал он меня.

– Если так ты помогаешь мне в средствах, то дал бы просто денег, я бы не отказалась, и порадовалась несравнимо больше, – с ноткой раздражения ответила я.

– Нет уж! – едко воскликнул государь. – Хочу посмотреть, как ты будешь бегать по ломбардам и ювелирным лавкам, стараясь продать мои подарки.

– Зачем же бегать? – язвительно усмехнулась я. – Я попросту устрою аукцион и выручу за них в несколько раз больше их настоящей стоимости. Стоит только объявить, что их покупал сам король, и у меня их с руками оторвут.

– А может, стоит хоть иногда быть просто женщиной?! – неожиданно рявкнул он. – Самой заурядной глупышкой, которая верещит при виде дорогого подарка и надевает его, чтобы покрасоваться в новых серьгах. Ты ведь не пробовала, вдруг найдешь в этом занятии некую прелесть, и тогда мои подарки станут вызывать у тебя искреннюю радость. Попробуй, Шанриз!

Я смерила его задумчивым взглядом. После поднялась с дивана, на котором сидела, и покинула гостиную. А когда вернулась, на мне было одно из платьев, подаренных монархом. А еще изумительный гарнитур с изумрудами. Подвеска на ожерелье спускалась к груди

и кокетливо посверкивала у самой ложбинки, открытой глубоким декольте. Платье открывало и плечи, уже обретшие женственную округлость. Верная Тальма подобрала мне волосы так, чтобы подчеркнуть эту часть моего тела, но оставила огненно-рыжую волну струиться по спине.

Приблизившись к королю, наблюдавшему за мной, я присела в глубоком реверансе, продемонстрировав ему всю прелесть моего наряда, искушающе улыбнулась, как делала каждая дама, желавшая заполучить его благосклонность, а после... после направилась к выходу.

– Куда? – спросил король.

– Красоваться, – коротко ответила я и покинула наши покои.

Пока я шла по коридору, навстречу мне попался Дренг. Он направлялся к королю, но я остановила его и улыбнулась:

– Доброго вечера, ваше сиятельство.

– О... – он окинул меня пристальным взглядом, – ваше сиятельство, у нас какое-то торжество, а я упустил его из виду? Вы обворожительны. Хотя вы всегда прелестны, но сегодня как-то по-особенному сверкаете.

Я рассмеялась и изящно взмахнула рукой, совсем как учила меня матушка. После присела в реверансе и посмотрела кокетливым взглядом искоса.

– Ну что вы, ваше сиятельство, – произнесла я, – разве же я чем-то изумила вас? Обычный повседневный наряд. Но мне приятно слышать от вас комплимент.

– Довольно! – прогрохотал король. Он стремительно приблизился и накинул мне на плечи свой сюртук, а затем рявкнул Дренгу: – Не ослепни!

– Прошу прощения, – проворковала я, снова бросив на графа кокетливый взгляд. – Я вынуждена вас покинуть. Государь, – я протянула ему сюртук, – благодарю, но мне не холодно. К тому же он скрывает мой наряд, опасаясь, его так мало кто разглядит. Позвольте откланяться.

– В покои, – отчеканил Ив. – Живо. Дренг, пошел прочь.

Его сиятельство не стал упорствовать, только вновь посмотрел на меня и сказал учтиво:

– Ваше сиятельство, зачем вы носите ваши скромные одеяния? Они совершенно скрывают ту неизъяснимую прелесть, какую открывает это платье. Признаться, я сражен. Одевайтесь так, и восторженные взгляды...

– Пошел вон! – гаркнул король.

Олив развернулся и поспешил исполнить приказ государя, но его лукавый взгляд я все-таки перехватила – граф верно понял происходящее. Умница Дренг...

– Ты с ним кокетничала, – обвиняюще отчеканил монарх, теперь переключившись на меня.

– Но разве же не этого ожидал от меня мой король? – удивилась я. – Я всего лишь пыталась угодить вам. Надела платье и драгоценности и отправилась красоваться, да и вела себя, как самая обычная глупышка. Не вижу повода для новых обвинений. Я просто стала женщиной, как вы и желали. Что же вам не нравится, государь? – и, обойдя его, направилась обратно к покоям.

Ив последовал за мной. Когда за нами закрылась дверь, я обернулась и посмотрела ему в глаза:

– А теперь скажи мне, для чего ты даришь мне платья, в которых я не могу выйти из покоев? Для того, чтобы я надевала их только для тебя? Тогда кто ты, если не тот самый мальчик, который обожает наряжать кукол? – государь ответил мне взглядом исподлобья. – Для моей деятельности и разъездов по городу мне удобней моя одежда. Я бываю у коммерсантов, навещаю стройку, наношу визиты чиновникам. Тебе не понравится, если я буду приезжать к ним в таком виде, – я указала на платье. – По дворцу я тем более не могу в нем ходить, иначе тебя задушит ревность. И не говори, что это не так. Мне встретился только Дренг, который не

упустит случая распусть язык, чтобы повеселиться, и ты уже злишься. И когда же мне носить их? Вечерами, когда мы собираем наше маленькое общество? Надевать на себя эти доспехи и мучиться тогда, когда хочется отдохнуть? У меня для вечеров есть более удобные наряды. И, между прочим, – я не удержалась от иронии, – святейший выразил свое одобрение скромности, какую переняли от меня придворные дамы. Впрочем, – так и не дождавшись хоть какого-то ответа, я отошла от монарха, – если я уже не кажусь тебе женщиной...

Король наконец отмер. Он подошел ко мне и взял за руки:

– Что за глупости? Я видел и вижу в тебе женщину, что доказываю тебе почти еженощно, и не только ночью, – усмехнулся Ив.

– Тогда что же? Соскучился по пустышкам?

– Я просто хочу, чтобы ты была рядом, как любая женщина со своим мужчиной...

– Сидела в покоях, пока ты занят служением Камерату? – уточнила я. – И так изо дня в день?

– У тебя весь дворец, – заметил монарх. – Можешь затеять отделку гостиных или же почитать, посплетничать с дамами, в конце концов, постоять на коленях перед своим Аферистом. Да мало ли занятий для женщины?!

– Если бы я желала заниматься именно этим, то уже несколько лет была бы замужем, – сухо ответила я и направилась к гардеробной, чтобы сменить наряд. – И роль комнатной собачки мне не по душе.

– Мне всегда нравилось, что ты не такая, как все, – услышала я, пока переодевалась. – Ты знаешь, я не против того, чтобы ты продолжала свое дело, у вас с дядюшкой недурно получается. Но не обязательно же самой ездить по ведомствам. Есть граф Доло и его сыновья, они с этим справятся, уж поверь мне, душа моя. А я хочу увидеть тебя в любой момент, когда мне этого захочется, а не выслушивать, что ее сиятельство еще не вернулась.

– Если я буду довольствоваться тем, что делают граф с сыновьями, то в чем же смысл всех моих устремлений? – спросила я, появившись на пороге гостиной. – Я ратую за право женщины быть самостоятельной, но сама, как и все дамы, положусь на мужчин и буду заниматься пустословием, пока они воплощают мои фантазии? Нет, Ив, это будет лицемерием. А тебе лицемеров хватает и без меня, кажется, ты ценил мою прямоту и честность. Или...

– Ценил и ценю, – прервал меня государь. Он подошел ко мне, накрыл талию ладонями и произнес: – Признаю, что погорячился. Я больше не буду изобретать для тебя наряды, а поступлю, как все мужчины, просто приглашу портного и оплачу его работу, а фасон ты придумаешь сама. Мир?

– Мир, – согласилась я. С тех пор он более тщательно подбирал подарки, больше исходя из моих вкусов, а не навязывал свои.

А сегодня и вовсе был день его рождения, и я приготовила подарок, однако первой получила подношение. Ив кивнул мне на коробочку, предлагая открыть, и я послушно подняла крышку футляра.

– Боги, какая прелесть, – не удержалась я, глядя на гарнитур, выполненный без привычной вычурности, зачастую сопровождавшей подарки государя. – Ив, он прекрасен, – искренне произнесла я и улыбнулась, подняв взгляд на короля.

– Угодил? – спросил он, явно довольный произведенным эффектом.

– Да, – кивнула я, затем подалась к нему, обняла за шею и прижалась к губам.

Руки государя на миг сомкнулись на моем теле, а после он отстранился и встал с постели.

– Госпожа графиня, вы меня волнуете, а потому я оставляю вас, дабы не послать всё в пасть псам Аденфора. У меня еще немало дел, а ты сегодня не вздумай сбежать из дворца, – велел монарх с фальшивой строгостью.

– Сегодня я только с тобой, мой милый, – заверила я.

– И это лучший подарок, – улыбнулся Ив.

– Но не единственный, – хмыкнула я, глядя ему вслед. Он услышал, обернулся и подмигнул:

– Надеюсь на это, душа моя.

Я снова посмотрела на гарнитур, по изяществу и тонкости работы казавшийся невесомым, закрыла крышку футляра и упала обратно на подушку. Улыбка сама собой скользнула мне на губы, а после я и вовсе рассмеялась, ощущая необычайную легкость, даже что-то похожее на счастье. Не знаю, как назвать то, что я чувствовала к моему любовнику, но явно не равнодушие.

Мы жили с ним бок о бок уже три года с небольшим. Сегодня ему исполнялось тридцать четыре года, а меньше чем через месяц наступал мой двадцать первый день рождения. За это время я чувствовала к королю разное: влюбленность, разочарование, расчет, настороженность, обиду до неприятия, которое постепенно развеялось, и отношения стали уравновешенными и приятными. Особенно после того, как мы сошлись на том, что он ослабит удила и доверится моему благоразумию, которое я доказала уже тысячу раз. Потом пришла привычка, а следом появилась и теплота.

Ив был моим первым и единственным мужчиной не только в том, что касается плотской связи. Когда-то он пробудил во мне чувства, и пусть после своими руками притушил разгоравшееся пламя, но с тех пор никто другой не сумел тронуть моего сердца. Да я и не смотрела на мужчин, как на предмет интереса и вожделения. У меня уже был тот, с кем я делила не только ложе, но и жизнь. Мы были как супруги, но без клятв, принесенных в храме, и без пут брака, которые лишили бы меня даже той небольшой свободы, какая у меня оставалась.

Что я чувствовала к своему любовнику? Наверное, это чувство нельзя было назвать любовью в том смысле, какой ей обычно придавали. Но мы сроднились. Мы стали столь близки, что я воспринимала государя как часть себя. А еще появилось доверие. Он оставался мне верен все эти годы, и я видела это. Сердце монарха принадлежало мне и только мне, а я принадлежала ему целиком и полностью. Мы ссорились и мирились, весело проводили время вместе, вели беседы на серьезные темы и обсуждали то, во что женщине не полагалось совать нос. Ив доверял моим суждениям, а я искала у него совета и поддержки там, где мы с дядюшкой не могли найти решения. А еще была страсть.

О да, она была! Не сразу, но с тех пор, как я научилась чувствовать и понимать, чего желаю и что могу дать моему любовнику, интерес к этой части нашей жизни проявился и стал ярким дополнением в нашем союзе.

– Разве мне нужен кто-то, когда рядом пылает неистовый пожар? – как-то сказал Ив, пресыщенный жаркой ночью.

Вот и я не видела потребности в ком-то еще, а потому мое существование было посвящено известной вам цели и королю Камерата, а всё остальное было лишь дополнением или необходимостью вроде той же светской жизни. И сегодня было всё вместе разом: государь, светское событие и мое внимание мужчине, которого я по праву считала своим. Признаться, теперь мне было сложнее представить, что однажды придется разделить его еще и с законной женой... Но не стоит об этом, тем более и претенденток по-прежнему не было.

Нет, были, конечно. Атленг время от времени заговаривал об очередной принцессе или герцогине, была даже княжна из далекого и маленького горного княжества Монт. Ну и оставались непристроенные девицы из Мэйта. Герцогу понравилась идея со всплывшим родством, пусть и столь дальним, что от него остались лишь воспоминания в летописях. Кантору, кстати, тоже. И пусть там поводили носом, покривились, пофыркали, но брак с «сестрицей» все-таки одобрили.

А как не одобрить, если он нес всю упущенную выгоду? Впрочем, и Камерат выиграл от этого союза немало, значительно больше Мэйта. Однако отец будущей принцессы Канторийской нисколько не расстроился. Во-первых, ему подготовка свадьбы, как и само торжество,

ничего не стоила, потому что все расходы взял на себя Камерат. А во-вторых, как я уже сказала, он обрадовался перспективам, которые открыло их «родство» с Ивером.

Ну а в-третьих, у герцога осталось еще две дочери, которых пока никуда не пристроили. Младшая решила свою судьбу сама. Она влюбилась в аристократа, находившегося на борту корабля, на который напали пираты, и капитану пришлось встать на ремонт в порту Мэйта. Герцогу рассказали эту историю, и он пригласил аристократа во дворец, где его и увидела младшая герцогиня. Рассказы заезжего дворянина были красочны, ореол романтического героя пылал так ярко, что девица не устояла.

Об интрижке быстро узнали, и Его Высочество решил вопрос самым выгодным для себя образом – поженить повесу и дочь, а после, утерев скупую отеческую слезу, отправил молодоженов с глаз долой, вручив им сильно урезанное приданое. После вздохнул, потер руки и вспомнил, что еще два чада томятся в отчем доме без женихов. И вот тогда...

– Держи, – Ив сунул мне в руки распечатанное письмо, – твоя выдумка, тебе с ней и разбираться.

Удивленно приподняв брови, я развернула послание и не удержалась от смешка, за что и удостоилась мрачного королевского взгляда. «Дорогой мой кузен...», – так начиналось письмо от Его Высочества. Дальше он рассыпал комплименты и любезности столь щедро, что у меня заломило зубы. Но в общем, если убрать всё словоблудие, оставалась одно – новая попытка всучить дочь и намеки на следующие щедроты от Камерата (как брат брату, разумеется).

– И что ты теперь скажешь, счастье мое? – сурово спросил монарх.

– У Ришема есть младший брат. Да и в Аритане найдется кому всучить юную герцогиню Мэйтскую, – задумчиво произнесла я. – Почему нет? Ришем твой родственник, и брак с его братом не станет для «кузена» оскорблением.

– Он не достиг брачного возраста, – ответил Ив.

– В будущем году достигнет, – пожалала я плечами. – Пока идут переговоры, пока готовится свадьба... Сейчас помолвку, а свадьбу сразу после его дня рождения. Твой зять не откажется, для него это возможность наладить с тобой отношения.

– Остается последняя герцогиня, – напомнил король.

– Аритан, – напоминала я в ответ.

– Хм... – Ив прошелся по кабинету, куда вызвал меня. Он в задумчивости потер подбородок и вдруг широко ухмыльнулся: – Отлично! «Кузен» должен на меня молиться. А так как я устраиваю судьбу его дочерей, то мой долг родственника выполнен. Но эти свадьбы я оплачивать не собираюсь.

– Это забота отца, – усмехнулась я. – Ты и так был щедр.

– Именно! – король поднял вверх указательный палец. – Я столько уже сделал для вновь обретенной родни, что им в пору целовать мне руки. Да я просто сокровище!

– Иногда поблескиваешь, да, – хмыкнула я и была одарена возмущенным взглядом.

Так что государь упорно пренебрегал всякими брачными устремлениями соседей. Атленг грустил, в очередной раз прощаясь с вознаграждением своего «патриотизма».

– А вы ведь обещали, – время от времени укорял меня министр.

– Не могу же я насильно затолкать государя в храм, – отвечала я с не меньшим укором. – Я доношу до него предложения, о которых вы мне говорите, но что я еще могу сделать? Устроить скандал? Разрыдаться? Биться в истерике? Пригрозить самоубийством? Согласитесь, это выглядело бы странно. И к чему жалобы? Мне казалось, мы с вами и без того недурно поладили.

– Ну... спорить было бы дурно с моей стороны, – скромно соглашался Атленг.

Но пока оставим наши деловые отношения с министром иностранных дел, и вернемся к сегодняшнему дню. Он обещал быть насыщенным. День рождения государя отмечал весь

Камерат. А про столицу и говорить не приходилось. Люди ждали этот день с радостным предвкушением и воодушевлением. Наряжались и готовились веселиться до самой ночи и часть ее.

Всё должно было начаться выездом короля, чтобы подданные могли лично поздравить его. После он должен был принимать поздравления во дворце, но уже от придворных, послов, сановников и гостей, которые были приглашены на празднество. Кстати, в этом году ожидали и чету герцогов Ришемских. Для их появления был особый повод, который приурочили к сегодняшнему торжеству – представление новорожденного племянника Его Величеству.

Как бы ни складывались взаимоотношения супругов, но ребенок Нибо был нужен, и он у него появился. Супругов рождение первенца не сблизило, но для Камерата это было важным событием. За неимением иных родственников мужского пола и собственного сына у короля, на данный момент младший герцог Ришем становился не только наследником отцовского герцогства, но и королевства. И потому появление младенца ожидали с воодушевлением и чествовать собирались еще на улицах столицы.

– Это временно, – сказал мне Ив, прочитав послание из Ришема. – Но хорошо, что уже есть хотя бы этот ребенок.

– Кто мешает тебе обзавестись своим? – спросила я.

– К сожалению, даже признанный ребенок, рожденный вне брака, не может считаться законным наследником, – ответил король. – А потому пока будем довольствоваться племянником. Я сейчас даже склонен считать глупость Селии полезной. Выдай я ее замуж за канторийца, и даже такого наследника у меня бы не было. Но Ришем – камератец, а это многое меняет. А сам я еще не готов жениться. Потом.

– Иногда ты меня поражаешь, – покачала я головой, но если честно, выдохнула с облегчением.

Так вот, сегодня мы ожидали появление Ришемов с наследником Камерата на руках, а после этого наступал черед празднества, полного магии в прямом и переносном смысле. Однако сначала было выезд, и мне нужно было спешно готовиться к нему. Рядом с монархом я быть не могла, даже королева сопровождала супруга, сидя в карете, которая ехала за торжественным караулом, окружавшим государя, а уж фаворитка тем более. Мое место было среди придворных, которые тащились в хвосте процессии.

Бросив последний взгляд на новые украшения, я откинула одеяло и встала с кровати. После позвонила в колокольчик, призывая Тальму, и направилась в умывальню.

– Ох, госпожа, ну и суета же вокруг, – поделилась со мной служанка.

– Как и каждый год в этот день, – улыбнулась я.

– Это верно, – кивнула она. – Но и наследника же везут. Заждались уж его все. Не король, так хоть его сестрица, только... – она осеклась, но бросила на дверь вороватый взгляд и зашептала: – Что-то опасно мне, ваше сиятельство. Сейчас государь объявит младшего Ришема наследником, а родня-то у Его Величества поганая, простите Боги, – служанка шлепнула себя по губам, но устремила на меня вопросительный взгляд.

Я поняла, о чем она толкует. Признаться, и меня терзали подозрения, пока я не высказала их монарху.

– Ив, разумно ли это? – спросила я. – Если с тобой что-то случится, то трон достанется твоему племяннику, а регентом при нем будет его отец. Ришем умеет видеть выгоду и стремиться к ней...

– Клятва, лучик, – остановил меня государь. – Клятва верности, приправленная магией, не позволит моему зятю даже задумать дурное.

– Даже магическую клятву можно обойти...

– Не-а, – жизнерадостно осклабился Ивер. – Наш дорогой магистр на славу потрудился над моей защитой. К тому же я и сам в состоянии о себе позаботиться. Я лишил Ришема даже возможности подумать об измене. Он не сможет править от имени сына, имя регента я указал в

своем завещании, и оно станет известно только после оглашения, чтобы не искушать еще кого-либо. А вот то, что родители моего племянника лишены права вмешиваться в его воспитание и правление Камератом в случае моей преждевременной смерти, будет оглашено сразу же. Но, – он ласково мне улыбнулся, – мне приятно, что ты за меня волнуешься.

Это меня несколько успокоило, а потому я потрепала Тальму по плечу и заверила:

– Не переживай, они не смогут даже помыслить о подлости, государь об этом позаботился.

– Хвала богам, – ответила женщина, прижав ладонь к груди.

Вскоре, быстро перекусив, я уже была одета и готова к выходу. Государь, где-то пропа-давший всё это время, вернулся. Он был одет в мундир, на голове красовался венец, и я, как обычно, когда видела его в этом облачении, залюбовалась королем.

– Душа моя, не смотри на меня так, – усмехнулся Ив. – Если ты не перестанешь ошущивать меня взглядом, опасаясь, шествие задержится на некоторое время, а огорчать своих подданных я не могу.

Он протянул руку, и я подошла, но не вложила пальцев в раскрытую навстречу ладонь. Вместо этого, накрыв его грудь ладонями, ощутила шероховатость золотого шитья на мундире и, прикусив губу, скользнула взглядом по лицу любовника.

– Обожаю, когда ты надеваешь мундир, – проворковала я. – И корону. Ты становишься такой... заманчивой, – закончила я с искушающей улыбкой. После прижалась к его губам, но быстро отстранилась и устремилась к двери. – Идемте, государь.

– Мерзавка! – возмущенно воскликнул мне вслед Ив. – И как мне теперь сесть на коня?

Обернувшись, я полюбопытствовала:

– Шпага мешает? – и, широко ухмыльнувшись, поспешила покинуть покои.

Уже за дверьми я самодовольно хмыкнула и... охнула, когда меня втянули обратно в покои. Встретившись с хищным взглядом короля, я напомнила:

– Выезд.

– Сегодня я подданных огорчу, – ответил Ив и рывком притянул меня к себе...

По лестницам мы едва ли не бежали. Король крепко держал меня за руку. Я поглядывала на него, пряча лукавую улыбку, Его Величество хранил на лице непроницаемое выражение, лишь почти в конце пути все-таки хмыкнул и, рывком притянув меня к себе, шепнул:

– Обожаю тебя.

– А я тебя, – ответила я после быстрого поцелуя.

Уже когда мы готовы были выйти в парадные двери, позади послышался призыв одного из гвардейцев, оставшихся на страже покоев. Он нагнал нас и склонил голову:

– Корона, Ваше Величество, вы оставили венец в покоях.

– Проклятье, – выругался Ив, схватил корону и натянул ее на голову. После выдохнул, одернул мундир и подставил мне локоть.

Выходили мы уже степенно, с непроницаемыми лицами. Государь проводил меня до открытой коляски, где мне предстояло ехать, после, поцеловав руку, ожег пронзительным взглядом и направился к пажам, державшим его мантию. Ее накинули на плечи монарха, закрепили, а после, когда он утвердился в седле, расправили по крупу Бурана.

– Отчего задержка? – шепотом спросила меня Айлид.

– Было спешное дело, пришлось прежде его закончить, – прошептала я в ответ.

– Государство – прежде всего, – с пониманием кивнула моя подруга, я согласно улыбнулась.

Я удобней устроилась на сиденье и запахнула полы плаща – погода хоть и радовала, но настоящее тепло придет все-таки ближе к моему дню рождения. А пока хоть солнце и пригревало, и свежая зелень радовала глаз, но подхватить насморк из-за прохладного ветерка вовсе не хотелось, пусть в друзьях у меня и был верховный маг.

Государь поднял руку, дав знак к выезду, и первым тронулся с места. Мой кучер не спешил. Нам предстояло ждать, когда отъедут гвардейцы, затем приближенные короля и важные сановники и только после вереницей потянутся кареты придворных. Моя была третьей после более родовитых дворян. Даже мой любимый Тибад не ставил меня на первое место после свиты монарха, и я нисколько этому не огорчалась. Мне было уютно в тени, если можно, конечно, назвать мое положение «в тени».

Наконец, кучер причмокнул, и четверка гнедых, запряженных в мою коляску, где восседала и графиня Энкетт, тронулась с места, а вместе с нами и конные всадники, среди которых находился мой братец – барон Томмил Фристен-Доло. С недавних пор он служил в столице и был вхож во дворец. Все-таки дружба с министром иностранных дел весьма полезна. Атленг вернул его милость в Камерат по моему настоянию. Государь возражать не стал, представитель этой ветви Доло показал себя весьма недурно в посольстве.

Мы с Томмилом, приглядевшись друг к другу, поладили. Мой родственник был немногим старше меня и весьма недурен собой, что отметил Его Величество и выказал желание, чтобы мы не встречались слишком часто и общались при свидетелях. А вскоре и вовсе лично подобрал барону невесту из высокородной семьи с хорошим приданым. И когда Том согласился на помолвку, монарх успокоился, однако прежних требований не отменил. Пожав плечами, я согласилась. В брате я видела брата, да и его милость не воспылал ко мне теми чувствами, о которых думал наш венценосный ревнивец.

Зато его милость быстро и легко сошелся с моим другом – бароном Гардом, а Дренг взял молодого человека под свое покровительство. С этого момента я начала пристально наблюдать за родственником, но быстро успокоилась – гулякой и повесой мой братец не был, а значит, мы с дядюшкой не ошиблись в выборе. Более того, мне нравились суждения Томмила, и если бы не король, мы бы встречались чаще, а так приходилось довольствоваться быстротечными минутами, чтобы обменяться любезностями и перекинуться парой слов.

Но если мы встречались в доме главы рода, то здесь уже можно было вести полноценную беседу, от которой я неизменно получала удовольствие. Да и дядюшка принимал в нашем разговоре живейшее участие. Мы не вели пустой болтовни о погоде, не было сплетен, зато можно было высказаться по важным для меня вопросам. Да и не только. Обсуждению политической ситуации в нашем тесном кругу мое женское начало нисколько не мешало. Мужчины слушали меня с интересом, без скрытой иронии, сарказма или добродушной насмешки. Мы говорили на равных.

Графиня Доло в такие моменты предпочитала сослаться на какое-либо дело и оставить нас одних, потому что принять полноценное участие в споре или же в обсуждениях не могла. Да и по-прежнему считала такие беседы недопустимыми для женщин. Дамам принято было говорить о платьях и духах, пока их мужчины заняты более важными рассуждениями. Но ведь на то они и мужчины! И тетушка непременно оставалась бы с нами, но выходило, что у нее собеседника не было, а сидеть и слушать скучные для нее темы ее сиятельству не нравилось. Потому никто ее не неволил и не призывал остаться рядом.

Вот если в доме присутствовали сыновья графа Доло с женами, то дело принимало иной оборот. И пока сыновья занимали места рядом с нами для участия в разговоре, который часто касался нашего общего дела, то невестки оставались свекрови, и тетушка могла наслаждаться своими гостями. Впрочем, была графиня подле нас или нет, для меня это мало что меняло. Я давно привыкла не обращать на нее внимания. И пусть ее сиятельство уже перестала глядеть на меня с укором, наконец свыкнувшись с моими «чуждечествами», но принять моей точки зрения так и не смогла. Меня это волновало мало, главное, что мой род был со мной и поддерживал мои идеи.

– Доброго дня, сестрица.

Я подняла взгляд на барона Фристена и тепло ему улыбнулась.

– Доброго дня, братец, – приветствовала я его. – Рада, что вы присоединились к процессии.

– Я сопровождаю мою невесту, – ответил Томмил, – но не мог не поздороваться с вами, ваше сиятельство. Вы обворожительны, впрочем, как и всегда.

– Благодарю, ваша милость, – улыбнулась я родственнику.

– Ваше сиятельство, – барон склонил голову, здороваясь с моей подругой: – Прошу простить за некоторую неучтивость. Доброго вам дня, и позвольте выразить свое восхищение.

– О, – Айлид махнула ручкой и зарумянилась от удовольствия. – Пустое, ваша милость. Благодарю.

– Сестрица, – он снова склонил голову и отстал от коляски, чтобы присоединиться к своей невесте и ее семейству.

– До чего же он... приятный, – шепнула мне ее сиятельство. – И взгляд... ох. Если бы я уже не любила своего супруга, то, наверное, не устояла бы перед вашим родственником. – Она негромко и смущенно рассмеялась. Я улыбнулась и пожала руку графине.

О да, Томмил произвел впечатление на придворных дам, когда впервые появился на балу во дворце. Во-первых, новое лицо, а во-вторых, весьма привлекательное. Барон был светло-волос, как и большинство Фристенов, но глаза имел черные, как безлунная ночь. Взгляд был пронзительным, и казалось, что его глаза – это угли, в сердцевине которых еще тлело пламя. Подуй, и оно снова вспыхнет. А если добавить к благородным, по-аристократически утонченным чертам его стать, осанку и прекрасное телосложение, то легко понять, отчего дамы сразу же заинтересовались моим родственником. Он вел себя безукоризненно, был галантен и вежлив, говорил негромко, и тембр голоса Томмила оказался бархатистым и глубоким. И всё это и послужило затаенной ревности монарха.

Нет, Ив принял его милость дружелюбно. Был с ним любезен, уделил внимание и даже приблизил. А как иначе? Это ведь был мой родственник. Но когда мы остались наедине, изрек:

– Он слишком хорош, ты не должна оставаться с ним наедине.

– Это же мой брат, – заметила я с укоризной.

– Даже не двоюродный, – отмахнулся государь. – Вы, конечно, одного рода, но родство ваше не столь близкое, чтобы я остался равнодушен к появлению Томмила Фристана.

Но об этом я уже говорила, а потому вернемся к торжественному выезду. Итак, мы выбрались на городские улицы и неспешно тронулись по ним длинной вереницей. И когда государь достиг храма Сотворения, хвост процессии еще даже не приблизился к дворцовым воротам. Я была ближе к королю, потому слышала крики ликования камератцев, когда Его Величество проезжал мимо них. И цветы, которые были скуплены по всем оранжереям, еще не успели превратиться в бесформенное нечто под колесами экипажей и копытами лошадей.

– Ох, сколько же народа, – заметила Айлид, обводя взглядом улицы. – Мне кажется, в этом году их даже больше, чем было прежде. Смотрите, Шанриз, они даже на крышах.

– Вскоре по улицам провезут наследника, – ответила я. – Люди хотят видеть своего возможного будущего короля.

– О, это временная мера, – фыркнула ее сиятельство. – Государь не станет довольствоваться чужим дитя слишком долго. Он молод, полон сил и способен произвести собственного наследника. Уж я-то знаю, что способен, – весело повторила в полголоса графиня Энкетт, и я повернула к ней голову. – Ох, – она вдруг прикрыла рот кончиками пальцев и стремительно покраснела. – Вот я несносная болтушка... Забудьте о моих словах, дорогая.

– Нет, – вежливо улыбнулась я. – Мне казалось, что о нем я уже знаю всё возможное и невозможное, но ваши слова для меня откровение. И раз вы уже проговорились, то закончите начатое. Итак, у государя есть дети?

– Ох, – повторила Айлид, после склонилась к моему уху и приглушенно заговорила: – Не выдавайте меня, дорогая. Кто я, чтобы говорить о том, о чем молчит сам король.

– Ваше сиятельство, когда я дала повод обвинять меня в болтливости? – спросила я укоризненно. – Говорите смело. Если ребенку больше трех лет, то я спокойно переживу это известие.

– Гораздо больше! – воскликнула графиня и вновь прикрыла рот пальцами. Затем опять склонилась к моему уху и зашептала: – У Его Величества есть три внебрачных ребенка: две дочери и сын. Он не признал ни одного из детей, но позаботился об их будущем. Они были рождены задолго до вашего появления во дворце. Первая девочка и вовсе от горничной. Государь в ту пору был еще наследным принцем. Покойный король выдал девушку замуж, дал за нее хорошее приданое и велел покинуть столицу. Я не могу сказать, где теперь та горничная и ее дочь, они с мужем исполнили повеление.

Второй тоже была девочка, она родилась у фаворитки государя, когда он уже взошел на престол, но еще не женился на своей покойной супруге. Та дама была замужем, ее муж признал королевское дитя как свое. Баронесса не была официальной фавориткой, и их связь оставалась тайной. К тому же барон так же черноволос, как и государь, потому подвоха не заподозрил.

Ну а третьим был сын. Его родила бывшая фрейлина государыни, уже после ее кончины. Эта фрейлина была его официальной фавориткой еще при жизни королевы. Когда Ее Величество скончалась в родах, любовница короля как раз была беременна. Она родила мальчика. Государь не признал и его, хоть и был рад рождению этого ребенка. Он после этого даже разорвал отношения с его матерью и выпроводил из дворца. Впрочем, благополучие своей бывшей любовнице он обеспечил. Конечно же, выдал замуж, пожаловал ее супругу новый титул и земли, а мальчику назначил неофициальное содержание. Так что даже если супруг бывшей фаворитки разорится, с голоду их семейство не умрет. Ее светлость говорила, что сына государь примет во дворце, когда тот достигнет совершеннолетия. Ему будет предоставлена должность, но о том, кто его настоящий отец, юноша никогда не узнает. Что до дочерей, то одна из них простого сословия, хоть и с королевской кровью, а вторая приходится законной дочерью другому мужчине, и это уже его забота выдать ее замуж и дать хорошее приданое. Ну а после рождения третьего ребенка государь более не допускает появления бастардов. И всё это я узнала в пору службы у герцогини, – закончила Айлид.

– Не волнуйтесь, дорогая, я никогда и ни с кем не заговорю о том, что вы мне поведали, – заверила я подругу.

– Я ведь не причинила вам боли? – встревоженно спросила графиня.

– Вовсе нет, – искренне ответила я. – Он был зрелым мужчиной уже тогда, когда я еще носила платья выше щиколотки, потому вследствие многочисленных связей всегда допускала и удивлялась, отчего государь не обзавелся хотя бы одним внебрачным ребенком, хотя бы в доказательство собственной состоятельности. Так что страдать по этому поводу не собираюсь. Тем более его старшая дочь уже может быть замужем, а потому наш дорогой монарх уже мог стать дедом или скоро им станет.

Мы обменялись с Айлид ошеломленными взглядами после моих слов и прыснули, спешно прикрывшись веерами. А ведь и верно, если его старшая дочь родилась, когда Иву было лет пятнадцать, то сейчас ей девятнадцать, а значит, она и вправду могла родить внука своему венценосному отцу и вновь быть беременной. Ивер Стренхетт – дед! Мне пришлось себя ущипнуть, чтобы хоть как-то сдержать рвущийся наружу смех.

Меня и вправду не задело известие о наличии детей у моего любовника. С чего бы? Это всё было давно, а потому совершенно меня не касалось. И я даже понимала, почему он и его окружение молчали о бастардах. Они не были признаны, и король не принимал в их жизни никакого участия, разве что мальчику после посчастливится получить место при своем отце, но почитать его он будет сюзереном и не больше.

А дядюшка не говорил о королевских отпрысках, потому что мне эти знания были ни к чему. Что до наших отношений, то не только Ив не заговаривал о детях, но и я не стремилась

их иметь. Не сейчас и не вот так – от любовника. Мне только исполнится двадцать один год, и у меня еще немало времени, которое я могу позволить себе тратить не на семейство, а на важное для меня дело, иначе я бы вышла замуж и не начинала всего этого. А потому магистр Элькос сделал нашу связь с государем безопасной с обеих сторон. Мы могли наслаждаться друг другом и не думать о последствиях.

– Вам и вправду безразлично? – спросила меня немного удивленная Айлид. – Мне кажется, узнай я о том, что у его сиятельства есть внебрачные дети, у меня бы случился удар.

– Дорогая, – я ответила ей укоризненным взглядом, – вы с супругом почти ровесники. Разумеется, вас бы хватил удар. Если бы у графа Энкетта были незаконнорожденные дети, то вышло бы, что он прижил их в браке с вами. Наша же разница с государем – тринадцать лет. Ну как меня может удручать то, что он делал, когда я была еще малым дитя? Оставьте, всё это пустое и не имеет никакого значения.

– Хвала богам, – улыбнулась Айлид и вновь сжала мою руку.

Тем временем процессия покинула кварталы, где проживала знать и выехала на торговые улицы. Они были заполнены, кажется, даже больше, чем те, что мы проехали прежде. Люди оседлали даже фонари, не то что крыши. Королю бросали цветы и выкрикивали добрые пожелания. Он отвечал своим подданным легким поклоном и улыбкой, благодаря их. Никогда монарх Камерата не бывал так близок со своим народом, как в день своего рождения.

Свита была просто сопровождением, и не больше. От нас не требовалось ровным счетом ничего, кроме как следовать за государем, иметь приветливые лица, и не больше. Народ смотрел на короля и только на короля. И тем удивительней было неожиданно услышать:

– Ваше сиятельство! Госпожа графиня Тибад! Пусть хранят вас боги!

Этот звонкий голос отчетливо выделился из толпы. Я порывисто обернулась, отыскивая ту, что прокричала мне благословение, и увидела женщину простого сословия, уже немолодую, но крепкую, с первой сединой в волосах. Я учтиво склонила голову, а после улыбнулась, благодаря незнакомку.

– Где? Где ее сиятельство? – послышался еще один голос, тоже женский.

Обладательницу второго голоса я не нашла, но букет, неожиданно прилетевший в коляску, поймала и подняла руку, чтобы показать, что приняла знак внимания.

– Да благословят вас боги, ваше сиятельство! – выкрикнул второй голос.

– Каков скандал, – шепнула мне Айлид. – Государь наверняка будет недоволен, если ему донесут. Хорошо, что он впереди и не слышит.

Я улыбнулась и спрятала лицо в цветах – мне было безумно приятно! Значит, кому-то мои деяния уже помогли, выходит, простой народ видит в них прок. А значит, всё не зря. Не зря! И пусть еще сделано так мало, но я добьюсь большего для них, для этих женщин, которые призывали для меня милость Богов.

– Восхитительно, – наконец произнесла я и легко рассмеялась.

И, умиротворенно вздохнув, я откинулась на спинку сиденья. Теперь от торжественного выезда я получала искреннее удовольствие. Всего два выкрика, но я была по-настоящему счастлива.

Глава 6

Дворец гудел в предвкушении скорого начала праздника. Народ до сих пор толпился на улицах, ожидая, когда провезут младенца, и Ришемы уже въехали в город. Но так как он был лишь предполагаемым наследником в отсутствии собственного сына у монарха, то не было и торжественной встречи на глазах горожан. Его Высочество должны были принести к подножию трону, и никак иначе.

Да, сейчас сын Нибо и Селии превосходил их по знатности и положению. Вот такой вот забавный пассаж. Сын герцога уже почти являлся принцем, и отцу было впору кланяться своему чаду и воздавать почести. Впрочем, как только государь женится и произведет на свет свое дитя, Высочество вновь превратится в светлость, тем самым утерев все права на трон, особенно если у короля будет более одного сына. А пока мы ждали наследника престола и его родителей.

Я вернулась в покои, чтобы переодеться к приему и последующему балу. Иву переодеться было не надо, его наряд на сегодня не менялся. Однако он тоже был здесь и глядел на то, как ловкие пальцы Тальмы поправляют мою прическу и немного меняют ее. Я бросила взгляд на короля через зеркальное отражение. Монарх показался мне рассеянным, взор его хоть и был направлен на нас со служанкой, но уходил куда-то в пространство.

– Тебя что-то расстроило? – спросила я.

Государь встряхнулся. Он поймал мой взгляд через отражение и улыбнулся.

– Нет, – ответил Ив. – Всё идет чудесно. Мне рассказали, что тебя сегодня восхваляли.

– Тебя это задело? – спросила я с любопытством. – Рассердило, расстроило?

– Ничуть, – с легкой усмешкой ответил король. – Мне это пришлось по душе.

– Правда? – я была удивлена.

Нет, я не думала, что монарх обидится на то, что в его праздник и мне досталась капелька народного обожания. И все-таки это было неучтиво и неправильно, если исходить из этикета, а Ив умел становиться занудой, когда дело касалось порядка. Он и сам не был строгим поборником этикета, но он – король, однако от других требовал неукоснительного соблюдения правил. И вот поэтому я ожидала хоть что-то, сказанное едко, однако ошиблась. Государь казался искренним.

– Правда, – он поднялся на ноги, приблизился ко мне и дал знак Тальме удалиться. После присел, обнял меня со спины и уместил голову на плече. – Мне нравится, что ты популярна в народе. Может, пока только единицы заметили то, что ты для них делаешь, но призывать милость богов на кого-то в день рождения короля – это уже что-то да значит. Да, мне это определенно пришлось по вкусу.

– Почему? – любопытствовала я.

– Быть может, потому что народ разделяет вкусы своего сюзерена? – хмыкнул государь, а я ответила пытливым взглядом. Однако не стала требовать пояснений, это было всё равно лишено всякого смысла. Раз уж не ответил сразу, то будет изворачиваться и дальше.

– Тогда отчего эта рассеянность? – спросила я об ином. – Что тебя тревожит?

Вместо ответа король поцеловал меня в шею и распрямылся.

– Ты готова, душа моя? – спросил он, теперь рассматривая ожерелье на моей шее, то самое, которое подарил мне утром. – Ты вновь права, – неожиданно произнес Ив, – тебе и вправду нужны вот такие вот изящные невесомые вещицы. Отныне я не стану увешивать тебя тяжелыми вычурными побрякушками. Невероятно мило смотрится.

Я поднялась на ноги и развернулась к нему. Накрыв плечи короля ладонями, я заглянула ему в глаза:

– Что с тобой, мой дорогой хищник?

– Ничего такого, что могло бы вызвать беспокойство, – государь взял меня за руку, поднес ее к своим губам и улыбнулся: – Обо всем этом говорить еще рано. Придет время, и я поделюсь с тобой своими соображениями. Но ты должна знать, что они совершенно безобидны. Так ты готова?

Отступив от монарха, я неспешно обернулась вокруг своей оси и приподняла руки:

– Что скажешь?

– Прекрасна, – рассмеялся Ив, и я ответила:

– Тогда я готова.

Я воспользовалась предложенной рукой, и мы покинули покои. Наш путь лежал в тронную залу. Теперь я входила туда вместе со свитой государя, а не ожидала его появления внутри вместе со всеми придворными. И когда мы спустились, приближенные уже ожидали своего монарха. Здесь же стояли и пажи с мантией, от которой он избавится, как только торжественная часть приема будет окончена. И когда все атрибуты власти были на короле и у короля, он кивнул распорядителю, в почтении застывшему в стороне.

– Вы очаровательны, – шепнул мне Дренг, подле которого я стояла. Он подал мне руку, и я, накрыв предложенный локоть пальцами, улыбнулась:

– А вы всегда хороши, ваше сиятельство.

– Этого у меня не отнять, – не стал со мной спорить болтун.

– Кто ж станет отнимать то, чего нет? – усмехнулся магистр Элькос.

– Ну, разумеется, – едко ответил его сиятельство. – Куда же без вас, сварливый старикан.

В этот момент заиграли музыканты, и государь вошел в тронную залу. Разговоры прекратились, и свита последовала за своим сюзереном. Придворные поклонами встречали короля, он ударил посохом власти об пол, ответив им, и направился к трону под бравурную музыку, заполнившую залу. Мы с Дренгом и магистром – моими вечными спутниками в минуты, когда Ив не мог сопровождать меня, встали на отведенные нам места.

Монарх поднялся на возвышение, сел на трон, и музыканты, закончив «Слава королю», заиграли гимн Камерата. Хор, стоявший на балконе, влился в мелодию. И когда последние ноты растворились в воздухе, теперь уже и мы вместе с остальными склонились перед величием нашего государя. И вновь он ударил посохом об пол.

– Приветствую вас, дети мои, – негромко произнес король, но звук его голоса долетел до каждого уголка залы.

– Пусть хранят боги Камерат и его государя! – дружно гаркнули мужчины.

– Слава королю! – подхватили женщины.

– Да пребудет с нами благодать Вседержителя и прочих богов, – закончил традиционное приветствие Ивер, полагавшееся на такие приемы, а день рождение монарха приравнивалось к важным государственным событиям, что само собой разумеется. Потому и одяние его было полноценным, и все атрибуты власти находились не в хранилище, а при нем.

Далее должны были последовать поздравления. Первыми, конечно же, выступали послы чужих государств. Они передавали добрые пожелания от своих правителей, далее представители рода Стренхетт из младших ветвей, некоторые из них были столь дальнего родства, что его можно было проследить лишь на родовом древе, но тем не менее капля королевской крови ставила их выше тех, кто еще ждал своей очереди.

И каждый из мужчин этих семей мог быть оглашен наследником в равной степени, как и сын герцога Ришема. По сути, только выбор короля в отсутствии собственного сына возвышал любого из них. Ребенок Нибо и Селии нисколько не превосходил их шансов, и выбор падал на него лишь потому, что герцогиня Ришемская приходилась родной сестрой государя.

Однако если подходить к вопросу со всем тщанием, то можно было уверенно рассуждать, что кроме решения государя у младшего герцога Ришема прав на корону не было... не больше, чем у прочих осколков правящего рода. Во-первых, он был не Стренхетт, а Ришем, и этого не

оспорить, потому что родство ведется от отца, а не от матери. Селия же являлась женщиной, а потому закон Камерата не допускал ее правления. Соответственно то, что она сестра короля, не играло никакой роли.

Ив просто использовал лазейку в законе, чтобы дать королевству временного наследника, которого все ждали уже долгие годы. Это было необходимо, чтобы королевство в случае внезапной смерти государя не погрязло в гражданской войне, когда свора дальних родственников кинутся делить трон. Да и не только они. Потомки прежних династий были живы и поныне, а потому без законно признанного наследника мог начаться хаос. И поэтому монарх воспользовался лазейкой в законе, дававшей ему право выбирать преемника по близкородственным узам и уроженца Камерата. Только это возвысило отпрыска Ришемов над остальными кандидатами.

Впрочем, этот малыш не был первым. Государь говорил, что время от времени переписывает завещание, меняя имена преемников. Они не объявлялись, только указывались в посмертной воле. Родственники короля знали, что в отсутствии законного наследника может быть назван один из них, но никто точно не знал, кто именно. А вот теперь был первый случай официального оглашения. И то на время, пока король наконец не примет решение о женитьбе.

– Ив, тебе ведь и вправду придется однажды жениться, – как-то сказала я ему. – Королева тебе необходима, чтобы родить тебе дитя.

– Еще несколько лет, и у меня будет королева, – заверил меня монарх. – Пока я не хочу ничего менять. – Так что результатом его промедления стало нынешнее событие, но это всё вы уже знаете, а потому продолжим.

Поздравления продолжались. После родственников к трону начали выходить сановники. Затем наконец настала очередь приближенных.

– Хотите, выйдем вместе? – чуть склонившись ко мне, шепнул Олив.

– Имейте совесть, ваше сиятельство, – ответила я. – У вас для игр весь год, пусть сегодня день пройдет в королевском благодушии. Я пойду с магистром.

– Я с вами не разговариваю, – фыркнул Дренг.

– Надеюсь, со мной тоже? – полюбопытствовал Элькос.

– С вами я всегда не разговариваю, – ответил магу граф: – Но когда это мешало вам разговаривать со мной?

– Не припомню причин для молчания, – ответил магистр. – Прошу, девочка моя.

Он подал мне руку, скользнул по Дренгу высокомерным взглядом, явно поддразнивая, и мы направились к трону. Я подняла взор на государя и не сумела сдержать улыбки. Он смотрел на меня, и во взгляде плескалась теплота. Магистр, словно в танцевальном па, заложил левую руку за спину, а правой направил меня вперед и сделал шаг назад, склонившись в поклоне.

Покорная движению мага, я шагнула вперед и присела в глубоком реверансе. Наверное, со стороны должно было смотреться изящно и красиво. Элькос позволил себе отойти от этикета. Кавалер, сопровождавший даму, не пропускал ее вперед. Они подходили вместе, приветствовали, произносили заготовленные слова и уходили. Но на то он и маг, чтобы творить волшебство даже там, где царят сухие формулы и правила.

Выпрямившись, я подняла взгляд на короля, но отчего-то всякие традиционные слова показались мне будто неживыми, лишёнными души, а мне хотелось сказать много больше и не так. Не здесь и не при всех этих людях, не имевших отношения к тому, что я чувствую.

– Отчего же вы молчите, ваше сиятельство? – спросил король мягко. – Или же не находите слов?

– Слов было сказано достаточно до меня и будет сказано после меня. Что же мне еще добавить?

– Наверное, то, что говорит вам ваше сердце?

– Почему вы спрашиваете меня о его словах? – спросила я удивленно, и в зале, кажется, перестали даже дышать. Придворные жадно вслушивались в наш разговор.

– Кого же мне спрашивать? – удивился в ответ государь.

– Сердце, к вам оно ближе, чем ко мне, Ваше Величество. Вы держите его в руках, так отчего же не слышите того, что оно говорит вам?

– Вы ошиблись, Шанриз, мои руки пусты, – произнес король. – Вашего сердца в них нет. Разве же можно доверять рукам? Я спрятал ваше сердце туда, где его невозможно потерять. Оно здесь, – он приложил ладонь к груди. – Поэтому я не слышу его голос сквозь плоть, но его жар всегда со мной.

– Что же мне еще вам пожелать? – спросила я с улыбкой. – Разве что помолиться за вас моему Покровителю.

– Это лучшее, что вы можете сделать. Вы любимица Хэлла, и ваши молитвы он неизменно слышит. Так пожелайте же мне удачи, Шанриз.

– Удача с вами, Ваше Величество.

Ив вновь приложил ладонь к груди, я повторила его жест, склонила голову и отступила назад, уступив место магистру. Речь мага была похожа на отеческое напутствие. Монарх принял его пожелания благосклонно. Отступив от изножья трона, Элькос протянул ко мне руку, я вложила в его ладонь свои пальцы, и маг, решивший быть оригинальным до конца, пропустил меня под рукой в очередном танцевальном па, а в окончании его сам уместил мою ладонь на сгибе своего локтя, и мы направились на свои места.

– Актеришка, – фыркнул ему Дренг и направился поздравлять короля.

– Попробуйте переплюнуть, мой завистливый друг, – хмыкнул ему в спину маг.

– Зачем вы его подначиваете? – с укоризной спросила я. – Он ведь так и на голову встанет. Дренг не может не принять вызов, тем более от вас.

– Посмотрим, – широко улыбнулся Элькос, и мы устремили взоры на графа.

Его сиятельство пока не сделал ничего такого, что могло бы выделить его. Он приблизился к изножью трона, склонился перед государем. Мы с магистром продолжали ждать. Дренг распрямился, расправил плечи, после прижал правую руку к сердцу, левую простер к королю и заговорил:

Весна – рождение надежд.
Сияет юною красою,
В покрове призрачных одежд
Она пленяет взор собою.

Ее дыханье – это жизнь.
И звонкий смех душе отрада.
С ней веселиться не стыдись
За зимнюю тоску в награду.

Как предки наши говорили:
Кто в эту пору появился,
Их боги щедро одарили,
И путь их солнцем озарился.

Дитя весны наш господин
Любим богами и народом.
Ты – наш отец и властелин —
Во славу царствуй год за годом.

Что пожелать еще могу?

Удача вам обещана графиней.
Я ж верность в сердце сберегу,
Как было прежде и поныне.

Ив, изломив бровь, негромко поаплодировал поэту. Придворные, включая нас с магом, поддержали Его Величество.

– Вот шельмец, – фыркнул магистр, постукивая кончиками пальцев по раскрытой ладони. – Извернулся.

– Быть может, заранее сочинил? – задумчиво спросила я.

– Этот мерзавец способен на ходу сплетать слова в рифмы, – усмехнулся Элькос. – Даже вас припомнил.

Дренг тем временем грациозно поклонился и направился на свое место.

– Вы поглядите, Шанни, как сияет сей поэт, – глядя на торжествующий оскал графа, сказал мне магистр. – Сэкономлю-ка я на магическом свете, граф в одиночку способен осветить весь дворец.

– Эк вас корежит, господин маг, – невозмутимо произнес его сиятельство, встав рядом со мной. – И как вы нас рассудите? – спросил он, чуть склонившись ко мне.

– Прекрасное поздравление, – ответила я. – Вы талантливы, ваше сиятельство, это неоспоримо. Но так как талантом вы сверкали в стремлении превзойти господина Элькоса, то я его назову оригиналом и победителем. Но стихотворение превосходно. Это должно вас утешить. И не стоит прожигать во мне дыру взглядом. Вы желали моего суждения, вот оно. Примите и будьте благодарны.

Дренг, глаза которого в возмущении округлялись всё больше, пока я говорила, всплеснул руками и спросил:

– Зачем я вас слушаю? Вы ведь заодно с колдуном, и какое же суждение вы могли вынести, ваше предвзятое сиятельство? – продолжал королевский любимец. – Государя спрашивать нет смысла, он сразу выберет вас. Нет-нет, нам нужно совершенно беспристрастное мнение. – Дренг огляделся. Элькос хмыкнул, я осталась невозмутима. – Нет, здесь мы не найдем нужного. Одни будут рады наговорить мне гадостей, другие станут заигрывать с вами, а потому мы отложим наш спор до начала бала. Уж там непременно сыщется тот, кто выскажется по совести.

Я едва заметно усмехнулась, Элькос вздохнул, на том спор и прекратился. Между тем поздравления продолжались. Уже прошли все приближенные, и потянулись придворные. Никто не пытался больше быть оригинальным. Придерживались правил, и этого было достаточно. Да и государь бы не одобрил, если бы торжество превратили в состязание. На подобное могли осмелиться немногие, и они уже это сделали. А более никто не стал рисковать вызвать монарший гнев.

И из всех разве что отличилась супруга секретаря министра финансов – баронесса Дарскейп. Ее милость, дама молодая и привлекательная, но далеко не умная, начала свое выступление с затянувшегося реверанса и демонстрации глубины своего декольте. Она даже умудрилась поводить плечами, привлекая внимание государя к весьма выдающейся части своего тела. После рассыпалась в уверении своей преданности и готовности служить Его Величеству, как бы он ни приказал это сделать.

– Боги, – услышала я шепот за спиной. – Ну и дура.

Я была полностью согласна, но взгляд на короля подняла. Нет, я не сомневалась в нем и понимала, что столь грубая и незамысловатая попытка соблазнить вызовет лишь насмешку, но поглядеть всё равно было любопытно. Мой венценосный любовник потер переносицу и, прохладно улыбнувшись, ответил:

– Похвальное желание, ваша милость. Благодарю.

Баронесса просияла. Ее супруг, а он всё это время, разумеется, был рядом, поджал губы и, взяв жену под локоть, потянул ее в обратную сторону.

– Любопытно, кто сделал ставку на декольте баронессы Дарскейп? – шепотом спросил Дренг.

– Думаю, ее муж, – шепнул в ответ магистр. – Он не разгневан ее выходкой, но раздосадован. Никто из тех, кто желал бы быть приближен к монарху, не станет связываться с глупышкой вроде ее милости. А вот ее муж, уверенный в достоинствах жены, но, не обладая навыками интригана и гибким умом, вполне мог сделать на супругу ставку. Насколько помню, Дарскейп находился в затруднительном положении.

– Он сильно задолжал, – шепнул королевский виночерпий барон Скальд. – Потратился на любовницу, теперь, похоже, решил поправить дела с помощью жены.

– Каков негодяй, – я неприязненно передернула плечами.

– Они друг друга стоят, – усмехнулся Дренг. – Дама довольно вольных взглядов. Он тратится на певичек, она – любительница молодых писарей, которые вхожи в дом ее супруга. Вместе свои сундуки опустошают.

– Боги, откуда вы всё это знаете? – поразила я.

– Так это вы, дорогая наша графиня, в иных сферах летаете, – улыбнулся королевский камердинер Морсом. – А мы слушаем, о чем на земле нашей грешной шепчутся.

– Ужасно, – фыркнула я.

Звук заигравших труб прервал нас. Взгляды всех, кто находился в тронной зале, обратились к двери. В нее входили герцоги Ришемские. Нибо нес на руках сына, испуганного громкой музыкой. Малыш надрывался во всю мощь своих маленьких, но уже могучих легких. Кружевные пеленки его скрывали от взоров, но я была уверена, что ребенок прелестен.

Мой взгляд задержался на герцоге. Я не видела его ни разу после их свадьбы с Селией. Его светлость нисколько не изменился, разве что отрастил волосы по старинной моде. Они были стянуты лентой в маленький хвостик, и, признаться, ему такая прическа шла. Статный, подтянутый, во фраке, он смотрелся прекрасно.

Герцог не улыбался. Мне даже показалось, что он несколько рассеян. Зато супруга его светилась, будто летнее солнышко. Ее лицо было озарено торжествующей улыбкой, будто в тронную залу входил победитель, а не изгнанница. Впрочем, она так, должно быть, и считала, раз подарила Камерату наследника.

– Что-то Ришем не выглядит счастливым, – негромко произнес Морсом.

– Еще бы, – хмыкнул Дренг. – Он сейчас ступил на тонкий лед. Один неверный шаг, и его светлость сверзится в полынью. Думаю, он был бы счастливей, если бы его сына рассматривали как подданного, но не возможного короля.

– Тихо, – шикнул на болтунов Элькос. – Сейчас вас услышат.

В это мгновение супруги дошли до изножья, и музыка стихла. Остался только возмущенный крик младенца, и магистр поспешил, чтобы помочь его успокоить и закончить церемонию без помех. Вскоре Элькос вернулся, потирая руки. Я устремила на него вопросительный взгляд, который маг понял и шепнул:

– Там полноценный Ришем. От Стренхеттов только темный пушок на голове. Милый мальчик.

Нибо склонился, приветствуя государя, Селия присела в реверансе, и король поднялся с трона. Оставив свой посох, он неспешно спустился вниз и принял на руки племянника. А когда вновь поднялся наверх, развернулся к подданным, но заговорил не сразу. Он короткое мгновение рассматривал младенца, и на лице его не мелькнуло ни единой эмоции. После, как мне показалось, коротко вздохнул и заговорил:

– Наделяю тебя, мой племянник, рожденный в герцогстве Ришемском от отца твоего Нибо Ришема и названного Арвином, именем рода моего. Отныне и до срока повелеваю при-

знать тебя, Арвин Стренхетт, наследником моим по праву и закону королевства Камерат. – Герцог опустился на одно колено, принимая слова своего господина. Селия присела в глубоком реверансе.

Монарх спустился с тронного возвышения и направился мимо склоненных голов знати прочь из залы с младенцем на руках. Придворные и гости последовали за ним. Путь государя лежал к широкому балкону, который выходил на дворцовую площадь, сейчас до отказа заполненную народом. Магистр, опередив всех, поспешил присоединиться к королю. Впрочем, Элькос остался стоять за спиной Ивера, невидимый камератцам.

И когда король с ребенком на руках появился на балконе, люди на площади склонились перед своим монархом.

– Жители Камерата! – заговорил монарх, и голос его, усиленный магом, понесся над площадью: – Услышите волю мою, ибо говорит с вами ваш единовластный повелитель! Имя моего наследника – Арвин Стренхетт! Быть ему наследным принцем, покуда не рожден сын плоть от плоти моей. И если боги призовут меня прежде отведенного мне времени, повелеваю быть регентом и править от имени дитя до его зрелости того, чье имя указано в моем завещании и будет оглашено после моей кончины. Отец же принца – его светлость Нибо Ришем, будет править в своем герцогстве, дабы не оставлять часть земли камератской без головы и законного владетеля. Такова моя воля! – После поднял младенца на вытянутых руках и закончил: – Его Высочество наследный принц Арвин Стренхетт, герцог Ришемский!

Площадь взорвалась ликующими воплями, оглушив даже тех, кто находился за спиной короля во дворце. Ив еще некоторое время слушал восторг камератцев – они славили государя и его наследника. А потом король развернулся, и мы склонились, приветствуя государей правящего и будущего... если, конечно, иного не будет.

На этом официальная часть торжества закончилась. Дальше начиналось празднество во дворце и на улицах, и не только в столице. Государь ушел с балкона, и поманил сестру.

– Ваша светлость, – сказал он, бросив последний взгляд на мальчика, – отнесите Его Высочество нянькам. На сегодня ему испытаний достаточно.

– Ох, братец, – донесся до меня приглушенный щебет Селии, – это такая честь, такая милость...

Государь с рассеянной улыбкой потрепал ее по щеке и поднял взгляд на Ришема. Тот без слов понял короля и забрал сына из его рук. После передал дитя супруге, что-то шепнул и развернул ее в сторону дверей. По лицу герцогини скользнула тень досады, даже разочарования. Возможно, она ожидала чего-то вроде благодарности или похвалы, может, еще чего-то, но не дождалась. А вот Нибо, как мне показалось, немного расслабился. Теперь он выглядел более уверенно.

– Прошу простить, Ваше Величество, – негромко произнес герцог, и они с женой удалились. Впрочем, герцогская чета не покинула нас, вскоре они вернутся и будут вместе со всеми наслаждаться празднеством.

– Ваше сиятельство, следуйте за мной, – велел Ив.

– Дамы и господа, прошу проследовать вас в бальную залу, – донесся до меня голос королевского распорядителя, когда я направилась за королем.

Более он никого не позвал, но свита ему сейчас была без надобности. Государю нужно было избавиться от лишних регалий. Мог бы и без меня обойтись, но решил иначе. Сейчас наши пути с гостями и придворными разошлись. И, как только мы скрылись из виду, Ив подставил локоть, и я с готовностью взяла его под руку.

– Королем быть ужасно, – проворчал монарх. – Я зад отсидел, пока всех выслушал.

– Беденький, – хмыкнула я. – Но неблагодарный.

– Я проделаю нечто такое в твой день рождения. Усажу и заставлю всех подходить с поздравлениями. Потом покажешь, насколько благодарна, – пообещал мстительный венценосец. Я отмахнулась:

– Нашел, чем пугать. Попробуй, как девица на своем представлении, обойти каждого гостя. Ноги до коленок сотрешь, а еще надо сохранять радушие, быть милой и приветливой. А ты всего лишь посидел на мягкой подушечке и жалуешься.

– В тебе нет ни капли сострадания, – фыркнул монарх.

– К королевскому седалищу? Для этого в него должны хотя бы выстрелить, – пожалала я плечами.

– Руки прочь от монаршего зада, – высокомерно произнес Ив.

Он остановился. Это стало знаком, после которого к королю приблизились пажи и хранитель королевских регалий с помощником. Первые сняли с плеч государя мантию, второй, поклонившись, с благоговением подставил раскрытый ларец, и двое пажей, чьи руки не были заняты мантией, сняли с шеи монарха медальон с гербом Камерата. Его убрали в ларец. Помощник хранителя реликвий опустил на одно колено и принял посох власти. На государе из всех регалий осталась лишь корона. Для следующей части торжества этого было достаточно.

– Господа жду вас на моем празднике, – сказал им король и вновь подставил мне локоть.

Регалии отправились в хранилище, а мы в бальную залу. Теперь сопровождали нас только гвардейцы.

– Как тебе показался племянник? – спросила я с любопытством.

– Милый младенец, – без особых эмоций ответил государь. – Сейчас сложно сказать, на кого похож. Глаза голубые, пушок на голове черный. Вроде и Стренхетт, но посмотрим, в кого пойдет. Еще рано делать выводы. – Он немного помолчал, но вдруг приостановился и посмотрел на меня: – Ты хочешь на него посмотреть? Взять на руки?

– О, – отмахнулась я. – Что ты. Он такой маленький, мне страшно причинить ему случайно вред. Нет, в руки я бы его взять не хотела, но поглядеть было бы любопытно.

– А мне было бы любопытно поглядеть на тебя с младенцем на руках. Должно быть, очаровательнейшее зрелище.

Я ответила настороженным взглядом.

– К чему ты это говоришь? – осторожно спросила я.

Государь изломил бровь, посмотрев на меня с легким удивлением, затем усмехнулся:

– Нет, ты неверно поняла. Я всего лишь сказал, что ты должна мило выглядеть, когда возьмешь на руки дитя. Только и всего. Бастард мне не нужен. Но однажды ты возьмешь на руки моего сына, это я знаю точно.

Теперь я и вовсе была сражена его словами, не понимая, как их воспринять. Ив с явным интересом наблюдал за мной, а я стояла, не в силах осознать то, что он задумал. Наконец не выдержала и воскликнула:

– Но это невозможно! Ив, ты не поступишь так со мной...

– Как? – полюбопытствовал он.

– Если ты говоришь о нашем браке, то это совершенно неправильно и неразумно! И...

– И?

– И я не хочу!

– И что же дурного в том, чтобы стать королевой?

Я впиалась ему в лицо пытливым взором, но не увидела: ни злости, ни упрямства, ничего, что подтвердило бы мои подозрения. Только ирония и прежнее любопытство.

– Так ты не об этом? – вновь осторожно спросила я.

– Не об этом, но твои слова меня, признаться, задели, – ответил король. – Я жду пояснений. В конце концов, мы и так живем, как муж и жена. И что бы изменил храм?

– Всё! – воскликнула я. – Мы не живем, как муж и жена. Мы живем, как любовники. И это не обременяет нас обязательствами и предписанными законом и этикетом правилами. И первое, что изменится, мы уже не будем делить покои, мы будем делить дворец. Королева с Малым двором в своем крыле, король в своем. Я не смогу покинуть дворец, как сейчас, не смогу заниматься ничем, кроме как посещать одобренные тобой заведения, чтобы погладить по головам сирот и оставить им некую сумму денег. Но я уже не смогу проконтролировать, куда ушли эти деньги, потому что всякая государственная деятельность будет мне запрещена. С министрами я смогу беседовать только о погоде, а всё иное будет равняться предательству. И всё потому, что женщина не может быть причастна к власти. Попытка управления приведет к моей казни. Верно? Или ты собираешься переписать этот закон и позволишь мне стать твоим соправителем?

– Нет, не собираюсь и не позволю, – ответил Ив. – Женщина у власти – это прямое нарушение одного из основных законов. Чтобы его переписать нужно больше, чем мое желание.

– Я не смогу просто сидеть со своими фрейлинами и умирать со скуки, слушая чтение рекомендованных книг. Да я взвою! И что тогда? Отправишь меня на плаху или пришлешь палача с удавкой? А тебе придется отдать приказ, потому что я не утерплю и суну нос в государственные дела, и это может стать известным. И даже если я просто спрошу Атленга о внешней политике, а он ответит – это уже будет называться изменой. И как же ты тогда поступишь? Топор или удавка?

Государь рывком притянул меня к себе, подцепил пальцами подбородок и заглянул в глаза:

– Не хочу смотреть, как твоя голова расстанется с телом, – нервно улыбнувшись, ответил он. – В вашем сочетании есть неоспоримая гармония. Проклятье, – Ив передернул плечами и отвел взгляд. – Даже представить это невозможно. Ни удавку, ни топор. В тебе слишком много жизни, чтобы... боги, – голос монарха охрип, и он кашлянул, прочистив горло. – Не хочу об этом. Жутко. – И покривился: – Дай мне минуту.

Он выпустил меня из объятий и отошел в сторону. Опершись ладонью на стену, король опустил голову и застыл так на некоторое время.

– У-уф, – наконец выдохнул государь, оттолкнулся от стены и развернулся ко мне. Он протянул руку, и я подошла к нему. Ив вновь обнял меня и, прижав мою голову к своему плечу, произнес тихо: – Какая ужасная фантазия. Хвала богам, что она не может осуществиться. Не хочу без тебя. – Он отстранился, и я подняла на него взгляд. – Душа моя, ты едва не довела меня до разрыва сердца.

– Которого из двух? – с улыбкой спросила я.

– Негодница, еще издеваешься, – усмехнулся государь. – Но закончим об этом. Разговор был пустой, а ты превратила его в нечто мрачное и дикое. Тебе не о чем переживать, я не собирался делать тебе предложение. Этот брак не примут и не поймут, а потому пусть всё остается как есть. Теперь ты успокоилась?

– Но что тогда ты подразумевал, говоря, что однажды я возьму твоего ребенка на руки? – спросила я, вновь преисполняясь любопытства и настороженности. – Неужто хотел сказать, что, женившись и зачав дитя, ты унизишь мать тем, что позволишь любовнице возиться с ее ребенком?

Государь усмехнулся. Всякие переживания его отпустили, а значит, я коснулась темы, его не трогавшей.

– Шанни, душа моя, ты ведь понимаешь, если я когда-то и женюсь на какой-нибудь принцессе, то лишь ради наследника. По сути, мне нужно лишь ее чрево, а не она сама. У меня есть женщина, которую я люблю и почитаю своей. Так разве же есть что-то удивительное, что я предпочту видеть свое дитя на руках возлюбленной? До чрева мне нет никакого дела.

– Фу, Ив, – скривилась я. – Какая мерзость. Ты говоришь ужасные слова.

– Зато правду, – он пожал плечами. – А потому закончим разговор о женитьбе и детях. Пока я не желаю ни того, ни другого. Мы продолжим жить как жили. Ты будешь менять устои и сводить с ума законников, я тихо потворствовать тебе и иногда исполнять капризы и пожелания. А ты за это дарить мне свой огонь и благодарность. – Король снова усмехнулся: – Шанриз Тенерис, я отравлен вами.

– Противоядия нет, – притворно вздохнула я.

– Не хочу противоядий, – он мотнул головой и, склонившись, шепнул: – Люблю тебя изо всех сил, лучик, – а после приник к моим губам.

В бальную залу мы входили, когда даже хранитель регалий успел вернуться из хранилища вместе со своим помощником и пажами. Разговор на неожиданную тему занял времени больше, чем казалось, пока мы спорили. Впрочем, опоздал сам король, а ему замечания сделать невозможно, и потому он ввел меня в залу без всяких извинений за задержку.

Меня всегда восхищало это место. Хрусталь, зеркала и изящная лепнина, покрытая позолотой, превращали бальную залу в нечто невесомое и хрупкое. Даже паркет был здесь натерт настолько, что можно было увидеть собственное отражение.

Помнится, как-то Дренг сказал в своей излюбленной манере, что мог бы рассмотреть, что надето под платьем дамы, с которой он танцует, если бы, конечно, захотел. Я тогда обозвала его невозможным грубияном и похабником, но слова, произнесенные в шутку запали в голову. На первом же балу после того разговора я украдкой бросила взгляд на пол и усмехнулась собственной легковёрности. Паркет хоть и отражал танцующие пары, но увидеть что-либо этакое было невозможно. Правда, сознаваться в собственной мнительности я, конечно же, не стала, и это осталось только моей тайной.

Первый танец принадлежал хозяину праздника. Кто станет его партнершей, было ясно без слов. А потому государь вывел меня сразу на середину зала. Он галантно склонил голову, я присела в неглубоком реверансе, после накрыла запястье вытянутой руки короля ладонью, и музыка полилась по зале.

Монарх был прекрасным кавалером, и танцевать с ним было неизменно приятно. Я получала удовольствие, кружась по зале в его объятьях. А то, что на нас смотрят несколько сотен глаз, меня не смущало уже давно. Я привыкла к всеобщему вниманию и попросту его не замечала.

И когда музыканты замолчали, к нам поспешил лакей с подносом, на котором стояли бокалы с вином. Государь взял оба бокала, передал мне мой и, подняв свой, провозгласил:

– Прелестные дамы, благородные господа, благодарю за то, что вы почтили меня своим вниманием. Да начнется веселье, – и он поднес к губам бокал.

– Слава королю! – разнеслось по залу, и воздух расцветили вспышки магического салюта, ознаменовав начало праздника.

Глава 7

Торжества, посвященные дню рождения государя и провозглашению наследника, продлились три дня. За это время я ощутила, что уже начинаю скучать по моим привычным занятиям, и последний день празднеств едва дотерпела до его завершения. Все-таки праздность и безделье – это не для меня. В этом я легко могла проследить в себе черты моей дорогой родительницы. Разница была лишь в том, что она свою деятельность направляла на свое окружение, а я замахнулась на устои государства.

Но наконец отгремели салюты и отсверкали фейерверки, горожане и придворные разошлись по уютным кроватям, а дворники, вооружившись всем необходимым, отправились чистить улицы от последствий общенародной радости. А я, ложась спать, светилась от счастья, что утром смогу вернуться к своей деятельности.

– Надо чаще устраивать праздники, – заметил государь, увидев, как я в предвкушении потираю руки. – Так тебя хотя бы можно найти без особых усилий.

– Ты всегда знаешь, где я нахожусь, – отмахнулась я. – И что-то я не припомню, чтобы за день ты хоть раз искал со мной встреч или требовал вернуться во дворец.

– Чтобы после иметь сомнительную честь наблюдать взбешенную аденфиру? Чтобы ты выпустила из меня всю кровь и сплясала на бездыханном теле? – Ив передернул плечами. – Я умею ценить жизнь и желаю наслаждаться ею как можно дольше. Развлекайся, душа моя, я умею ждать. Да и собственные заботы отвлекают недурно.

– Вот именно, – назидательно ответила я. – Когда есть дело, на скуку времени не остается.

И вот настал день вернувшихся забот. Я встретила его очередной счастливой улыбкой и поспешила покинуть уютное теплое ложе. Ив, как обычно, проснулся раньше и уже должен был приступить к своим делам, ну и я медлить не стала. Тальма, ждавшая моего пробуждения, услышав призыв колокольчика, распахнула двери. Она, будто маститый дирижер, управляла своим оркестром – горничными, глядевшими на мою камеристку с трепетом и обожанием.

– Коляска? – спросила я, спешно завтракая.

– Уже заложили, – ответила Тальма. – Гвардейцы ожидают вашего выхода. Государь велел зайти к нему до выезда. Вот еще, ваше сиятельство, – она подала мне поднос, на котором лежало два письма.

Первое было от дядюшки. Его сиятельство уведомил, что присоединиться ко мне по известному мне адресу. Второе письмо было от герцога Ришема. Коротко вздохнув, я открыла его и пробежала глазами.

– Тальма, вели передать его светлости, что ему ничего брать с собой не нужно. Да, и пусть скажут, что я буду готова к выезду через двадцать минут. Пусть ожидает у парадного выхода.

– Ох, госпожа, – камеристка прижала ладонь к груди. – Это же Ришем, как-то боязно. Зачем вы с ним связались? Простите, – поспешно добавила она.

Я промокнула уголки губ салфеткой и улыбнулась.

– Он испросил позволения сопровождать меня у государя. Его Величество позволил, – ответила я. – Он не сотворит nepотpeбствa, не волнуйся. К тому же со мной королевские гвардейцы и дядюшка. Но от этой поездки может выйти прок.

– Боги с вами, госпожа, – вздохнув, ответила верная служанка.

Она подала мне плащ и шляпку. Оглядев себя в зеркале, я подмигнула своему отражению и выпорхнула из королевских покоев. Гвардейцы, увидев меня, склонили головы, приветствуя.

– Доброго утра, господа, – улыбнулась я им.

Впрочем, далеко я не ушла. Памятуя о словах Тальмы, я направилась к двери королевского кабинета. Она открылась передо мной без долгих проволочек. Это уже было заведенное правило. Остановить меня могли, только если Ив был занят чем-то первостепенной важности,

и мешать ему было ну никак нельзя. Однако сейчас он ожидал, когда соберутся его советники, а потому преград на моем пути, к счастью, не было.

– Доброго утра, государь, – присела я в реверансе.

Король оторвал взгляд от бумаг, улыбнулся и поманил к себе. Я поспешила откликнуться на призыв. Монарх поднялся из-за стола мне навстречу, и я впорхнула ему в объятия.

– Доброе утро, душа моя, – ответил он, поцеловав меня в уголок губ. – Ты уже готова к выезду?

– О да! – жизнерадостно воскликнула я.

– Уж не сегодняшний ли твой спутник так обрадовал тебя? – глядя на меня испытующим взглядом, спросил государь.

– Ив, – я укоризненно покачала головой. – Что за чушь. Ты как никто другой знаешь, что я радуюсь не сопровождению, а самой поездке.

– Мне не нравится, что Ришем будет подле тебя. Я видел, как он смотрел на тебя в день своего приезда, меня этот взгляд разозлил. А теперь мерзавец проведет подле тебя весь день, а ты даже не возмущена... Раздражает.

– Ты сам позволил ему сопровождать меня, – напомнила я. – Запрети, и он останется подле жены и сына.

Король усмехнулся и, отступив на шаг назад, присел на угол своего стола. Он скрестил на груди руки и признался:

– За сегодняшнее утро я уже раз пять собирался это сделать, но каждый раз вспоминал, как загорелись твои глаза, едва ты услышала, что он заинтересован твоим начинаниями. Тебе важно, чтобы твои идеи распространялись, и мне не хочется огорчать тебя. Впрочем, не буду скрывать, мне любопытно, что выйдет у герцога. Но, – государь протянул руку, и я, вложив в нее свою ладонь, подошла к нему. Обняв меня за талию, он заглянул мне в глаза, я ответила преданным взглядом: – Ты не должна позволять ему вольности. А если он забудется, немедленно призывай гвардейцев. Не желаю, чтобы вы уединялись. Не вздумай им очароваться...

– Ив! – воскликнула я. – О чем ты? С нами будет мой дядюшка – это раз. А два – я как не видела мужчины в его светлости, так и не вижу. Что за глупости, право слово?

– Поклянись, – упрямо велел венценосец.

– Клянусь, – улыбнулась я. – Ваше Величество успокоены?

– Нет, – проворчал ревнивец. – Но кого это волнует, кроме меня?

– Глупый, – проворковала я и поцеловала кончик монаршего носа. – Ты – единственный, мой дорогой хищник. Иного мужчины не вижу.

– Пусть так и остается, – сдался монарх. Он ненадолго приник к моим губам, а после отстранился и велел: – Ступайте, ваше сиятельство, пока я снова не передумал.

– Обожаю тебя, – мурлыкнула я и поспешила покинуть королевский кабинет.

Только на пороге обернулась, послала своему любовнику воздушный поцелуй и исчезла за дверью. Навстречу мне попался один из советников, и я вздохнула с облегчением, радуясь, что короля отвлекут и он не испортит мне ни дня, ни настроения. Гвардейцы, сегодня сопровождавшие меня, слаженно развернулись и последовали за мной. Я в удивлении приподняла брови и со вздохом покачала головой. Вместо привычных двух телохранителей за мной следовали четверо. Ив усилил мою охрану. Усмехнувшись, я махнула рукой. Пусть хоть роту приставит, главное, не закрывает дворцовые ворота.

Коляска уже стояла у парадной лестницы. За ней конюхи держали под уздцы четырех коней для моего сопровождения. Кучер, заметив мое появление, деловито поправил шляпу, взял кнут и приготовился трогаться. Лакей, замерший у дверцы, распахнул ее, а помогал мне сесть уже Нибо Ришем, вместе со всеми ожидавший моего появления. Он приветливо улыбнулся, склонил голову и подал мне руку.

– Доброго дня, ваше сиятельство, – поздоровался герцог.

– Доброго дня, ваша светлость, – ответила я, воспользовавшись его помощью.

Нибо забрался в коляску после меня, устроился напротив, и лакей, закрыв дверцу, отошел в сторону.

– Трогайте, любезный, – велела я, и коляска покатила к воротам.

Сегодня в нее были впряжены двое белоснежных красавцев – подарок короля, впрочем, как и сама коляска. От таких подарков я приходила в больший восторг, чем от драгоценностей. У меня теперь была собственная конюшня, где обитало десять лошадей разной масти, среди которых почетное место занимал мой любимец – Аметист. Как его, кажется, не холили ни одну лошадь, чем шельмец и пользовался без всякого стыда и совести. Важничал, издевался, иногда «умирал», но я прощала ему всё на свете, потому что он оставался моей слабостью. Да и хватало припугнуть, что я заменю его другим, более стоворчивым, конем, как мой дорогой мальчик превращался в самого покладистого скакуна на свете.

– Куда мы направляемся? – спросил меня Нибо, когда коляска выехала за ворота.

– В торговый квартал, ваша светлость, – ответила я, поглядывая на него с интересом.

За эти три дня мы почти не приближались друг к другу. Нет, мы много раз оказывались рядом. А как иначе, если все мы находились подле короля? Но вот даже в беседах как-то миновали друг друга вниманием. Герцог был умным человеком, потому не приглашал меня на балу и не обращался ко мне в разговоре. А я прекрасно обходилась людьми, составлявшими мой привычный круг. И уж не знаю, что углядел мой ревнивец, но я сама ни разу не замечала пристального взгляда со стороны его светлости. Он вел себя безукоризненно.

И лишь вчера, когда разговор зашел о моих нововведениях, Нибо проявил живейший интерес и любопытство. Послушав, он выразил желание познакомиться с моей деятельностью ближе. Признался, что слышан и даже находит некоторые мои затеи разумными, а потому не прочь ввести нечто подобное в Ришеме. Это и стало поводом просить государя позволить зятю сопровождать меня, чтобы лично увидеть, что выходит из моих деяний.

Разумеется, я была рада новому союзнику. О нет, я не заблуждалась в отношении герцога, и что бы ни говорил государь, но в намерениях Ришема не было приударить за мной или соблазнить. Для этого Нибо был слишком осторожен и разумен. А вот вернуть себе через мое посредничество милость монарха – это то, что двигало интересом его светлости. И я не нашла в этом ничего дурного. Почему нет? Мои идеи получают распространение до южного предела Камерата, а герцог заручится поддержкой и помощью фаворитки Его Величества. А так как и я была женщиной разумной и осторожной, то можно было верить, что не ввяжусь ни в какую сомнительную и пагубную затею властителя Ришема. И король, придавив герцога тяжелым испытующим взглядом, после просверлив дыру во мне, дал свое одобрение. Собственно, так мы и оказались с его светлостью в одной коляске.

– Вы продолжаете расцветать, ваше сиятельство, – с улыбкой заметил Нибо.

– Благодарю, – немного сухо ответила я и задала свой вопрос: – Как вам жизнь семейного человека?

– Необременительна, – усмехнулся герцог. – Мы с супругой видимся нечасто, потому не успеваем устать друг от друга.

– А что ваш брат? Как он принял свою помолвку?

– О, – теперь герцог и вовсе рассмеялся, – Эйлл юн, да и я не особо его ограничивал в свободе, потому мой братец воспринял неожиданную невесту как приговор и скорое заточение. Но мы имели весьма продолжительную беседу, и его светлость выкинул белый флаг. Теперь он даже ожидает день свадьбы, особенно вдохновлен рождением племянника. Сказал, что желает быть молодым, когда его дети достигнут совершеннолетия, а не таким заплесневелым грибом, как его брат и господин.

– Грибом? – переспросила я.

– Заплесневелым, – важно кивнул герцог, и я развеселилась.

– Боги, вам же и тридцати еще нет! – отсмеявшись, воскликнула я.

– А ему всего семнадцать, – с улыбкой ответил Нибо. – В его глазах я древний старец. Но в заблуждениях ему пребывать недолго, скоро Эйлл поймет скоротечность времени.

– Какое верное замечание, – сказала я, скользнув взглядом по мостовой, заполненной народом. – Мое представление свету было всего четыре года назад, а будто лет сто прошло.

– У вас выдались насыщенные годы, ваше сиятельство, – ответил Ришем. – Не мудрено, что вы так чувствуете. Из девицы, судьба которой была предначертана и понятна, вы превратились в женщину, чью значимость невозможно не оценить.

Я вновь посмотрела на герцога, ожидая увидеть следы иронии, но он хоть и улыбался, однако насмешки не было.

– Не смотрите на меня так, – верно поняв мой взгляд, произнес его светлость. – Я искренен с вами. То, что только искренность может проложить к вам мостик понимания и дружбы, я понял уже давно. Да и не в моих интересах лгать вам, ваше сиятельство. Я ищу в вас друга и союзника и думаю, вы это сами прекрасно понимаете.

После оглашения моего сына наследным принцем я ощущаю неприятное трение удавки о кожу, а подобного чувства у меня не было с тех пор, как после свадьбы я вернулся в Ришем. Теперь, зная нашего дорогого сюзерена, я вновь чувствую шаткость своего положения. Я слишком усердно старался прежде, и теперь моя слава интригана и корыстолюбца может сыграть против меня.

Это, знаете ли, меня сильно удручает. Конечно, отказ мне как регенту несколько унял мои переживания, но это не означает, что Его Величество не пожелает принять превентивных мер, чтобы раз и навсегда избавиться от потенциальной угрозы с моей стороны. А потому я хочу доказать ему свою верность и лояльность. А также вернуть милость, утраченную вследствие прошлых интриг.

Моя жена глупа и недалновидна. Она сейчас видит себя спасительницей Камерата, даже уверена, что наш сын взойдет на трон. Порой мне кажется, что весь острый ум Стренхеттов закончился на предыдущих отпрысках покойного государя, а потому Селии достались лишь ревность, мнительность и злопамятность. С языка этой женщины порой слетают опасные слова, а она даже не понимает этого. А она сейчас кичится честью, оказанной нашей семье. Меня это, признаюсь, настораживает, даже пугает. Ее светлость способна погубить меня, а я этого допустить не могу. Во-первых, как вы верно заметили, мне еще и тридцати нет, и жить хочется не меньше, чем кому бы то ни было. Во-вторых, мне даже герцогство сейчас оставить не на кого. Мой брат еще слишком юн и не готов к управлению... да попросту не подходит для этой роли. Селия не может управлять уже потому, что женщина, к тому же женщина неумная и эгоистичная. Она легко примет решение в ущерб ришемам, но на пользу себе.

Остается мой сын, который не способен еще толком сам удерживать голову. К тому же он сейчас считается наследным принцем, а значит, до появления королевского отпрыска, хоть и является владельцем Ришема, но, когда придет время, будет жить и обучаться в королевском дворце. Моя земля достанется управителю, назначенному государем, и кто поручится, что он поддержит герцогство в том же состоянии, какого я добился за время своего правления? Нет, это не личные интересы, а потому рисковать я не просто не могу, но и не имею права.

– Скажите честно, ваша светлость, – прервала я откровения моего спутника, – что вы на самом деле думаете о том, чем я занимаюсь. Раз уж вы были искренни, то оставайтесь таким и далее. Итак?

– Вы сами просили быть искренним, – напомнил Ришем, я продолжила смотреть на него с любопытством. Я готова была к признанию, что он считает мои выдумки блажью, однако герцог произнес: – Мне интересно всё, что связано с вами. Я восхищен вами, Шанриз. Это чистая правда. Начать с того, что вы удерживаете власть над государем уже три года без всяких советчиков и покровителей. Вы умны, сильны духом и норовом. Я вижу, что он покорен

вами, и верю в это, потому что сам был павшим бастионом у ваших ножек. А если учесть ваш возраст, но я смело назову вас уникальнейшей из женщин. И, заметьте, я совершенно не касаюсь вашей красоты и внешней нежности, только внутренние качества. Красота – пустое, она способна покорить на время, но не поможет удержать внимание надолго. Красавиц много, вы – единственная. И потому я понимаю, отчего государь без ума от вас. Имей я хоть шанс на взаимность, и я бы отдал многое, чтобы завоевать ваше расположение, однако вы такая, какая есть. Вам важнее ваше дело, чем всё преклонение мира, а потому в моих помыслах нет: ни очаровать вас, ни склонить к тайной связи. Всё, чего я желаю, – это вашей дружбы, заступничества и поддержки.

Что касается ваших устремлений и взглядов, то я готов признать их справедливость, потому что на своем опыте испытал женские ум и изобретательность. Я был свидетелем интриг герцогини Аританской, да что там! Я сам стал ее жертвой. Я знаю вас, и вы – прекрасное доказательство того, что женщины способны на многое и сумеют пробиться там, где иной мужчина спасует. Впрочем, не каждую женщину стоит допускать к власти, как и не всякий мужчина справится с ней. Более того, в моем герцогстве военным делом занимаются и женщины, в приграничных поселениях, им это необходимо, чтобы выживать. И мне в голову не придет запретить им драться. Это в столице легко рассуждать о нежности и трепетности дамы, но когда в твой дом врывается кочевник, то томность не поможет спасти себя и своих детей, пока муж сражается на улице. И поэтому я в какой-то степени разделяю ваши взгляды, ваше сиятельство. Более того, готов стать помощником в вашем деле, и мне кажется, что вам это необходимо.

Мы нужны друг другу, Шанриз, и потому я еду с вами, чтобы лучше разобраться в том, что вы делаете. И теперь спрошу я, готовы ли вы даровать мне вашу дружбу и доверие?

– Дружба и доверие – это то, что нужно завоевать и доказать, – ответила я с вежливой улыбкой. – Между нами, о них говорить рано, однако я готова к сотрудничеству, ваша светлость. А уж к чему оно приведет, покажет время.

Я протянула ему руку, герцог посмотрел на нее, после мягко сжал мою ладонь и заверил:

– Вы можете на меня положиться. – Он откинулся на спинку сиденья и огляделся: – Нам долго еще ехать?

– Мы уже приехали, – ответила я и приветливо махнула рукой. – А вот и дядюшка. – Кучер натянул вожжи, и коляска остановилась.

Ришем первым вышел и подал мне руку. И когда я шагнула из коляски на мостовую, граф Доло, направлявшийся к нам, остановился и в великом изумлении воззрился на его светлость. Я тихо усмехнулась, воспользовалась предложенной рукой герцога, и мы направились к его сиятельству, теперь глядевшего на меня пытливым взглядом. Он ждал объяснений. Мне скрывать было нечего, а потому, когда мы сблизилась, я произнесла:

– Доброго дня, дядюшка. Позвольте вам представить нашего нового союзника. Его светлость желает ознакомиться с нашим делом и завести нечто подобное в Ришеме. Удачная идея, не находите?

– Это было бы прекрасно, – осторожно ответил граф и перевел взгляд на Нибо. – Однако...

– Это чистая правда, – произнес герцог. – Доброго дня, ваше сиятельство. Позвольте для начала принести вам свои извинения за мои прошлые грехи. Я поступил с вами подло, в чем уже раскаивался перед ее сиятельством. И все-таки прошу увидеть во мне пусть и не друга, но человека, который готов поддержать ваше дело и помочь в нем.

– Время покажет, – уклончиво ответил дядюшка, а после наконец поздоровался: – Добрый день, ваша светлость. Идемте, госпожа Хандель заждалась нас.

– Кто эта госпожа Хандель? – спросил у меня Нибо.

– Наша подопечная, – ответила я с улыбкой. – И первая женщина, которой позволено самой вести свои дела, без всяких управителей.

– Любопытно...

На госпожу Хандель обратил внимание дядюшка еще в первый год моего фавора. С тех пор, как остался без должности, и ему требовалось новое занятие, где он мог чувствовать себя полезным, его сиятельство занялся моим делом. И пока я получала необходимые знания от преподавателей, которых мне назначил государь, граф Доло обдумывал политику и последовательность наших действий.

– Дитя мое, вот что я вам скажу, – произнес он в одну из наших встреч, – образование – это хорошо, но нам нужно подготовить почву для первых выпускниц, иначе они со своими знаниями пойдут проторенной дорогой – в дом к супругу, чтобы рожать ему детей, стирать и натирать полы до блеска.

– Что же вы предлагаете, дядюшка? – живо заинтересовалась я.

– Я немало думал, разговаривал и наблюдал за жизнью дам из разных слоев общества. К примеру, вдовы коммерсантов. Не спорю, есть среди них те, кто не способен вести дела покойного супруга, и опека назначенных лиц для них благо. Но есть и такие, кто и у Смерти выторгуют себе еще пару лет. Хваткие и способные сами вести свои дела, они вынуждены прозябать в зависимости от управителей, которые без зазрения совести запускают длани в чужие карманы, и до вдов доходит средств в несколько раз меньше, чем они могли бы иметь, будучи хозяйками оставленного наследства в полном смысле этого слова.

– Несправедливо, – согласилась я и подхватила мысль, намеченную графом: – Надо дать им возможность самим заниматься делами.

– Изменения в закон с ходу не протащишь, – заметил дядюшка.

– Я уже избавилась от иллюзии в то, что перемены возможны по шелчку пальцев государя, – отмахнулась я. – Нужно провести эксперимент и выбрать женщину, которая способна показать, на что способна.

– Одной мало, – улыбнулся граф.

– Безусловно. Иначе это назовут исключением из правил. Но начать стоит с одной, и это должна быть женщина с волчьей хваткой. Разумная и волевая. Нам нужен достойный пример для тех, кто готов последовать за ней, а главное, за нами. И вот тогда уже можно будет говорить о поправках, однако высочайшим одобрением на наш эксперимент разжиться необходимо. – Я бросила взгляд на портрет короля, висевший в кабинете дядюшки, и усмехнулась: – Вы уже приглядели такую женщину?

– У меня их три, – ответил граф, – но наиболее подходящей считаю госпожу Хандель. Весьма достойная женщина. Она хороша уже тем, что прежде вела дела вместе с мужем, а значит, имеет не только хватку, но и представление о том, что от нее требуется.

– Значит, женщина у нас есть, дело за высочайшим одобрением, – резюмировала я. – Это я беру на себя. Думаю, через пару дней я добьюсь положительного ответа.

– Почему так долго? – изумился дядюшка. – Нет, Шанни, я не спешу, просто мне казалось, что государь неизменно идет вам навстречу...

– О, – взмахнула я рукой. – Если бы я попросила бриллиантовую брошь стоимостью в новый особняк, она была бы у меня к вечеру. Но что касается государственных дел, это нужно выгрызть зубами.

– Должно быть, ему нравится ваш напор, – улыбнулся граф.

– А по-моему, ему нравится доводить меня до белого каления, – проворчала я. – Но я получу то, что нам нужно. В этом можете быть уверены.

– В вас я ни минуты не сомневался, – рассмеялся дядюшка.

Я ошиблась, вырывать одобрение мне пришлось недолго. Спротивлялся государь всего один вечер. Мы привычно поспорили. Разговор проходил вечером во время прогулки по Малому парку. Через неделю мы должны были выехать в Лакас, и мне надо было спешить, чтобы заручиться одобрением короля на нашу с дядюшкой затею до отъезда. К сожалению,

мне задержаться не было никакой возможности, мой правящий любовник не желал выпускать меня из своих сетей, да и впереди тогда ждало знакомство с Тибадом. Но это означало, что заниматься нашим делом его сиятельству придется в одиночку, по крайней мере, пока я не вернусь.

Мы неспешно брели по аллее, время от времени кивая встречным придворным. Я держала короля под руку и слушала, что он говорит.

– Шанни, мне не сложно согласиться. Ты же знаешь, лучик, я готов выполнять твои капризы...

– Это не каприз, – прервала я короля. – Это необходимость, и она назрела. Ив, довольно закоснелых убеждений. Разве же ты сам не видишь очевидного? Управляющие и приказчики обворовывают своих хозяек, которые вынуждены терпеть унижительное положение лишь только потому, что они женщины и считаются заведомо неспособными вести собственные дела. Разве же это правильно? Кому как не тебе знать, насколько женщины предприимчивы? Дай возможность хотя бы одной опробовать свои силы...

– Одной я уже дал, – снова усмехнулся государь. – И во что она превратила мою жизнь?

– Ты несчастлив? – не без иронии спросила я.

Монарх остановился и, притянув меня к себе, поддел согнутым пальцем подбородок.

– Каждый мой день рядом с тобой наполнен счастьем, – сказал он и, не обращая внимания на посторонние взгляды, ненадолго приник к моим губам. После отстранился и сказал, глядя в глаза: – Твоя затея вызовет недовольство.

– У кого? Разве что у управляющего, которого мы отстраним от дел с твоей помощью.

– И как же мы его уберем? – полюбопытствовал государь, возобновив прогулку.

– Дай бумагу на имя моего дядюшки с указанием проведения ревизионной проверки, – ответила я. – Его сиятельству я могу доверять как самой себе. И когда будет подтверждено, что он воровал у своей хозяйки...

– А если не воровал? – полюбопытствовал король, и я отмахнулась:

– Где ты видел честного управителя? К тому же мы уже точно знаем, что он подворовывает, нужно лишь официальное подтверждение, и тогда граф Доло, наделенный тобою особыми полномочиями, отстранит его и передаст управление в руки госпожи Хандель. Ни один суд не посмеет оспорить королевское повеление, и бедная женщина сможет взять правила в свои руки. Ив, нам нужен этот эксперимент. – Теперь остановилась я. – Он ведь может и провалиться, верно?

Монарх хмыкнул и покачал головой:

– Вы с дядюшкой не позволите ему провалиться, разве я не прав?

– Ты всегда прав, милый, – улыбнулась я и накрыла его плечи ладонями. Рука короля легла мне на талию, и я подалась к нему. – Пожалуйста, Ив, – шепнула я и поцеловала его в уголок губ.

Он усмехнулся и ответил:

– Боги с тобой, душа моя, экспериментируй.

По законам Камерата управлять компанией «Хандель и Пъеп», оставшейся от безвременно почившего супруга, госпожа Хандель сама не могла. За нее это делали господин Пъеп как компаньон, и управитель, назначенный покойным. Женщине оставалось растить трех дочерей и вести домашнее хозяйство на деньги, которые ей выделяли компаньон и управитель. Даже ее возможное второе замужество зависело от этих двоих. Могли и не одобрить, если от жениха нет выгоды их делу, или же, напротив, он будет слишком напорист и захочет сунуть нос в дела вдовы.

Передав графу необходимую бумагу, которую государь написал мне в тот же вечер, я вскоре отправилась в Лакас. И пока меня не было, дядюшка привел в дом вдовы королевских ревизоров, которые под его бдительным оком проверили каждую цифру, каждую запятую в

документах. Они трудились целый месяц, сверяя все счета и затраты. Перевернули кверху дном дом госпожи Хандель, дом ее управителя и даже компаньона. Сурово сведенные брови его сиятельства и память о том, кто стоит за ним, не позволили ревизорам пойти на сделку ни с совестью, ни с управителем, а потому результат был правдивым.

Дядюшка, ознакомившись с выводами ревизоров, припечатал к столу вторую бумагу, лично подписанную Его Величеством, где было сказано об особых полномочиях, и управитель отправился в острог за воровство и попытку подкупа государственных служащих, включая самого графа Доло. И к делу наконец была допущена его законная хозяйка.

Что до компаньона, то ему пришлось вернуть госпоже Хандель ее права на их общее дело, как и финансы, которые оставались в его распоряжении. Дядюшка рассказывал мне, с каким мрачным видом господин Пьеп произнес:

– Эх, ваше сиятельство, со всем моим уважением говорю вам, что бабе деньги давать нельзя. Она промотает их сегодня же на булавки и прочие бабьи глупости, и что потом? Потом мое дело пойдет прахом...

– Насколько помню, любезный господин Пьеп, ваше дело носит название «Хандель и Пьеп», – прервал его граф Доло, – и имя вдовы стоит на первом месте, не так ли?

– Но она же ничего не смыслит...

– А мне думается, что госпожа Хандель еще и вас научит, как надо вести дело, – усмехнулся его сиятельство. – По выводам проверки доход вашей компании заметно снизился по отношению к годам, когда ею управлял покойный господин Хандель. Так вот, справедливости ради отмечу, что в то время именно его супруга занималась делами компании, лицом которой оставался ваш компаньон. Вам бы порадоваться, что приток средств вновь увеличится, и не за счет денег вдовы, которые она недополучала, а благодаря ее разуму и хватке. Еще поглядим, нужны ли вы ей будете, когда она вернет компании ее прежний престиж. Так-то, любезный господин Пьеп. – Дядюшка поднялся со стула в кабинете второго владельца компании «Хандель и Пьеп», но любезно улыбнулся и добавил: – И вот еще что вам не стоит забывать. Госпожа Хандель находится под личным покровительством графини Тибад-Стренхетт, и если вы позволите в отношении вдовы бесчестное поведение, то ее сиятельство узнает об этом незамедлительно, а вместе с ней и сам государь. Делайте выводы, господин Пьеп. Всего хорошего.

Предсказания Пьепа не сбылись. Вдова Хандель не поддавалась «бабьим глупостям». Граф Доло не ошибся в своем выборе, эта женщина нас не подвела. Пока я оставалась в Лакесе, она принимала наследство в полной его мере, разбиралась с тем, что ей осталось от управителя, и начинала делать первые самостоятельные шаги. Так что, когда я пришла знакомиться с госпожой Хандель, то застала ее за выволочкой, которую женщина устроила своему приказчику – господину Селгеру.

Солида Хандель мне понравилась. В ней чувствовался стержень и уверенность в своих силах. И внешне она оказалась крепкой, коренастой, с широкими ладонями и низким голосом. Женщина-твердыня! Но при виде меня неожиданно смутилась и мило зарумянилась. Впрочем, быстро обуздала стеснение и приняла весьма радушно. Мы побеседовали, и единственное, на что вдова посетовала в тот день, было:

– Жаль, что сына у меня нет, ваше сиятельство, – сказала госпожа Хандель. – Дочки-то с характером, но ведь юные совсем, кто с ними станет разговаривать? А ну, случись со мной что? И кто дело возьмет в свои руки? Опять пройдоха Пьеп? А был бы сын, пусть и юноша, так ведь и не стали бы рыла... ой, простите, морды воротить.

Я улыбнулась и, накрыв ладонью ее руку, лежавшую на столе, пожала и заверила:

– Если мы докажем на вашем примере, что женщины в силах вести коммерческие дела наряду с мужчинами, то вы сможете смело оставить компанию вашим дочерям. Да и молодая вы еще. Найдете достойного супруга, тогда, глядишь, и сынок будет.

– Вот еще, – фыркнула женщина и опомнилась: – Ой, простите. Это ж я не на вас махаю, ваше сиятельство, а на мужиков этих. Придет пройдоха какой, лапы на мое добро наложит. Нет уж, сама теперь при власти и отдавать ее не стану. Внука дождусь, вот мне и наследник. Выучу как надо, и будет достойный приемник.

– Дело ваше, Солида, – не стала я спорить.

Мы навещали коммерсантку время от времени, и не только ее. Те две вдовы, которых приглядел дядюшка, кроме госпожи Хандель, после ее успеха получили ту же возможность и с готовностью взялись за дело. Потому я была уверена, что женщины, которые благословляли меня на шествии в день рождения государя, имели отношение к тому же сословию. Мы дали им надежду, и коммерсантки ожидали дня, когда в законе об управлении появятся необходимые им изменения.

Графу и мне приходили письма, зачастую написанные полуграмотным языком, но женщины умоляли о заступничестве и помощи. Мы навещали их, знакомились с делами, помогали чем могли, однако дать всем того, что получили три счастливицы, пока не имели возможности. Для этого не хватало правовой основы. И чтобы ускорить процесс внесения изменений в закон, я обхаживала советников и министров. Мне нужна была их поддержка, и треть голосов у меня уже имелась. Так что помощь Ришема была не лишней. Если и в его герцогстве появятся женщины, которые покажут, что могут вести свое дело сами, то моему ставленнику в совете будет проще вынести наши поправки на обсуждение. И тогда король даст высочайшее одобрение, убедившись, что две трети присутствующих если и не поддерживают, то и не высказываются против.

Он, конечно, мог принять единоличное решение, но не в случае, к которому я имела отношение. Иначе это могло быть принято обществом как его слабость и потворство капризам фаворитки. Вроде мелочь, но отношение к реформе будет иным. А я хотела, чтобы поправка прошла как назревшая потребность, а не желание государя угодить любовнице. Да он бы и не пошел на это ради моих капризов. Лошадь редкой породы, если бы я захотела, выписал, а менять устои – нет. Это было правильно, и это помогало стремиться к успеху.

Однако время первых ощутимых перемен еще не наступило, и мы продолжали принимать живейшее участие в наших подопечных, но вдова Хандель оставалась нашей любимицей, и к ней мы могли заехать даже просто поболтать. Впрочем, сегодня в этот дом нас привело дело, а именно записка, переданная еще вечером накануне начала празднеств в честь дня рождения Его Величества. Из-за торжества пришлось отложить визит. Но вот вынужденные дни безделья закончились, и первым же делом мы с его сиятельством приехали, чтобы узнать о горестях Солиды.

Почтенная вдова встретила нас почти на пороге. Она была мрачна и воинственна, что не помешало женщине поклониться нам с обычной приветливостью и радушием. А уж когда взор ее остановился на его светлости, вдова и вовсе смутилась. Красота Нибо Ришема производила на женщин неизменное впечатление.

– Знакомьтесь, Солида, – улыбнулась я. – Его светлость герцог Ришемский.

– О-ох, – протянула женщина. – Герцог...

– Доброго дня, госпожа Хандель, – с вежливой улыбкой произнес его светлость.

– Что у вас случилось? – спросил дядюшка, и упоминание еще неизвестных нам неприятностей вернуло женщину с небес на землю.

Она вновь посуровела, и вскоре мы уже находились в ее кабинете. Мне нравилось, что встретившись с трудностями, Солида не предавалась страданиям и панике. Она и сейчас лишь припечатала развернутое письмо ладонью и произнесла:

– Поглядите, ваши сиятельства, что пишет мне этот негодник.

Дядюшка первым взял письмо, быстро пробежал его глазами и пояснил мне, чтобы ускорить дело:

– Господин Пьеп разрывает всякие деловые связи с госпожой Хандель и выходит из компании, что влечет за собой большие убытки...

– Еще какие! – воскликнула Солида. – Он ведь не только свой капитал забирает, но и всех, с кем мы работали. Они, видите ли, не желают иметь дело с бабой! Простите...

– Пьеп пишет, что последующее сотрудничество наносит урон его репутации и вредит коммерции, – снова заговорил дядюшка.

Я забрала у него письмо, перечитала и отложила на стол, откуда его взял Нибо. Дело было серьезным. Как выразилась Солида, пока мы поднимались в ее кабинет, тут и вправду можно было пойти по миру.

– Ничего, – прищурилась госпожа Хандель, – еще посмотрим, кто в барыше останется, а кто портки веревкой подвяжет, чтобы голый зад спрятать... Ой, простите.

– Нужен хороший стряпчий и адвокаты, – не слушая вдову, сказал мне дядюшка. – У меня остались хорошие знакомые, так что я найду отменного стряпчего.

– А я попрошу Фьера подыскать лучших адвокатов, – добавила я. – Мы Пьепа оставим и без штанов, и без веревки. Но прозябать, пока тянется тяжба, мы тоже не станем. Не хотят вести дела с женщиной, и пусть их пожрут псы Аденфора.

Вдова прикрыла рот ладонью, глядя на меня со священным ужасом.

– Так ведь новых-то так быстро не найду, – сказала она. – Может, повлияете на них...

– Вот уж не было печали, как дураков уговаривать, – отмахнулась я. – Хотят Пьепа, пусть с ним дружбу и водят, а вам, дорогая, стоит подняться на новый уровень связей. И вот в этом мы вам поможем.

– Да как же мне отблагодарить вас, ваше сиятельство? – умилилась женщина.

– Пока особо благодарить не за что, – отмахнулась я. – А вот после я буду ждать от вас вложений в мой фонд на благотворительность, а также поддержку и сбор наших с вами сторонников. И когда мы добьемся необходимого перемены, тогда вам уже никто не сможет помешать в вашем деле, разве что конкуренты.

– Я всё помню, – склонила голову госпожа Хандель. – Боги с вами, госпожа графиня, а я и так уже вся ваша с потрохами. Простите.

– Благодарю, – улыбнулась я и поглядела на дядюшку: – Идемте, ваше сиятельство, у нас прибавилось много дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.